

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

46-том

ӨМІРБАЯН, СӨЙЛЕГЕН СӨЗДЕР,
ПЬЕСАЛАР, ЗЕРТТЕУ, АУДАРМА

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7
Ә 82

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат және мұрағат комитеті «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару» бағдарламасы бойынша шығарылды

Редакциялық кеңес:
Кеңес төрағалары – *М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов*

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы *У. Қалижанов*

Кеңес мүшелері:
Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанапиянов Б., Қасқабасов С., Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали К., Мағауин М., Мұртаза Ш., Нүрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

46-том: Өмірбаян, сөйлеген сөздер, пьесалар, зерттеу, аударма. – 288 бет.

ISBN 978-601-294-188-3

Мұхтар Омарханұлы Әуезовтің елу томдық академиялық толық басылымының 46-томына әр жылдары жазылған өмірбаяны, сөйлеген сөздері, зерттеуі мен аудармасы енді. Бұлардың қатарындағы “На крыльях песни”, “Золотокосая” пьесалары оқырманға тұңғыш рет ұсынылып отыр.

Кітап ғылыми жұртшылыққа, қалың оқырман қауымға арналған.

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7

ISBN 978-601-294-188-3 (46-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

Өмірбаян

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1897 г. 28 сентября в семье казаха кочевника-средняка Чингизской волости (ныне Абаевского района) Семипалатинской области. Дед мой Ауэз (от имени которого моя фамилия), дал мне начальное образование (помусульмански) дома. Дальше по содействию моего дяди Касымбека Ауэзова я поступил в русскую школу. В 1908 г. дядя определил меня в г. Семипалатинске в русское пятиклассное городское училище.

Смерть моего отца Омархана, последовавшая в 1909 г., перевела меня на попечение дяди. В русской школе мы обучались на казенной (земской) стипендии.

Окончив в 1915 году городское училище, я поступил в Семипалатинскую учительскую семинарию, где также обучался на земской стипендии.

Первые литературные опыты я начал со стихов, которые не были опубликованы.

Обучаясь в учительской семинарии в 1918–19 гг., я сотрудничал в журнале “Абай”, издававшемся на средства алашского (по названию города ныне имеющегося, Жана Семей) кредитного товарищества силами учащейся молодежи. Общественно-литературный журнал “Абай” не был органом правительства Алашорды (националистич. правительство казахов до советской власти), но имел в основе своей культурно-просветительской программы националистическую направленность. Как незрелые опыты юности, я писал в этом журнале статьи на темы общекультурные, как-то педагогические, просветительские и т.д., в большинстве малоценные и ошибочные по мысли (как полагаю теперь).

В 1918 г., будучи представителем культурно-просветительского молодежного кружка “Жанар”, я участвовал на

совещании казахской молодежи, представителей 10–12 кружков в г. Омске. Я председательствовал на этом совещании, но не вошел в состав избранного комитета, уехал к себе в Семипалатинск. Программа молодежной организации “Жас азамат”, объединившей представленные кружки, была в основе сходной с программой националистической партии Алашорды. Кроме своей работы в журнале “Абай”, я не занимал никаких официальных положений, должностей ни в одном учреждении Алашорды. Не был членом ни центрального, ни областного, ни уездного советов Алашорды, т.е. не был в числе действительных алашординцев, оформлявшихся в составе правительства и партии националистов через избрание, публикацию их списков (в газетах).

В 1918–19 гг. мною были написаны пьесы: “Ел ага-сы” (“Попечители народа”) и “Байбише-токал” (“Жены-соперницы”). Эти пьесы, особенно последняя, распространялись в рукописях, и в начальные годы революции, как пьесы, изобличающие распространенный тогда позорный быт многоженства – ставились в городах Казахстана и Туркестана, ставились молодежными драмкружками.

Будучи в последнем классе учительской семинарии в зиму 1919–1920 гг., с установлением советской власти в Западной Сибири (в г. Семипалатинске) в декабре месяце, я вступил в коммунистическую партию и начал свою общественно-политическую деятельность, сотрудничая в официальных органах советской власти. Вначале я заведовал киргизским (казахским) отделом Семипалатинского облревкома. А в годы 1920–21–22 работал на ответственных должностях в качестве члена Облсуда, члена президиума Семипалатинского облревкома, затем в 1921 г. был избран председателем этого облисполкома. А осенью 1921 г., на II-м съезде Советов Казахстана (Киргизского края), я был избран членом Президиума КазЦИК (в г. Оренбурге).

Проработав год на этой должности, в 1922 г. осенью я решил продолжить свое прерванное образование, переехал в Ташкент и поступил на экономич. факультет САГУ. Проучившись там одну зиму 1922–1923 гг., осенью 1923 г. я перевелся в Ленинградский госуниверситет на историко-филологический факультет (именовавшийся тогда факультетом общественных наук и позднее ЯМфаком). Окончив в

1928 г. Ленинградский университет, в том же году переехал в Ташкент и по командировке Казахского Наркомпроса поступил аспирантом Восточного факультета САГУ. За время аспирантуры я специализировался по кафедре истории литературы народов Средней Азии.

С занимаемого мною высокого поста члена президиума КазЦИК я уехал в 1922 г. на учебу без разрешения партийных органов и правительства. За это в 1923 я был исключен из партии за нарушение партдисциплины и за национализм.

Дальше в годы учебы в Ленинграде и в Ташкенте, в качестве писателя-прозаика и литературоведа публиковался во многих журналах Казахстана, печатался в издательствах.

В 1926 г. на казахстанском конкурсе на лучшую пьесу получила первую премию моя пьеса “Карагоз”, но позже она была признана националистической. В начале того же 1926 г. в Кызыл-Орде (центре республики) был открыт занавес первого Казахского театра моей пьесой “Енлик – Кебек”. Печатались в журналах и отдельной книгой в Казахстане мои рассказы, повести, пьесы в 1924-25-26-27-28-30 гг. Также публиковались и критические статьи, отдельные исследования по вопросам казахского фольклора.

А в 1930 г. я был привлечен к следствию по делу казахских националистов. По окончании следствия я был освобожден с условным приговором на три года (впоследствии судимость снята в 1943 г. решением Президиума Верховного Совета КазССР). Открещиваясь от своих националистических заблуждений, получивших отражение в отдельных произведениях (на тему прошлого) указанных выше лет, согласно оценке критики той поры, написал свое заявление для печати с осуждением ошибок прошлого.

В непосредственной связи с учебой и литературно-творческой работой указанных выше лет, я занимался изучением жизни и деятельности казахского классика Абая. Собранные мною в полном объеме произведения Абая и материалы его биографии были впервые изданы в качестве полного собрания сочинений поэта в 1933 году.

А в 1934 г. моей пьесой, сатирической комедией “Айман – Шолпан” был открыт занавес первого Музыкального театра Казахстана, ставшего потом Академическим театром оперы и балета им. Абая.

Последние двадцать лет, занимаясь, с одной стороны, педагогической и научно-исследовательской деятельностью в казахстанских вузах и научно-исследовательских учреждениях, я продолжал и свою писательскую деятельность. Основные произведения этого периода состоят из пьес на современные советские и исторические темы, из рассказов, повестей на те же темы.

За этот же период я посвятил много труда на создание романов о казахском классике Абае. И сейчас, в 1953 г., я заканчиваю первый цикл романов, состоящий из четырех книг о дореволюционном Казахстане.

По линии научно-исследовательской деятельности с 1945 г. до 1953 г. я помогал молодым... при защите докторских и кандидатских степеней более двадцати научным работникам филологам. За длительные годы научно-исследовательской и педагогической работы (в Казахском пединституте и в Казахском госуниверситете) мною написано много статей, исследований. Среди них наиболее крупными считаю свои исследования о творчестве Абая (монография о нем), исследование о киргизском эпосе “Манас”, новые исследования о казахской сказке и лиро-эпических поэмах, о песнях-состязаниях – “Айтыс” и т.д.

Из числа 36 названий, опубликованных и неизданных моих работ об Абае, были и отдельные ошибочные работы, они более относятся к первому десятилетию моих исследований об Абае, т.е. к 30-м годам. А за второе десятилетие, т.е. за 40-е годы, написаны труды, более правильно освещающие жизнь, эпоху и творчество казахского классика; к этому числу я отношу и свои романы об Абае, как итоги длительных исследовательских творческих исканий о нем.

В моих исследовательских работах по казахскому фольклору тоже были отдельные ошибочные положения, утверждения и оценки. Об этих своих ошибках я говорил, писал и недавно еще раз говорил в своих последних выступлениях на собраниях писателей и на дискуссии по эпосу в Алма-Ате (март, апрель сего года). Одной из главных причин наших ошибок при изучении истории казахской литературы является тот факт, что нет еще исчерпывающе правильно составленной истории, общественной истории Казахстана. И куда не определены обоснованные, устойчивые истори-

ческие оценки, представления о процессах, личностях, произведениях в исторической науке, естественно, переоцениваются, пересматриваются и проблемы, факты самой истории литературы, и становятся ошибочными при такой переоценке ранее высказанные взгляды.

Помимо признанных мною собственных ошибок, недостатков в изучении истории литературы, я указываю и на эти объективные трудные условия, осложняющие и усугубляющие недочеты в нашей работе.

Мое прошлое и моя последующая деятельность в качестве писателя и научного работника подробно и точно известны общественности Казахстана. Эта общественность, в том числе руководящая ее среда, великолепно знала все, связанное с моей деятельностью, и оценив мои скромные заслуги в области культурного строительства в социалистическом Казахстане, в 1946 г. выдвинула меня как писателя и научного работника в состав Казахской академии наук, в качестве действительного члена ее. А в 1949 г. она же выдвинула мой роман “Абай” на Сталинскую премию. Я награжден орденами Трудового Красного Знамени и “Знак Почета”. По сей день я являюсь действительным членом Казахской АН, лауреатом Сталинской премии, членом правления Союза писателей СССР, членом президиума Союза писателей Казахстана, также состою членом Советского комитета защиты мира от Казахской Республики.

В дополнение к сказанному о себе, добавлю краткие данные о семье. Моя семья состоит из: жены – Валентины Николаевны Ауэзовой, урожд. Кузьминой, дочери – Ауэзовой Лейли (которая являлась аспирантом Института востоковедения АН СССР), сына – Ауэзова Эрнара 10 лет и сестры – Асиржановой Умиш, бездетной вдовы 54 лет. Других близких родных (братьев, сестер) не имею. У жены нет в живых близких родственников. Никто из наших родственников не был под судом и следствием. Также не имеем родственников за границей.

Москва, 1953 г., 3 июня

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в 1897 г. в семье казаха крестьянина, кочевника-скотовода со средним достоянием. Отец мой Омархан и дед Ауэз (от имени которого и моя фамилия) являются казахами бывшей Чингизской волости (ныне Абаяевского района) Семипалатинской области. В раннем своем детстве я получил образование по-мусульмански, изучая преимущественно книги на арабском языке и на древнетюркском — малопонятные для меня, казахского мальчика.

С 12-летнего возраста меня отдали на учебу по-русски, вначале в аульную русско-киргизскую школу, а через год перевелся в Семипалатинское городское пятиклассное училище. Позже я окончил Семипалатинскую учительскую семинарию. Учился я на стипендию, которая называлась земской, и составлялась из суммы налога (покибиточного сбора), взимаемого с самого казахского народа.

С начала революции в 1917—18 гг. я вел педагогическую деятельность на курсах мугаллимов (народных учителей) и работал как начинающий журналист.

С 1919 года, с установлением советской власти в Сибири и Казахстане, в течение четырех лет (до 1923 г.) вел общественно-политическую и литературно-журналистическую деятельность (в качестве начинающего писателя-драматурга, прозаика и публициста).

За эти годы я был зав. киргизск. отделом в Семипалатинском облисполкоме, зав. кирг. (казахским) отделом облсуда, был членом президиума облисполкома, а в 1921 году был председателем Семипалатинского облревкома и облисполкома. Осенью 1921 г. я был избран на II-м съезде Советов Кир. Республики (Казахстана) членом Президиума КазЦИК. С этого поста я ушел на учебу в вуз, чтобы продол-

жить свое незавершенное образование и посвятить себя литературно-научной деятельности. И в 1922 году осенью я поступил на факультет общ. наук Среднеазиатского государственного университета, а с осени 1923 г. перевелся в Ленинградский госуниверситет на филологическое отделение (называлось оно в те годы “Этнолого-лингвистическим факультетом” – в целом, фактически он был филологическим факультетом. Окончив его в 1928 г., я перевелся в Ташкент, в Среднеазиатский госуниверситет аспирантом востфака. До 1930 г. проходил там аспирантуру, специализируясь по литературам народов Средней Азии.

За годы учебы в университете (в Ленинграде) и аспирантуре, я вел исследование истории казахской литературы и впервые в 1927 году, как итог моих педагогических, журналистических, критико-исследовательских работ вышел в объеме 18 печ. листов первый научно-исследовательский труд “Казах адабиети” (“История казахской литературы”). За эти же годы (до 1930 г.) я написал пьесы “Байбишетокал” (“Жены-соперницы”), “Енлик и Кебек” (истор. трагедия). Ею в начале 1926 г. был открыт занавес первого Казахского государственного театра. За пьесу “Карагоз” в 1926 г. я получил первую премию на казахстанском конкурсе на лучшую пьесу. За этот же период было написано мною более двадцати рассказов, повесть “Караш-Караш” и историческая повесть “Кийлы заман” о событиях 1916 г. в Казахстане.

Занимаясь со студенческих лет изучением жизни и творчества классика казахской поэзии Абая Кунанбаева, написал в 1927 г. его полную биографию и подготовил к печати первое полное собрание его сочинений. Этот том был издан в 1933 г. как одна из первых книг классической художественной литературы на новом казахском, латинизированном алфавите.

С 1932 года я начал свою научно-педагогическую деятельность на положении доцента, а затем профессора в Алма-Атинском казахском педагогическом ин-те имени Абая. С тех пор и доныне (до 1958 г. включительно) я веду курсы лекций в вузах Алма-Аты (до 1943 г. в КазПИ им. Абая, а с 1943 г. до настоящего времени – в Казгосуниверситете им. Кирова в Алма-Ате). За эти годы я принимал

участие в составлении учебников литературы для каз. школ. Под моей редакцией и при моем соавторстве был выпущен в 1950 г. 1-й том “Истории казахской литературы” для вузов (раздел фольклора) в объеме 40 печ. листов.

В 1957 г. под редакцией моей и т. Муканова изданы “Очерки казахской советской литературы” в объеме 44 печ. листов. Сейчас я, как академик КазАН, работаю в качестве зав. отделом фольклора в Институте языка и литературы Академии наук Казахстана и веду авторскую и редакторскую работу над составлением нового учебника для вузов по казахскому фольклору. Это объемистое исследование закончено сейчас на 75% и будет завершено к концу 1958 года.

В 1957 году вышел первый том “Истории Казахстана”, одним из соавторов (по разделам культуры этого тома) и членом редколлегии данного вузовского пособия являюсь также и я.

С 1928 г. занимаюсь изучением киргизского эпоса “Манас” во всех его вариантах. Мною написана монография о “Манасе”, этот мой труд выходит в свет в издании Ин-та мировой литературы им. А.М. Горького в Москве.

Я выступаю с критическими, научно-исследовательскими статьями на страницах журналов, газет, сборников на казахском и на русском языках. Мои статьи на русском языке печатаются на страницах газет “Правда”, “Известия”, “Советская Россия”, “Литературная газета”, “Советская культура”, “Казахстанская правда” и др., в журналах “Новых мир”, “Дружба народов”, “Знамя”, “Литературный критик”, “Советское востоковедение”, “Литература и искусство Казахстана”, в “Вестнике Каз. Академии наук”, “Известиях” в сериях филологической и исторической в Казахстане и др.

Принимая во внимание мою научную и педагогическую деятельность за 25 с лишним лет, в 1957 году, в день моего 60-летнего юбилея, решением Президиума Верховного Совета КазССР мне присвоено звание заслуженного деятеля науки.

В качестве литератора-прозаика и драматурга я награжден к своему 60-летнему юбилею, решением Президиума Верховного Совета СССР орденом Ленина. За свой исторический роман “Абай” в 1949 г. я получил Сталинскую премию первой степени.

Как драматург я написал свыше 25 пьес и либретто для опер. Мною переведены и поставлены на казахской сцене пьесы: Гоголя “Ревизор”, Шекспира “Отелло”, “Угрошение строптивой” и пьесы русских советских соавторов: Тренева “Любовь Яровая”, Афиногенова “Страх”, Погодина “Аристократы”.

Как прозаик я перевел “Дворянское гнездо” Тургенева, рассказы Л. Толстого, А. Чехова и других русских и иностранных писателей преимущественно из серии детских рассказов.

Я имею награждения: орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, “Знак Почета”, за заслуги в научной области и в литературно-художественном творчестве. Мой роман “Абай” переведен сейчас на 25 языков, в том числе на английский, французский, немецкий, на языки стран народной демократии и на все основные языки народов Советского Союза.

На казахском языке за последние годы издан шеститомник моих избранных художественных произведений. А в связи с 60-летним юбилеем, по решению правительства Казахстана, издаются еще 40 печатных листов художественных произведений и 40 печатных листов моих неопубликованных (книгой) научно-исследовательских трудов, специальных исследований.

*Академик Академии наук КазССР,
писатель, доктор филологич. наук,
профессор Мухтар Ауэзов*

1958 г. 5 апреля

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился 28 сентября 1897 г. в семье кочевника-казаха (крестьянина середняка) Чингизской волости (ныне Абаевского р-на) Семипалатинской области – Омархана Ауэзова. Раннее детство я провел в ауле, там же начал обучаться и грамоте (по-казахски). Учил нас, своих внуков, дед Ауэз (от его имени и происходит моя фамилия). Одиннадцати лет я лишился отца и меня взял на воспитание мой дядя Касымбек Ауэзов, который в юности перешел из мусульманского схоластического медресе в русскую школу. Дядя и меня устроил в Семипалатинске в городское пятиклассное (русское) училище на земскую стипендию. С 1915 г. я начал учиться в Семипалатинской учительской семинарии, окончил в начале 1919 года. По установлению в Семипалатинской области (осенью 1919 г.) советской власти начал свою общественную деятельность. Работал сперва в Семипалатинском облревкоме, облсуде, облисполкоме, потом с 1921 г. (с осени) в КазЦИКе в Оренбурге.

Одновременно, начиная с 1917 г., пробовал свои силы в драматургии, прозе, также журналистике. Осенью 1922 г. я поступил вольнослушателем в Среднеазиатский госуниверситет (экономический фак-т), тогда же сотрудничал в литер.-худож. журнале “Шолпан”, где напечатал серию рассказов об уродливом социально-бытовом укладе старого казахского аула.

Через год (осенью 1923 г.) поступил в Ленинградский госуниверситет на филологическое отделение. Здесь я учился до 1928 г., после чего поступил в аспирантуру при восточном факультете Среднеазиат. госуниверситета в Ташкенте.

К тому времени в казахских театрах уже шли мои пьесы “Байбише-токал” (“Жены-соперницы”), “Енлик – Кебек”

и другие. Последней пьесой открыт в 1926 году занавес первого Казахского государственного театра драмы в г. Кызыл-Орде, тогдашнем центре республики. В журналах и отдельными изданиями печатались повести и рассказы.

Мною написано свыше 25 пьес и либретто для опер, показывающих прошлое и различные этапы социалистического строительства в Казахстане. Последние двадцать лет я особо посвятил научно-исследовательской деятельности в области создания истории казахской литературы и также, главным образом, работе над романами о классике литературы Абае. Две книги романа “Абай” и две книги романа “Путь Абая” составляют в целом цикл романов об Абае. За роман “Абай” в 1949 г. мне присуждена Сталинская премия I степени. А за весь цикл, именуемый “Путь Абая” (“Абай” – первая книга, “Путь Абая” – вторая книга), присуждена в 1959 г. Ленинская премия.

Одновременно с писательской деятельностью я уже давно, еще со студенческих лет, занимаюсь и научно-исследовательской, и педагогической. В качестве историка литературы я участвовал (автором, соавтором, редактором и т.д.) в составлении школьных и вузовских пособий по истории казахской литературы. Уже 27 лет веду курсы лекций в вузах Казахстана: в Казпединституте им. Абая, в Казгосуниверситете им. С.М. Кирова в Алма-Ате. С 1946 г., с момента организации Казахской академии наук, являюсь академиком Казахской академии наук, работаю зав. отделом фольклора в Институте языка и литературы АН КазССР. Состою членом Сов. комитета защиты мира Союза СССР, членом Сов. комитета солидарности стран Азии и Африки, членом правления Союза писателей СССР и Союза писателей Казахстана.

Мои романы об Абае переведены на 25–26 языков, в том числе на русский, английский, французский, немецкий и др.

Награжден дважды орденами Трудового Красного Знамени, орденом Ленина и орденом “Знак Почета” и являюсь депутатом Верховного Совета КазССР (последних двух созывов, начиная с 1956 г.)

Мне присвоено Правительством КазССР звание заслуженного деятеля науки.

М. Ауэзов (подпись) 2.IX.1959 г.

Сөүпеген сөздөр

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА СОВЕЩАНИИ В ИНСТИТУТЕ
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО ПО ВОПРОСАМ
ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СССР
(1949 г.)**

Я хочу вас вкратце информировать о состоянии изучения истории казахской литературы в пределах института Казахской академии наук. В этом институте шесть докторов наук и десятков кандидатов филологических наук, занимающихся вопросами казахского языка и историей казахской литературы.

Последние несколько лет институт работает над планом по созданию истории казахской литературы. Тут очень много возникает затруднений, указанных в информации предыдущих товарищей. Мы хотим создать четырехтомную историю казахской литературы, причем надо сказать, что этот четырехтомник разбивается так: первый том — фольклор не только древний, но и советский. Этот том написан и книга выпущена, около 40 печатных листов, на казахском языке. Я потом скажу о желаемой помощи от Института мировой литературы.

Второй том — XVIII век в казахской литературе, третий том — начало 20-го столетия — дооктябрьский период и четвертый том — казахская советская литература.

Тов. Зелинский ссылался здесь на наш предварительный опыт по разработке раздела о советской литературе. Это — конспект, который нами разработан. Это относится к 4-му тому. Непосредственно к этому мы не приступали, а решили написать очерк по истории казахской литерату-

ры. Этот очерк в размере 20 печатных листов составлен. Он проходил обсуждение с привлечением широкой общественности, историков, исследователей истории развития общественной мысли, филологов, лингвистов. Сейчас эта работа находится на рассмотрении в ЦК партии Казахстана.

Первый раздел — портреты и характеристики писателей в размере 6—8 печатных листов — обсуждался в институте, было много противоречивых споров по поправкам и по оценке его. Готовил очерк большой коллектив авторов. Тот же коллектив будет участвовать в составлении четвертого тома. Если этот очерк будет принят, он проложит верные пути для исследовательской работы и работа по четвертому тому будет облегчена, углублена и, возможно, он будет расширен.

Но вначале мы все-таки думаем выпустить очерки, и по этим очеркам мы давно ожидаем помощи от Института мировой литературы.

Параллельно мы сослались на опыт азербайджанских товарищей — Института Низами. Институт этот предпринял шеститомное издание истории азербайджанской литературы и решил одновременно издать несколько томов: двухтомный очерк он уже выпустил, а над шеститомным работает.

В целях ускорения создания истории литературы, мы параллельно с четвертым томом выделили 2—3 товарищей специально для написания второго тома. Особое внимание безусловно уделено разделу “Казахская советская литература”. Поэтому мы и предпослали написанию четвертого тома создание очерков. Это — пробная, серьезная работа. Эти очерки могут уже поступить к вам.

Институт Академии наук в работах отдельных аспирантов и самостоятельных исследованиях допустил ряд ошибок националистических, ошибок идейного порядка, неправильного понимания марксистской методологии. На эти ошибки было указано в решении ЦК партии Казахстана, которое называлось “О грубых политических ошибках Института языка и литературы”. Институт пересмотрел планы предыдущих лет, где работа должна была идти в порядке хронологической последовательности. После решения ЦК партии Казахстана перешли в первую очередь на изучение

советской литературы, и последние два-три года институт занимается планомерной подготовкой к созданию четвертого тома.

После решения ЦК партии институт взял на себя обязательство составить учебник по истории казахской литературы. Учебники для средней школы существуют около десяти лет – для 6-го, 7-го, 8-го, 9-го и 10-го классов, но в этих учебниках были ошибки националистического и общеметодологического порядка. Учебники были составлены заново, но дело с ними обстоит неблагоприятно. У меня выходит статья “Традиции русского реализма и казахская литература”, там я указываю на ошибки в этих учебниках последней редакции для 8-го, 9-го и 10-го классов. Последний учебник был выпущен коллективом авторов, но там тоже имеются болезненные тенденции и методологические ошибки. Эти недостатки будут устранены в последующем издании.

Отдельные ошибки были в вузовских программах. В Казахстане педагогических вузов много, около 15, есть университет, есть высший женский педагогический институт. Во всех этих вузах проходят историю казахской литературы по программе, принятой Министерством просвещения, но там тоже есть отдельные пробелы.

Все эти вопросы интересно вынести на обсуждение всесоюзного совещания.

Я помню, в прошлом году Тихонов по поручению т. Фадеева в Ташкенте поставил этот вопрос, и мы должны были собраться прошлой осенью по вопросам о проблемах создания истории литературы народов советского Востока.

Пленум Союза советских писателей в некоторой степени задел эти вопросы в высказываниях т. Фадеева, но никаких итогов мы не получили. Отрадно, что Институт мировой литературы хочет взяться за этот вопрос.

Каждая из республик работает над созданием истории своей литературы, но в части теоретических высказываний, в части решения общих проблем задача Института мировой литературы – установить, как на каждой отдельной почве эти вопросы ставятся, какой там теоретический уровень, насколько правильно там решаются те или иные вопросы. Для этого надо всех собрать и заслушать.

Крайне важно поднять такого рода вопрос: Институт

мировой литературы занимается отдельными вопросами по исследованию эпох, отдельными проблемами из истории русской литературы — изучается Пушкин, Чернышевский, Горький, Маяковский. Маяковский изучается только на почве истории русской литературы, Пушкин также изучается на почве истории русской литературы. А между тем, я считаю, изучать Пушкина с точки зрения влияния его на грузинскую, армянскую, татарскую и другие литературы — это тоже задача русского исследователя, изучающего творчество Пушкина. У нас на эту задачу обращается очень мало внимания. Такие вопросы, как, например, Пушкин, Горький, участвующие в становлении целой литературной эпохи, — у нас такие вопросы не ставятся. Пушкина, например, надо изучать как продолжающего влиять на литературную среду — это было бы благодарной задачей. Это решило бы большую проблему в вопросах освоения наследия и в этой связи надо было бы поставить проблему о национальной форме.

Национальная форма понимается в виде языка и с точки зрения существовавших ранее форм и жанров, как будто формой национальной считается только форма, которая дожила до революции. Но ведь после революции наша литература дала такие жанры, которые показывают высокий уровень литературной культуры.

Национальные формы сами по себе обогащаются благодаря общению с передовой русской классической и советской литературой. Это относится и к области поэзии, к различным жанрам поэзии, к области драматургии, к области прозы.

Все это помогло бы на основе частных выводов по истории литературы национальных республик сделать теоретические общие выводы по гениальной формуле товарища Сталина, что литературы народов будут развиваться, минуя стадию капитализма, и опираясь, с одной стороны, на имеющиеся традиции национальных форм и, с другой стороны, обогащенные социалистическим содержанием.

Организирующее направление в этом отношении должно быть по линии советских писателей.

Каждая республика обращается к русской литературе, но одновременно мы учимся у Шота Руставели, у Низами

и т.д. Между братскими литературами также должны быть связи, они должны взаимно обогащаться. Мы, например, переводим поэтов братских республик, народу Казахстана известны произведения украинских, белорусских и других писателей, в других республиках известны произведения казахских писателей — происходит взаимное общение.

Все эти вопросы, вопросы теоретические, вопросы, практически реализуемые в виде наших исследований, должны быть, я считаю, Институтом мировой литературы подытожены.

Очень хорошо, что есть хороший докладчик по общим вопросам — А.А. Фадеев — он скажет очень много интересного. Но вместе с тем от каждой республики, я считаю, должен быть докладчик, ставящий на обсуждение опыт работы и теоретические и практические поиски в области создания истории литературы того или иного народа. Считаю также, что доклад по вопросам социалистического реализма, по вопросу о национальных формах и социалистическом содержании должен стоять особо.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА СП СССР
ПО ОБСУЖДЕНИЮ АЛЬМАНАХА
“ДРУЖБА НАРОДОВ”
(1949 г.)**

Я думаю, что в этом отношении что нужно делать? Нужно брать лучшие произведения на узбекском языке, азербайджанском, татарском, армянском, взять, напр., в отношении поэзии отдельный цикл стихотворений или поэму, или взять повесть, роман и на этом романе на современную или историческую тему нужно провести подробный анализ, разбор с этой стороны — насколько эта литература в лице данного произведения подвинулась вперед; насколько она усвоила традиции русской литературы, современной советской литературы и насколько своеобразное, новое, свое вносит через восприятие лучших традиций братских литератур и насколько данным автором вносится какой-то вклад в данную литературу. И это не только вклад в данную литературу, это вклад в общую сокровищницу нашей советской литературы в целом, когда на тематике своей республики каждый автор ищет и вкладывает новое, обогащая национальную форму.

Поэтому я считаю, что нужно поменьше обзорных статей. Тов. Фадеев говорил, что нужны обзорные статьи, я, наоборот, считаю, что нужно больше конкретных, глубоких статей.

Тов. Фадеев.

Под обзором понимается перечисление самых лучших статей. Белинский написал “Взгляд на русскую литературу 1846—47 гг.”, где все самые высокие теоретические по-

ложения, самый блестящий анализ конкретных явлений. “Взгляд на русскую литературу 1847 г.” есть самая гениальная вершина. Вот в чём всё дело. Дело не в обзорности, а в том, что нужно разобрать конкретный материал, который дает возможность и для сравнения, и для постановки теоретических выводов, короче говоря, речь идёт о статьях с большими мыслями по поводу конкретной литературы.

Тов. Ауэзов.

Я мыслю так, что обзоры такие, как давал Белинский и дают некоторые толстые журналы, как, напр., статья В. Кожевникова “Проза 1948 года”, – удачная или нет, но взят один жанр и дана итоговая статья – во всяком случае один раз в конце года такого рода обзорная статья может быть.

Тов. Фадеев.

Давайте не путать терминологию. Если речь идет об обзорных статьях по Кожевникову – это не нужно. Это была статья, просто перечисляющая достижения года. Это не то, что нужно. Нужны статьи теоретические на конкретном материале.

Тов. Ауэзов.

Я опять-таки, к сожалению, употребляю на один момент этот термин – значение и вес обзорной статьи зависят от значительных мыслей, которые там будут даны. А часто бывает, что обзеревающее око остановит беглое внимание на авторе, на произведении и даёт схематическое суждение. Невольно такого рода обозрения бывают в наших докладах, когда делаешь доклад по какой-то литературе и нужно уложиться в час времени, и дать все достижения литературы за последние два-три года. Таким образом получается обзор. Эти обзоры не дают того, что нужно для нас сейчас.

В этом смысле я считаю, что во всех трёх номерах большинство статей такого порядка, в том числе и моя, хотя по теме она несколько конкретнее – “Традиции русского реализма и казахская литература”, но она тоже проходит сквозь всю литературу половины XIX столетия и XX-го.

Тов. Фадеев.

И все-таки статья полезная, потому что в ней вопрос о традициях поставлен верно. Может быть, нужно было бы сократить количество примеров. И статья Мехти Гусейнова, поскольку содержит критику ряда отживших положений, в частности, что социалистический реализм должен

быть критическим реализмом. Критика этого момента в устах азербайджанского писателя имеет большое принципиальное значение, особенно подкрепленная примерами. Поэтому там тоже есть какой-то гвоздь в основном.

Тов. Ауэзов.

Моментами она проблемна, но каждое из этих положений требует разработки в отдельной статье.

Таким образом, я — за статьи конкретные, углублённые, причём даже не в целом о авторе.

В отношении наследия. Может быть, стоит писать об Ахундове, о Тукае, но о современных писателях, мне кажется, в целом писать не надо, а нужно писать о значительных произведениях и в этих статьях обсуждать вопросы национальной формы и так, как обсуждаются произведения, переведенные на русский язык, вопрос качества перевода, требований к переводу и т.д.

Я хочу сказать о статье М. Шагинян о “Калевале”¹. 100 лет существует историко-литературное исследование, изучение. Я на этом не останавливаюсь, но один момент требует, мне кажется, нашего внимания, один момент мне кажется спорным. Это общий вопрос, он общий для всех наших литератур, которые изучают сейчас свой эпос. Она говорит, что в гернгротовском сводном варианте имеются и древние руны, и новые. Это правильно. Но так как все они сведены воедино, то безусловно, пока изустно бытовало это произведение, оно сопутствовало всей истории карело-финской народности и отражало на себе влияние различных социальных групп. Буржуазные ученые говорили, что это произведение только феодальное. Это неверно, это народное произведение, но на народное произведение оказывает влияние и чуждая идеология, иная среда, социальные верхи, и “Калевала” в последнем варианте Гернгрота не свободна от влияния различных верхушечных слоев. В таком порядке мы должны изучать наши эпические произведения, которые записаны за последние годы, воспроизводя действительность далекой древности, но бытовали в течение многих веков. Эпическое произведение “Манас” принадлежит киргизскому народу, но в нем наличествуют наслоения, чуждые народу. Здесь теоретически интересная, свежая статья этой проблемы забыла коснуться. Об этом я и хотел сказать.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
СОВЕТА ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ
КИНЕМАТОГРАФИИ КАЗАХСКОЙ ССР
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ КИНОСЦЕНАРИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА
“ДЖАМБУЛ”
(1949 г.)**

Я участвовал на заседании, когда зачитывался первый вариант, тогда принимал участие секретарь ЦК КП(б)К тов. Омаров, присутствовали авторитетные люди — драматурги, был также Довженко, а также все специалисты киностудии. Я должен был и тогда, как сейчас, начать обсуждение и мною были высказаны положительные стороны, а также некоторые недостатки этого сценария и результаты были сообщены тов. Погдину, который обещал внести поправки. Что внесено в качестве поправки: было внесено предложение найти необычайную детскую выходку Джамбула и вот начали с этого момента. Многие части сценария дополнены выгодными моментами, так включен момент истории с Бекбулатом, который был повешен, этот момент очень хорошо введен в сценарий — это проходит через 1913 и 1917 года, он очень интересно включен, затем события Октябрьской революции, здесь можно было привести датированные события. Введен момент встречи Дмитрия Фурманова с Джамбулом и показано это очень хорошо.

В биографии Джамбула колоссальную роль сыграла редакция “Правды”. Очень существенный момент включен в сценарий — это звонок товарища Сталина в редакцию “Правды”, он как центральный образ творчества Джамбу-

ла очень хорошо включен через “Правду” и затем ряд моментов включено — личная жизнь Джамбула с сыном 6-ти и 10-ти лет и момент, когда сын уходит на фронт, где он умирает, погибает, эти моменты очень удачно помещены.

Затем, что это за фильм должен быть? Это должен быть биографический фильм, он должен значительно отличаться от таких значительных кинофильмов, как “Академик Иван Павлов” и “Жизнь Рембрандта”. Нельзя написать фильм без трудностей и трагедии. Задача автора при создании этого сценария заключалась в том, чтобы при написании его по документам не получился бы скучноватым, прозаическим и сухим биографическим материалом, и очень здесь помогает авторам использование особого приема, так они жизнь Джамбула дают легендами, так показан Джамбул до периода немецкого фашизма, это целая длительная история народа и вот эти факты очень поэтичны, если этого не передавать, то было бы слишком холодным повествованием. Здесь выигрышем сценария является то, что он насыщен легендами, все эпохальные, решающие моменты они легендарно переданы. Я перечислю: встреча Джамбула с Суюнбаем, Суюнбай выпускает голубя. Затем борьба двух родов, когда должна была произойти кровопролитная битва, но акын Джамбул приостанавливает ее, затем Бекбулат включен очень удачно, который был повешен, а его подвиг воспевается — это задевает и восстанавливает зрителя на героическую сторону народа, затем прозаический факт, отмечающий трехсотлетие дома Романовых и через состязание определяется отношение, затем встреча Джамбула с Дмитрием Фурмановым, возьмите такой важный момент, когда Фурманов говорит “партия и коммунисты просят Вас петь”, после этого Джамбул берется за домбру, эта встреча поэтизирована, найден очень хороший прием через встречу, затем момент восхождения Джамбула ребенком, эти моменты очень хорошо отмечены, так же хорошо показан секретарь Власов и вестник о революции: замечательные события 1936 года, когда Джамбул едет в Москву, о нем узнают через “Правду” по звонку товарища Сталина, так это было или нет мы не знаем, но иначе и не могло быть, потому что песни Джамбула проходили все резонансы, за восемь дней, пока он ехал в Москву, освещалась его восьмидесятилетняя жизнь. Песня

тов. Джамбула это возвращение имя певцу и это очень хорошо показано. Затем встреча с товарищем Калининым, дальше личная драма. Я перечислил основные этапы. Получается хорошее впечатление и по этому сценарию фильм должен получиться таким, каким мы желаем получить его в отношении Джамбула.

Я всеми своими мыслями и своим личным отношением к этому сценарию выражаю благодарность писателям тов. Погодину и тов. Тажибаеву, которые дали хороший материал, и работа не должна приостанавливаться для того, чтобы этот фильм вывести на экран.

Здесь невольно авторы пишут, что те стихи, которые будут использованы, должны быть написаны, автор Абдильда должен написать стихи, в этих стихах должна быть выражена борьба и они должны быть острыми, авторам придется их написать, эти песни являются недостающим материалом в сценарии, мы должны обсуждать и стихотворный текст, когда Джамбул своими стихами приходит на помощь, когда Джамбул должен был выступить перед домом Романовых.

Кроме того, я должен отметить такой момент, что сценарий несколько длинен. Режиссер с авторами определяют, какой должен быть метраж. Я бы сказал, что длинная часть — бой между Кадырбаевым и Асылбеком, эта часть слишком растянута, затем поиск Джамбула тоже растянут. Длительный разговор с доктором и разговор малозначительный и не длинновата ли часть в отношении Касыма, а в целом надо сказать, что сценарий является большой удачей авторов и мы его должны скорей продвигать. В Москве студия свои пожелания высказала, высказали свои пожелания также и кинодраматурги и нам сейчас надо высказать свои пожелания, которые не должны задерживать составления сценария, а должны быть учтены при составлении режиссерского варианта сценария.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ М. АУЭЗОВА ПО РАДИО 10 СЕНТЯБРЯ 1949 ГОДА

Гигантский фронт социализма и демократии, возглавляемый Великим Советским Союзом, противостоит ныне хищническим, империалистическим планам поджигателей новой мировой войны. Нет, и не может быть ни одной большой или малой страны, большой или малой народности, которые могли бы наивно полагать, что в настоящей расстановке и перегруппировке сил империалистической реакции и демократии мира они могут остаться в стороне, безразлично взирая на происходящее.

Англо-американские империалисты готовят новую войну.

Мы — строители коммунизма, не хотим войны. Не в войне ищем мы путей дальнейшего развития, как это делают обреченные всем ходом истории монополисты, воротилы мирового империализма. Мы мощны нашим всесторонним созидательным трудом, приносящим всем нашим народам новую эру, золотой век на пути великого возрождения народов.

Обратимся к фактам созидательной деятельности даже не всего Советского Союза, а части его. Обратимся к современному положению народов только Средней Азии и Казахстана.

Народы советской Средней Азии: узбеки, туркмены, киргизы, таджики и казахи — составляют коренное население пяти союзных республик. Они входят в число азиатских народов, которые в целом насчитывают миллиард 200 миллионов человек и составляют больше половины всего человечества. До Великой Октябрьской революции узбеки, туркмены, киргизы, таджики и казахи были угнетенными на-

родами царской России. Они не имели своей государственности, некоторые из них еще до середины 19-го века не имели письменности и были почти поголовно неграмотными. Феодално-родовые, патриархальные устои древнего быта и фанатическая косность ислама сковывали возможности роста этих народов. В многовековой отсталости пребывали народы Средней Азии, обреченные частью на вымирание, частью на жалкое полуголодное существование колониальных рабов. Из поколения в поколение участь отцов и матерей, будущее сынов и дочерей носили на себе унижительную печать прозябания и мертвящей безысходности.

Но вот идет 32-й год социалистического переустройства государства, общества, семьи, экономики, культуры народов бывшей царской России, и судьба казахов, узбеков, таджиков, туркмен и киргизов преобразилась. Со всей наглядностью мы видим, что значит раскрепощение народов от уз империализма, что значит небывалое в истории возрождение народов при советской власти, под руководством коммунистической партии большевиков. В результате осуществления грандиозных планов социалистического строительства в республиках Средней Азии и Казахстана, где раньше не было ни одной высшей школы, ныне действуют около восьмидесяти высших учебных заведений.

В Казахстане и в Узбекистане существуют и плодотворно действуют республиканские Академии наук. Они объединяют семьдесят одно научное учреждение. В трех остальных республиках имеются филиалы Всесоюзной академии наук с десятками научно-исследовательских институтов. В Ташкенте и в Алма-Ате имеются две Государственные консерватории. Не было до революции на территории этих республик национальных профессиональных театров, а сейчас в Казахстане работают 38, а в Узбекистане — 45 профессиональных театров.

Колоссальная сеть начальных и средних школ, профшкол, техникумов расширяется с каждым годом во всех наших республиках, обеспечивается для десятков тысяч детей и подростков возможность получения не только среднего общего образования, но и возможность богатого выбора профессий.

Советское государство не жалеет средств для удовлетворения культурных потребностей и запросов народа. В Узбе-

кистане в 1948-м году выделено 65 процентов республиканского бюджета на просвещение, здравоохранение, благоустройство городов и на культурно-просветительную работу.

В Таджикистане в 1948-м году на народное образование израсходовано в два раза больше средств, чем в 1940-м году.

В Киргизии на социально-культурные мероприятия в 1948-м году выделено 59,7 процента всего бюджета республики. Ассигнования на народное образование по сравнению с 1940-м годом возросли в 2,4 раза, на здравоохранение — в 2,5 раза.

Такие же огромные доли государственного бюджета выделены на народное образование и на социально-культурные мероприятия в Казахстане и в Туркменистане.

В результате этих мероприятий советской власти достигнута сплошная грамотность населения в Казахстане и в остальных среднеазиатских республиках.

Пусть не бывает чудес в истории. Да, не рождаются гиганты, титаны древних мифов на земле, но что при благоприятных исторических условиях, созданных в стране социализма, народы могут явить чудеса возрождения, и что за сказочно короткие исторические сроки могут достичь гигантского роста — об этом могут свидетельствовать разительные факты небывалого расцвета культуры наших советских народов.

Мы имеем сейчас огромную армию интеллигенции: учителей, инженеров, агрономов, врачей, ученых, писателей, деятелей искусств и зрелых государственных деятелей, которые руководят политической, хозяйственной и культурной жизнью своих республик.

Возрождение и развитие этих народов, как и всего советского народа, явило миру и в особенности зарубежным народам Азии, еще одну поразительную быль. Это — счастливая доля восточной женщины в советском государстве.

Та мусульманка-мать, которая тридцать лет назад была бессловесным, покорным объектом насильственного воздействия на нее всех позорных институтов прошлого в виде адата, шариата, калыма, многоженства, ныне видит в лице своих сестер, дочерей, внучек — иное, счастливое, культурное поколение женщин. Из вчерашних девушек — узбечек, казашек, киргизок — выросли ныне доктора и кандидаты наук, министры, писательницы и народные артистки, ис-

куство которых составляет предмет гордого восхищения не только своих народов, но и всего Советского Союза.

Характерно, что задачи просвещения широких народных масс и раскрепощения сознания трудящихся мужчин и женщин путем все большего повышения культуры национальных республик, не были отодвинуты на задний план даже в тяжелые для нашей страны годы Отечественной войны. Пять новых высших учебных заведений в Казахстане, таких как Институт иностранных языков, Институт физической культуры, Технологический институт, Государственная консерватория и Казахский женский педагогический институт были открыты в годы войны.

Благодаря беспрепятственному и всевозрастающему вниманию Советского государства к росту и расцвету культуры всех братских народов выковались у нас традиции дружбы, любви и уважения к национальным особенностям народов каждой республики.

Советский общественный и государственный строй воспитывает в каждом гражданине любовь к своему народу, национальную гордость в гармоническом сочетании с уважением и любовью к другим народам.

Не случайно поэтому лучшие достижения национальных культур становятся родными и близкими всем народам Союза. А рождение каждого талантливого произведения литературы и искусства одного народа воспринимается как радостное событие всеми народами Советского Союза.

На таких предпосылках и базируется наше всеобщее стремление развивать и культивировать советский патриотизм, включающий в себя национальные традиции наших народов и жизненные интересы всех трудящихся Союза.

А какова судьба народов зарубежной Азии, живущих под гнетом капитализма?

В то время как народы Советской Азии за 30 лет достигли сплошной грамотности, у народов Индонезии остаются неграмотными ныне 92—94 процента населения. Такую картину мы наблюдаем во всех странах бассейнов Тихого и Индийского океанов, в странах Среднего и Ближнего Востока.

90 процентов неграмотного населения в Иране, 75 процентов неграмотного населения в Турции!

Заботит ли империалистических колонизаторов мысль о судьбе народа так, как их заботит олово, нефть, каучук,

хинин, перец и иные богатства Индонезии, как их заботит нефть и стратегические базы Ирана, Ирака, Турции? Тревожит ли их мысль о том, что Индия остается очагом непреодолимых страшных эпидемических заболеваний, что смертность среди матерей и новорожденных в Индии в шесть раз превышает смертность в самой Англии? Нет, не заботит и не тревожит их все это, как не тревожило это 100, 200 и 300 лет тому назад их предков, зачинателей колониального разбоя.

Желая скрыть эти факты, реакционная пропаганда англо-американских колонизаторов раздувает злобную клевету по адресу Советского Союза, в частности по адресу отдельных советских азиатских народов.

Так, например, злопыхатели из Анкары в недавней радиопередаче пытались оболгать успехи советской казахской литературы.

Духовная культура, в том числе художественная литература казахского народа, никогда в своем прошлом не имела такой счастливой поры великолепного, многостороннего расцвета, какой они достигли сейчас. Мы, казахские писатели, счастливы сознанием того, что песни великого казахского акына Джамбула, переведенные на все языки народов Советского Союза, изучаются детьми всех наших народов в школах, изучаются наравне с великими творениями классиков нашей страны — Пушкина, Толстого, Горького, Шота Руставели, Низами, Навои и Шевченко.

Пусть попробуют мнимые попечители народов Ближнего Востока из Анкары назвать хоть одно имя современного писателя Турции, Аравии, Индонезии, творчество которого изучалось бы в школах современной Англии или Америки! Не только литература, но и вся духовная культура народов этих стран не занимает ни на минуту внимания англо-американских колонизаторов. Их вообще не интересует что-либо в историческом прошлом и настоящем этих народов, кроме стратегических баз и военно-стратегического сырья, необходимых поджигателям новой мировой войны!

Мы — писатели Советской Азии — подаем наш голос против мировых насильников, колонизаторов, угнетателей народов мира, против зачинщиков новой войны, за дружбу народов во имя мира, за мир во всем мире!

ВЫСТУПЛЕНИЕ МУХТАРА АУЭЗОВА ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ 4-ГО СТАЛИНСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА

Дорогие товарищи!

Я не ошибусь, если скажу, что каждый из нас, собравшихся в этом зале избирателей 4-го Сталинского избирательного округа, в этот час принес сюда в своей груди самое сокровенное, самое возвышенно светлое чувство благодарной радости за то, что нашим кандидатом в Верховный Совет Казахской ССР мы можем назвать, как самого желанного и безгранично любимого избранника народного великого кормчего коммунизма, гениального вождя и мудрого учителя нашего Иосифа Виссарионовича Сталина!

Мы принесли сюда восторженную радость и благодарность не только нас самих, но и членов наших коллективов, наших семей, наших детей. Принесли благодарность многих и многих тысяч избирателей, которым выпала исторически значительная, счастливая доля засвидетельствовать на предстоящих выборах 18 февраля свою любовь и преданность нашей отчизне, партии Ленина — Сталина и великому советскому народу нашему.

Мы переживаем сейчас знаменательные предвыборные дни, когда все избиратели до единого должны дышать слитой, единой грудью советских патриотов, должны чувствовать единым сердцем и разумом свой священный долг и продемонстрировать на деле свою спаянность единоклюнной подачей своих голосов за нашего дорогого кандидата.

Нет меры и границ, в которые укладывались бы величайшие заслуги товарища Сталина перед советской Родиной, перед партией, перед великой братской семьей наших народов.

Да здравствует наш могучий, великий Советский Союз!
Да здравствует героическая партия Ленина – Сталина!
Да здравствует великая, незабываемая ленинско-
сталинская дружба наших народов!

Да здравствует знаменосец мира во всем мире, наш род-
ной и горячо любимый всенародный избранник Иосиф
Виссарионович Сталин!

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА
ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ СССР**

**(На обсуждении тезисов докладов
А.Е. Корнейчука, К.М. Симонова, А.А. Суркова)
г. Москва. 13 ноября 1954 г.**

1. Драматургия.

Мне кажется, что и по содержанию, и по форме тезисы отвечают требованиям, предъявляемым к тезисам. Здесь кратко, в отдельных пунктах отражены мысли и творческий опыт ведущего крупного художника-драматурга А.Е. Корнейчука. Я внес бы только дополнительно несколько пожеланий.

Во-первых, наша драматургия многонациональна и она прошла длительный путь. В национальной драматургии большое место занимало использование фольклорных моментов, фольклорных сюжетов и освоение и переработка художественного наследия (того же Низами). Это и хорошая сторона, и одновременно — слабая сторона.

Это ее хорошая, но также и слабая сторона, потому что это отвлекало от реалистических тенденций мировой драматургии и, особенно, русской классической драматургии.

С одной стороны, театральное искусство, неведомое ранее многим нашим народам, благодаря тому, что драматурги обратились к общенародной тематике и ориентировали на такие известные темы, они сделали театральное искусство близким и понятным, и с этого методически начался путь развития театрального искусства и драматургии в республиках. Это не отражено в тезисах.

Но что отрицательного дальше — это обращение только к эпосу и фольклору, которые очень много занимали места в репертуаре театров наших народностей. Так что, с одной стороны, это явление положительное, но вместе с тем оно мешало правильной ориентации в области развития драматургии, в плане реалистического искусства.

Мы не можем привести много примеров по казахской, узбекской, таджикской драматургии — прямого, последовательного, творческого, хорошего освоения традиций Островского, Горького, Чехова и других писателей.

Это также надо было отразить, говоря о советской драматургии. Я имею в виду, что говоря об этих ее достижениях, нельзя умолчать и об этом.

Наша критика форму и теорию драматургии совершенно предает забвению. Наша критика драматургическое произведение изучает как прозаическое произведение. Надо было бы учитывать и драматический жанр. Ведь существовала теория драматургии, так же как существовала теория музыки, а у нас драматургическое произведение разбирают с точки зрения образа и сюжета и т.д., как будто это эпос. Надо обращать внимание критики на изучение специфики формы с теми новыми приобретениями, которые имеет наша драматургия на всех этапах своего восхождения к вершине.

Мне кажется, что большинство представителей братских республик после последнего пленума Союза советских писателей очень поддержало предложение относительно большой, действенной помощи развитию драматургии братских республик путем включения в репертуар московских театров многих образцов драматургии братских республик. То есть вопрос идет о создании Театра дружбы народов, который бы поставил здесь лучшие образцы братской литературы, и тем самым мы в Москве имели бы возможность увидеть лучшие произведения советской драматургии Грузии, Белоруссии, Таджикистана и других республик, а для тех, которые приезжают сюда и которые должны знать широкую драматурию не только по декадам, а в результате показа творческого, большого коллектива. Такой театр на русском языке мог бы ставить произведения советской драматургии и одновременно имел бы крен в сторону полноценного показа лучших произведений драматургии братских республик.

Эта мысль в Вашем докладе могла бы быть также отражена.

2. Проза.

У меня впечатление от тезисов хорошее. Константин Михайлович наметил 33 страницы и это помогает, чтобы ярче и полнее выразить мысли, изложенные в его докладе.

От тезисов я получил такое впечатление, что этот доклад заостряет отдельные положения и знакомит с новыми, оригинальными положениями, которые надлежит услышать на съезде деятелей нашей литературы. Например, вопрос о теории бесконфликтности. Здесь мы видим объяснение ее наиболее оригинальное, свежее и очень интересное. Бесконфликтность существует не только в драматургии, но и во всей нашей литературе, и в сюжетной прозе, и в кинокартинах, и т.д. Здесь дается довольно распространенное ее объяснение — и историческое, и политическое, наиболее верное объяснение.

Вместе с тем я высказал бы такие отдельные пожелания. Сокращение должно быть проведено безусловно, но здесь единая линия должна быть принята.

Хотя здесь упоминается, что будет краткая характеристика больших произведений, но отрицательные и теневые моменты, недостатки произведений здесь выявляются больше, чем положительные произведения, выдающиеся, новые, которые носят эпохальные признаки. Это касается, главным образом, “Молодой гвардии”, “Как закалялась сталь”, шолоховских вещей.

Ваша задача — указать что-то наиболее характерное и выдающееся в отношении стиля и новых достижений нашей литературы. А когда будут даны характеристики отдельных произведений, хотелось бы, чтобы это были ваши характеристики. А то в последнее время по отдельным произведениям, получившим Сталинские премии, пишутся журнальные статьи, и эти характеристики из обзора в обзор, из доклада в доклад переходят как клише. А хотелось бы услышать из ваших уст о достижениях художественной прозы короткое, но меткое свое мнение.

Как правильно говорили товарищи, от первого до второго съезда прошли мы большой, исторически этапный путь. И во всех литературах братских стал вопрос такой, что

без большой прозы — нет большой литературы. Несмотря на то, что существовали классики поэзии устной и письменной, драматургии, но писатели боролись за создание лучших произведений, образцов художественной прозы. Они есть, но еще очень много в них недостатков. И вот выскальное, дружеское слово Ваше в отношении прозы, как наиболее определяющей формы литературы, очень хотелось бы услышать.

Вот — натурализм. Здесь речь идет не о натуралистической школе Э. Золя, а о непреодоленных приемах фольклора, о недостаточном овладении писателями литературной культурой. Поэтому есть многословность и разноплановость сюжета, много воды в вещах.

У нас ведь иногда при переводе из романа выходит повесть. Роман имел 30 печатных листов, а на русский язык переводится 10 печатных листов и неплохо получается. Так и получается из романа повесть, а повесть сокращается на 6—7 печатных листов или наполовину сокращается и получается рассказ. Когда редакционный совет, издательство, журнал так поступают, то в некоторых случаях произведение улучшается.

Это говорит о том, что произведение перед переводом на русский язык для союзного читателя было недоношено.

Желая помочь братской литературе, наши московские издательства иногда идут на работу, которую должны бы проделать сами авторы. Есть произведения недоношенные и слабоватые, и если из романа может выйти повесть, а из повести — рассказ, то это уже говорит о том, что повесть или вообще прозаическое произведение в данном случае не совсем выношено.

В таких случаях вразумительное критическое слово должно быть высказано. И надо сказать, что нужно преодолеть в национальных литературах эти элементы натурализма, которые связывают прозу с фольклором, — непреодоленные традиции устного сказа.

(А. Корнейчук: с этим я поспорю, так как фольклор — это источник нашего творчества.) Но его надо творчески воспринимать.

И надо говорить о жанровом многообразии. В некоторых республиках рост прозы идет более успешно, а в неко-

торых более замедленно. В Бюро нацкомиссии были представители братских республик и говорилось, что в некоторых республиках 10 лет назад было 2 прозаика, а сейчас 15, а в Туркмении, например, 10 лет назад было 15 прозаиков, а сейчас – 5. Мы имеем здесь переключение из жанра в жанр. А более закономерно было бы переключение в прозу, так как без прозы, как известно, нет большой литературы.

Кроме того, следует отметить, что большие, выдающиеся произведения прозы в тезисах не получили анализа. О них сказано бегло. А в отношении произведений, в которых есть недостатки, ты больше на них останавливаешься...

Я с глубокой заинтересованностью слушал выступление Н. Грибачева по поводу социалистического реализма – насчет нашего понимания и его отражения в докладе. Мне кажется справедливым указание, что в каком-то докладе или, может быть, во вступительном слове это должно быть. Должны быть наши новые мысли по поводу социалистического реализма. Ведь о социалистическом реализме много сказано со времен первого съезда, но было сказано в условиях построения социалистического общества, а не в условиях перехода от социализма к коммунизму. Это должно получить теперь новое наполнение. Какие-то стилевые признаки. Эпохальные элементы в художественной прозе и в поэзии выявились, и картина нашей литературы и в прозе, и в поэзии не та, которая была в 1934 году. И в поэзии, и в прозе, и в драматургии наша литература продвинулась, но ведь это же качественно новые элементы.

И надо выявить какие-то моменты, характеризующие качественный скачок в общемировой культуре, скачок, совершенный нашей литературой между двумя съездами. Надо говорить о новом наполнении понятия метода социалистического реализма в нашей творческой практике.

И национальных литератур надо коснуться также в плане социалистического реализма. Мы до сих пор пользуемся подчеркиванием исчерпывающей формулировки Сталина, что наша культура – национальная по форме, социалистическая по содержанию. В этом плане такое же объяснение применительно к методу социалистического реализма должно быть. Об этом должно быть сказано четко, так как писатели стран народной демократии считают, что пишут,

пользуясь этим методом, а писатели наших республик — так же.

Вопрос национальной формы и социалистического содержания — как должен быть понят? Мне кажется, что наши качественные достижения тем и объясняются, что национальную форму мы динамически должны понимать, а не статически, как раньше, и психический склад надо учитывать. Характерные признаки национальной формы — язык и психический склад. Политический склад нашего общества очень сильно изменился. И вот показ в движении, через пафос отрицания пережитков прошлого и пафос утверждения нового, в условиях общественно-политических и экономических условий в тех или иных национальных республиках, в условиях усиленного развития культуры в республиках, — сейчас национальные традиции, прежние национальные формы — они меняются. В связи с этим надо показать динамическое развитие социалистической сущности явлений.

Беря с точки зрения обогащения национальных традиций, через приобщение к русской культуре, через восприятие и через обогащение путем поисков формы социалистического реализма в национальной литературе, — этого надо было бы коснуться в докладе.

Призыв, который Горький на первом съезде обратил к писателям и представителям братской литературы, — он дал блестящий расцвет в русской народной поэзии. Почему у вас не упоминаются Сулейман Стальский, Джамбул?

Надо указать на качественно новое развитие устного творчества. Устное творчество стало не обычным фольклором передового народа, демократического; стало фольклором социалистического реализма.

Это все-таки устное творчество, с некоторым сохранением устных традиций, — национальное по форме и, с другой стороны, с новым социалистическим содержанием. Это — массовое движение в творчестве народа, в условиях социалистического общества, и не есть ли это претворение каких-то новых творческих положений?!

Если сделать экскурс в отношении развития прозы, то мы говорили, что проза получила колоссальное развитие после 1-го съезда в национальных республиках. Надо поставить перед собой задачу, что без большой прозы, нет и

большой литературы. Это стало движением и это показано на историческом и современном материале, через утверждение метода социалистического реализма, — на материале местном с показом достижений.

Все это должно получить в каком-то докладе теоретическое отражение в том смысле, что мы не стоим на том же определении метода социалистического реализма, не изменяя ничего, но мы наполняем его за 2-летний путь развития наших литератур новым содержанием.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СОВЕЩАНИИ ПО ОБСУЖДЕНИЮ НАСЛЕДИЯ МОЛДО КЫЛЫЧА (1956 г.)

Товарищи, я принадлежал и принадлежу к числу тех людей, которые считали и считают наследие Молдо Кылыча нужным для того, чтобы сегодняшнее советское поколение киргизского народа изучало бы его. Но в прежнем моем отношении к наследию Молдо Кылыча и теперешним отношением к Молдо Кылычу существует некоторая разница. Теперь я отношусь более критически к наследию Молдо Кылыча на основе того, что я ближе и полнее познакомился с наследием Кылыча на данном совещании.

Позвольте мне в начале моего выступления сделать одно определение. Наше совещание по обсуждению наследия Молдо Кылыча сейчас проходит, включая 2 обстоятельства, два вопроса, две стороны, по крайней мере. С одной стороны, прямое наше определение историко-литературное, историко-научное определение Молдо Кылыча, а с другой стороны, обстановка и условия, при которых мы сейчас ведем это обсуждение. Обстановка и условия, при которых мы ведем обсуждение с различными отношениями, с различными обстоятельствами, которые здесь несколько лет тому назад сложились с отдельными товарищами, осложняются весьма объективным, правильным принципиальным решением вопроса о наследии Молдо Кылыча.

Здесь присутствует какой-то субъективный момент. Этот субъективный момент обуславливает тенденциозность наших некоторых выступлений. Это и есть тенденциозность и две стороны настоящего нашего обсуждения. Задача определения прямого нашего отношения к наследству

– непосредственное, научное, объективное, принципиальное, оно, иногда в виду того, что превосходят два обстоятельства и условия, при которых мы обсуждаем, оно отходит от принципиального обсуждения. И этот момент был прежде всего в докладе, во всем построении доклада т. Юнусалиева.

На этой стороне вопроса я остановлюсь позже, потому что считаю, что из моего выступления, если оно принесет какую-нибудь пользу для товарищей, изучающих наследие Кылыча, наиболее важная не та сторона, не определение обстоятельства, а самое главное ответить на ряд научно-исследовательских проблем, связанных с наследием Молдо Кылыча, комплекс задач, стоящих перед научными работниками, литераторами, наследниками Молдо Кылыча.

Вот стоит комплекс вопросов, на них нужно сегодня ответить, невзирая на эту вторую сторону, на условия, обстановку, при которых ведем обсуждение. При этом я хочу сказать, что товарищи сейчас не случайно все время выдвигали на передний план два произведения, особенно “Зарзаман”, и вместе с тем в решении, в нахождении правильного подхода к этой проблеме не отвечают на самый существенный и важный вопрос, это вопрос относительно особенностей этого произведения. Вопрос датировки, вопрос самый главный... это ли произведение или нет. Ваши суждения сами говорят, что реакционность на “Зарзаман” можно оправдать и усилить Молдо Кылыча, настолько противоречиво это произведение.

Причем, те, которые говорят в пользу Молдо Кылыча, орудут приблизительно количеством не более 100 строк произведения, говорящие о русском народе, о труде, о положительных примерах, о вопросах морали. То, что мы здесь услышали, даже и 100 строк не будет положительных. Большинство выступающих приводят одни и те же строки, утверждая положительное. С другой стороны, те товарищи, которые обвиняют, точно также орудут минимальным количеством стихотворных строк, в пределах 50–60 строк.

Убедительно ли, научно ли такое определение нашего отношения сегодняшнего нашего совещания не ко всему Молдо Кылычу? А мы пытаемся построить все наше отношение к Молдо Кылычу на основе этого.

Убедительно ли, правильно ли наше отношение базировать на таком суждении и противоречащих друг другу высказываниях? Есть товарищи “за” и есть товарищи “против” наследия Молдо Кылыча. На основе “Зарзамана” наиболее правильное решение этого вопроса должно быть найдено в каком случае? Прежде всего, мы должны определить, каким образом, не обращайте внимание, что “Зарзаман” это не “Кисса”, причем это дидактическое произведение, страшно многотемное и ни в коем случае нельзя согласиться, что это произведение написано в одно время и в один год. Не надо верить дате 1908 г. Это только записано. Я считаю, что наиболее правильный ответ будет – это то, что “Зарзаман” надо понимать как искусственное объединение множества назидательных песен, как дидактическое произведение Молдо Кылыча, который работал не над одним произведением. Имейте в виду, что он работал и над другими жанрами. А работая над этими жанрами, он к этой теме возвращался и когда ему было 25 лет, и 40 лет, и 45 лет. Он умер около 50 лет. Если за 50 лет своей созидательной, творческой жизни, я считаю, что не менее 20–30 лет он работал над этой вещью.

И правильно будет, если это произведение по тематике, по настроениям, по стихотворному строю мы разобьем на отдельные части. Только так можно политически объяснить наличие колоссальных противоречий. В одном случае он махровый противник русских, он панисламист, а с другой стороны – он основной носитель культуры. Как это можно совместить в одном произведении?

Принимая априори, что это произведение единое, что оно написано в 1908 году, все товарищи, которые исследуют наследие Кылыча, вы заранее входите в запутанный коридор и вместе с собой будете путать читателя и всех остальных исследователей.

Однако эти облегченные пути реабилитации Молдо Кылыча на самом “Зарзамане”, которые делаются отдельными товарищами, они несостоятельны. Это несерьезно, ненаучно. В тех случаях, когда Молдо Кылыч хорошо говорит – это Молдо Кылычу принадлежит, а в тех случаях, когда стихотворные строки носят реакционный характер, антирусские, политически вредные настроения, то говорят – это ему впи-

сали. Довольно остроумное выступление т. Карасаева сегодня было построено на этом. Это вредный эффект. Остроумно было, но это не научный подход к этому наследию. Почему же, если вы говорите, что плохое приписывали ему, почему же весь киргизский народ, громадная часть киргизского народа, который десятилетиями записывал, только отрицательное записал ему, почему же прогрессивно настроенные люди не могли вписать и лучшие строки?

Утверждая однобоко, становясь на искусственные, антинародные позиции, вы оставляете брешь, повод для сомнений этих строк. А вы решите вопрос лучше, если разобьете на отдельные части по теме.

Тематически разобьете то, что называется

Я раньше не знал полного текста “Зарзамана”, а когда прочитал, я увидел, что бросается в глаза колоссальная противоречивость именно на основе одной строки самого Молдо Кылыча, а в других строках можно говорить против Молдо Кылыча.

Что бы я сделал? Не надо ставить на их пути всякие экзамены. Он снял с этого произведения все, что нужно, все сливки, а все остальное предал молчанию. Это создает предпосылки для сегодняшних споров. Нет, надо по возможности тематически разделить, а тем очень много и разнообразных тем.

Тов. Карасаев – прекрасный знаток этого текста. Он перечислил, какие темы входят. И сам тов. Карасаев перечислил это многовековое произведение. Это настоящая подлинная многовременность возникновения этих вещей. И не надо обязательно, чтобы были отдельные куски по 100 строк, некоторые куски могут состоять из 15–20 строк. При таком распределении можно выделить отрицательное, причем надо ставить фигурные скобки. Автор не символизировал название, “Зарзаман” – это условное обозначение. Сколько этих заманов создавалось. Это общее условное название. Под этим названием условно объединялись произведения многих лет, написанные на многие темы.

Такое распределение было бы наиболее продуктивным и правильным. Тогда можно брать то, что нужно.

Вопрос об авторстве ряда произведений должен занять внимание нашего совещания, а товарищ докладчик очень

просто все принял на веру. Он говорит – это принадлежит Молдо Кылычу и т.д., тогда как нужно было доказать. Тов. Саманчин в сборнике, в предисловии написал, что “Буудайык” не принадлежит Молдо Кылычу, и я пытаюсь доказать, что “Буудайык” мало оснований включать в наследие Кылыча. Почему? У Молдо Кылыча было излюбленной тематикой – это глубокая связь с народными традициями, с народным творческим стихом. Язык, несомненно, его. Нет никаких оснований, чтобы его выделить, как приверженца он, главным образом, пишет на чисто киргизском языке. При этом тема его очень интересная. Он выделяет две темы, и эти две темы он связывает с глубокими традициями национального творчества. “Зарзаман” имеет форму развития существующих у народа санат и Он использует принадлежащую народу форму национального песенного творчества. Это он воспринял. А в других стихах темой творческого жанра является описание природы, богатства флоры и фауны Киргизии. В этом отношении мы опять-таки видим отдельные песни о животных, а также и другой эпос. Киргизский фольклор здесь разработан интересно и разнообразно и не только в виде песен. В этом отношении мы имеем создание отдельных произведений, посвященных пернатым. Они имеют свою творческую убедительную серию.

Я хочу начать с “Чуй баяны”. Возьмите “Чуй баяны”. Первые 150 строк относятся к тому, что он восхищается жизнью русских. С открытым сердцем он дает своему народу назидание, что нужно брать пример с русских. Это хорошо сказано.

У “Чуй баяны” около 400 строк посвящено фауне и флоре Киргизии. Там около 150 строк посвящено пернатым. Это самое главное. Тут он идет по линии развития народных традиций и включает в общую поэму описание долины Чу. Отсюда он переходит к “Керметоо”. Там тоже раздел посвящен пернатым, хищным птицам, он продолжает свою творческую традицию развития этой темы.

Дальше переходит к “Канат-уулар”. Это дальнейшее продолжение развития той же тематики. Однако может возникнуть вопрос, что, может быть, произведение “Буудайык” далеко не (.....). А я скажу, что в пернатых есть ха-

рактика птиц, а характеристика персонажей — это тоже большой шаг вперед. Каждой птице дана характеристика, ее повадки, приемы и т.д.

Дальше. Возьмем “Буркуттин тою”. Я оценил “Буркуттин тою” при защите диссертации т. Саманчина. Это интересно интересное произведение, где показана целая социальная лестница, социально-экономический разрез общества. Это развернутая, полупародическая поэма, которой может гордиться любая нация.

Я думаю, что в таком порядке следует вести научно-исследовательскую работу по этому пути.

Взять “Керметоо” (*цитата на кирг. языке*), затем “Буркуттин тою”.

Таким образом, дальше идет вопрос эволюции. К кому же относятся эти произведения, как не автору Молдо Кылычу?

В сборник произведений Молдо Кылыча был включен “Буудайк”. Товарищи поступили правильно, хотя в научно-исследовательской работе не разбираются.

Может быть, Тугельбай прав, говоря, что “Буудайк” издавать надо.

Все эти сомнения надо исключить и сказать, что существовало мнение, что “Буудайк” существовал в стихотворной поэме в разных (.....), но одно то, что Молдо Кылыч включил в свой список, говорит о том, что Молдо Кылыч имел свое творческое отношение.

Мы же говорим, что вариант каралаевский и другие у нас имеют место, а почему же, даже на этом основании, с некоторой оговоркой, что сюжет разработан народом, а поэтическое, песенное отношение в поэме в значительной степени принадлежит Молдо Кылычу.

Или “Буркуттин тою” можно сказать, что эта вещь принадлежит народу, но подвергалась переработке, что это вариант народной поэмы, вариант индивидуальной поэтизации писемника Молдо Кылыча.

Вот так надо в этих вопросах разбираться. Отвечая на этот вопрос, мы начинаем приближаться гораздо более успешно к решению научного вопроса, историко-литературного вопроса, как быть с наследием Молдо Кылыча. Все наше суждение — печатное и устное — имеет свою задачу: как быть

с наследием Молдо Кылыча. Это наследие Молдо Кылыча нужно издавать в разных видах. Такие вещи, как (.....).

С такой оговоркой они могут быть изданы и допущены в школы. История киргизской письменности не так богата, чтобы выкинуть такие шедевры национального творчества.

В отношении “Зарзамана”. Я вношу такое предложение: из “Зарзамана” можно взять 3 тыс. строк, но это не надо предлагать школе. Это дидактические вещи, хотя местами отличаются интересными образными средствами, но это дидактические вещи.

(.....) был прав потому, что мораль, которая в то время предлагалась, мораль басни, назидательная мораль, как мулла, как старший, он понимал свою роль как печальника народа, как он в то время представлял идеологию, которая там представлена, мировоззрение, которое там было представлено, — все это довольно примитивно, оно не так богато и глубоко, и копыа ломать из-за каждой строки произведения не стоит. Это не продуктивно. Взять 500 строк, может быть, это будет хорошо. Чем строже, тем полезнее для наследия народа.

Я считаю, что это произведение мистическое, антихудожественное, конечно, абсолютно нереалистическое произведение.

Почему так получается? К концу своей жизни, в зрелую пору своего творчества, он создает поэму на тему, которая потрясла мир, а не только киргизское общество, потому что о землетрясении 1910 г. знал мир, и город Верный стал популярным от этого.

Мы, будучи учениками, слышали о землетрясении, которое произошло, это стихийное бедствие 1910 г. Об этом событии пишет Молдо Кылыч. Я хочу понять психологическое творчество этого человека, будущего муллы. Этот человек, вместе с народом видевший и перенесший это бедствие, он был подавлен этим событием. Он сразу написал это произведение, и в 1911 г. оно печатается. Это произведение написано и напечатано в течение одного года. Поймите краткость того времени, это написано по горячим следам. А горячие следы какое впечатление могут произвести? Это массовый психоз, который подавил всех. В этом случае все, даже полуверующие, обращаются к богу. Тут и мисти-

ка, и загробный мир. Эта психология мне понятна. Написано это произведение бледно потому, что это по теме не связано с данными традициями. Это произведение было написано на такую тему, что оно было любому понятно в то время. Новизна темы, отсутствие всяких традиций в народном наследии и потом его угнетенное состояние духа в религиозном человеке создало такие результаты, такую мистику.

И когда товарищи пытаются говорить, что это реалистическое произведение, я считаю, что это, по меньшей мере, наивно.

Что там есть? Там больше говорится о боге, о преступлениях человека, о божьей каре и проч. Там есть отдельное упоминание имевших место событий. Отдельные названия: Чон Кемень, Барскаун, Андижан, Алма-Ата. Были моменты, когда завалило целую семью, завалило целые аулы, погибло 300 человек. Собаки выли, верблюды метались и т.д. Ни в одном случае нет метафоры, остроумной народной мудрости или своих нужных и интересных наблюдений. Ничего этого нет. Это перечень фактов. Такой перечень фактов не признается за поэзию в литературе. Это и есть схематизм, примитивизм, натурализм. Когда перечисленные факты будут воплощены в образную действительность, когда будут преподаны в метафорах, в сравнении, тогда можно сказать, что это поэтическое произведение.

Поэтому я советую товарищам не ломать копыта на этом произведении. Это произведение можно упомянуть. Может быть, исследователи найдут там реальные вещи, но, мне кажется, их нет.

Вот наше отношение. Это ответ на данном совещании, которого ожидают многие товарищи.

Вопрос об определении личности, социально-исторической характеристики, историко-художественной, историко-литературной характеристики личности Молдо Кылыча со всем творческим наследием революционной демократии. Нет, все это сказать не можем. Просветитель XX века, умерший в 1917 г., не может оставить без ответа вопрос просвещения, такого просвещения, советского образования; у него нет отношения более положительного, чем медресе. У него даже нет и того, чтобы писать новым, более облегченным письмом, по новой орфографии, и этого у него

нет. Вообще об этом сказано очень обще и скупо. Если он не просветитель, то какой может быть другой без программы-минимума. Программа-минимум требует просвещения, заботы о народе. Учиться и учиться. Это говорил еще Чернышевский... Как можно поставить его демократом без просветительства и, если хотите, признать его чуть ли не классиком. По-моему, вы требования зрелого, высококультурного современного советского киргизского общества снижаете, вы прибедняете историю. Имея колоссальное, мирового значения ценности высокохудожественное творчество – истинный народный эпос – вдруг спускаетесь, заранее закрывая глаза на колоссальные противоречия в “Зарзамане”.

Сегодня из всех выступлений, как правильно отмечал профессор Юдахин, мне понравилось выступление т. Салиева. Его формулировка положительной стороны наследия и его высказывания относительно очень темных, сомнительных и отрицательных явлений, бедности творчества Молдо Кылыча, они им оценены совершенно правильно. По-моему, это наиболее научно правильно. Раньше, когда я судил о наследии по этой книжке, я не имел полного представления. А когда ознакомился с “Зарзаманом” в 1000 строк или даже когда познакомишься в 4000 строк, все равно, если будете говорить, что у Молдо Кылыча есть хороший “Зарзаман”, а плохое не от него, вы не будете решать проблему, это только означает, что вы не пошли смело на решение проблемы, а стали спиной к этой проблеме. Мы проверили научно-исследовательские проблемы для того, чтобы предотвратить противоречия. Это было в Казахстане и в Киргизии. Сегодня таких особых условий обстановки, которые чувствуются, к сожалению, в работе совещания, мне кажется, не должно быть, однако это существует.

Перехожу к условиям обстановки, в которых работает совещание. Так не надо подходить с таких позиций, всецело защищать, ограждать и спасать утопающего Молдо Кылыча.

В значительной степени доклад т. Юнусалиева построен в таком духе. Он говорит, что он последовательно боролся за угнетенных, последовательно защищал бедняков в угнетательской среде.

Это сказать трудно. Только опираясь на односторонние

строки, можно это сказать. Но этого мало. Тов. Юнусалиев говорит, что он поднялся до художественного реализма, потом говорит, что он поднялся до критического реализма. Это антинародное определение. Критический реализм в русской литературе, если говорить об аналогиях, начинается с Гоголя. То, что Белинский назвал натуралистической школой, вышло из широко развернутой прозы Гоголя и дошло до произведений Горького, когда он написал произведение “Мать”. Это произведение создано на основе социалистического реализма.

Таким образом, и Толстой, и Тургенев, и Салтыков-Щедрин – все они опережают критический реализм.

Сейчас существует мнение, что критический реализм связан с внедрением капитализма, зачатков капиталистических отношений. Он возникает с развитием художественной прозы и взят, как наиболее художественный и отвечающий жизни, борьбе поколений, судьбе отдельных людей, поколений, общественных групп, только тогда его можно понимать как социалистический реализм. Зачем же бросаться такими определениями? Почему это? Потому, что сегодня кажется товарищам, что нужно внести страсти и пристрастия в решение этого большого вопроса, тогда как сегодняшняя обстановка не та, которая была в 1951 г. Правда, сейчас незримо в сознании каждого из нас присутствует одно решение, которое в свое время поставило крест на судьбе Молдо Кылыча. Сегодня с этим решением дело фактически обстоит иначе. Те высшие инстанции, которые вынесли такое решение, без всяких предварительных тезисов и даже без прочтения доклада докладчика. Это говорит о широком, свободном и мудром отношении этих инстанций, которые внесли свое решение и в Киргизии. Мы знаем, что руководство республики мудро решило вопрос не только о Молдо Кылыче, но гораздо сложнее обстояло дело с “Манасом”, и руководство республики внесло изумительно мудрое, решительное, последовательное, принципиально объективное решение. И в вопросе Молдо Кылыча эти же инстанции выносят решение.

Поэтому не надо заранее вносить столько страсти и накала: или со мной, или против меня; или со многими, или против нас.

А я хочу сказать, что наиболее правильной позицией, принципиально важной позицией будет у каждого из нас, если мы будем говорить не с вами и не против вас, а независимо от вас.

Позвольте на этом закончить мое выступление. Вот так надо судить по всем этим вопросам.

Заседание объявляется закрытым до 14 сентября 1956 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ В СП СССР
НА ОБСУЖДЕНИИ ПРОЗАИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТАДЖИКСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
(13 апреля 1957 г.)**

Выступившие до меня товарищи главным образом останавливались на двух книгах Улуг-зада¹ и Дехоти². Я эти книги знаю, хотя не сегодня читал, а читал почти в первый же год их выхода, но я сейчас хочу высказать мои свежие впечатления о том, что я только что прочитал, я хочу высказаться о книге Джалола Икрами³ “Признаю себя виновным”, перевод которой был закончен к настоящей декаде. Я только вчера закончил чтение этой книги. У меня сейчас может быть только первое впечатление об этой книге, а первые впечатления, несмотря на то, что они посредственны, по свежим следам прочитанного получены, могут быть несколько острыми. Может быть, они и ошибочны. Поэтому, если я выскажу не совсем правильно отдельные свои мысли, свои наблюдения, если они не совсем будут совпадать с мнениями товарищей, меня поправят. Я буду прямолинеен и посредственен в своем воспроизведении полученного мною впечатления от этой книги.

Дело в том, что по этой книге (назовем ли мы ее романом или повестью — это все равно) первое мое впечатление я выскажу весьма восторженно, положительно.

Автор этой книги тов. Икрами, мне кажется, стал профессионально зрелым писателем-прозаиком в одной из братских молодых наших литератур Средней Азии.

Какие особенности творчества воплощены на страницах этой книги, которые показывают профессиональную подготовленность, профессиональную зрелость автора?

Во-первых, что нужно отметить, что меня приятно поразило — это то, что здесь есть внутренний показ челове-

ка, особенно отдельных, наиболее удавшихся персонажей, мужчин и женщин, получивших настоящее полноценное довершение замысла автора, психологический пересказ отдельных состояний, различных состояний аффекта, раздумья, чувство предгрозя, состояние каких-то конфликтов. Во многих таких авторских ремарках показан окрепший стиль, оформившийся стиль зрелого писателя-прозаика реалиста.

С другой стороны, его имя как реалиста я одобряю. Имеются отдельные достижения в этой книге. В каком смысле? В этой книге меньше присутствуют отрицательные черты молодых литератур, молодых прозаических произведений, когда существуют в наличии две краски — белая и черная, а реализм требует многих других оттенков, многокрасочности как многоплановости изображения душевного состояния, образов действия и т.д., и т.д. Здесь некоторые персонажи изображены с точки зрения реалистической полноты достаточно верно и интересно. Не только двумя красками — белой, черной, а со многими оттенками и обертонами. Душевные состояния переданы довольно убедительно и красочно.

Кроме того, здесь есть и характерный для профессионального писателя-прозаика зрелый почерк, все компоненты, необходимые для художественного произведения, для зрелого художественного полотна; человек взят не только в своих действиях, не только в своих отношениях с людьми, а человек взят во взаимоотношениях с окружающей средой, природой. Природа Таджикистана органически входит, она не является привеском, добавочным моментом, а входит в ткань произведения. В общении человека со стихией, в отдельных моментах проявления его душевных волевых качеств, я вижу оправданные серьезные поиски автора.

Автор умеет создать сюжетное произведение в пределах задуманного плана и довольно занимательно, интересно ведет повествовательную линию, не расхолаживая читателя. Все эти качества в данном произведении имеются.

В отношении действующих лиц, выведенных характеров должен сказать, что здесь мне наиболее понравились отрицательные персонажи, именно с точки зрения наиболее полноценного изображения психологии, духовного облика

персонажа. Таков, например, Мухтар — образ проходимца, пошляка. В будущем, может быть, это будет аферист крупного масштаба, но все, что автор представляет в этой книге, — это наиболее правдивое изображение. Такие лица, к сожалению, существуют в нашей среде, хотя мы именуем их как пережиток прошлого. Оттого, что мы определяем содержание этого явления как пережиток, от этого нам не легче. К сожалению, такие пережитки существуют в любой среде. В колхозной среде, в среде народной толщи, может быть, даже их больше, особенно, если они являются выходцами из города. Они — тертые люди, они чувствуют себя довольно свободно. Окружающей части человечества они стоят не только огорчений, а и больших трагических потрясений. В жизни действующих положительных лиц они могут иногда довести дело до крови, до потери человеческой жизни и т.д. Оттого, что они являются пережиточным элементом, от этого не легче. Их надо показывать — и в разных калибрах показывать. Этот образ довольно разносторонне описан и довольно уверенным зрелым писательским почерком.

Очень интересным и наиболее удачным образом этой повести представляется девушка Зейнаб с ее семейной средой, отцом и матерью, которые, будучи трудовыми людьми, крестьянами, заняв более высокое положение в обществе, лелеют своего ребенка и в результате сформировалась личность беспомощная, которая становится объектом забавы издевательского, коварного, предательского отношения человека, которому она доверилась — Мухтара.

В конце концов, внутреннее очищение очень оправдано в данном произведении. Это положительное качество данного произведения.

Касааясь основных персонажей, надо сказать, главный герой — Анвар, учитель, его жена, его дети — дочка и сын, это — идеальная семья, идеальная советская семья. Правда, с многих сторон изображена эта семья. Герой трудовой, честный интеллигент, человек, который свое формирование, становление, свою личность проводит в довольно правдивой, убедительной среде, жена — идеальная учительница, друг его, хорошая учительница, воспитательница, хорошая жена, это жена и друг. Он — то же самое. Есть много положительного в их жизни, в их судьбе, в их трудовой де-

тельности. Все это красочно и убедительно изображено. О положительной стороне жизни и деятельности этих людей ничего отрицательного, критического сказать нельзя

Но вместе с тем, в связи с этими людьми и возникают самые большие сомнения по поводу данного произведения. Произведение названо “Признаю себя виновным”. Герой признал себя виновным. А что он совершил? Название книги настолько интригующее, что можно подумать, что речь идет о каком-то большом подлинном преступнике, внутреннее очищение которого происходит через большие психологические переживания и т.д.

В мировой литературе эта известная ситуация представлена многими интересными произведениями, начиная от В. Гюго.

Название книги Икрами очень интригующее. При раскрытии преступника, оказывается, что по существу это и не преступник, он не является профессиональным убийцей, над которым висит секира палача, который должен предстать перед эшафотом, перед расстрелом, и вот в нем происходит внутреннее прозрение, он начинает всесторонне анализировать свою жизнь, раскрывать ее. Судя по названию, таким должен быть сюжет. Но на самом деле получается, что по этой линии неоправданно развитие сюжета. Это идеальные люди – муж и жена, они ничего особенного не совершили. Ему не в чем признать себя виновным.

Ему 32 года, он любит свою семью. Но вот приходит девушка из города, Зайнаб. И вот однажды во время вечерней прогулки Анвар почувствовал к ней влечение...

Вот и весь состав его преступления. Вот из-за этого кратковременного увлечения жена оскорбляет его, он уезжает в город, там напивается в дым пьяным и забывает, что он должен привезти зарплату всем учителям.

Во-первых, такой человек, с такой чуткой совестью, с такой психологией – он не совершит этого проступка, который здесь описан. Он напился до потери сознания. Дорогой он теряет портфель с деньгами для своих учителей. Вот его преступление. Портфель находит мелкий жулик. За утерю портфеля с деньгами Анвара на время арестовывают. Совершенно ясно, что к концу повести его должны освободить. При наличии правильного, интересного психологиз-

ма в этой книге в отношении других персонажей, неверно в отношении Анвара допустить, что он так поступит. Он же уверен был в своей жене, в своей правоте, это человек, который не может окунуться с головой в омут, он не бросится в омут. А тут выходит, что он поехал за получением денег и бросается в омут, напивается до потери сознания. Все это не совсем оправдано. С любым хорошим человеком это могло случиться. Очень сложная трагикомическая, трагическая, драматическая ситуация. Но дело в том, что настоящая драма бывает только с хорошими людьми, а с пошляками, мерзавцами драмы не бывает. Вы пожалели своего героя, он настолько хорош, настолько написан в плане семейной идиллии, что эта личность, вам кажется, не может быть подвергнута каким-то тяжелым драматическим потрясениям в его жизни. Если вы взяли его в этом плане, его надо было бы увереннее и сильнее окунуть в жизненные волны, в тяжелую жизненную ситуацию, и пусть он потерпит крушение своей веры и надежд в какой-то среде, а потом выправится. Не попробовав показать борьбу человека и не до конца продумав жизненный путь человека, мы идем по пути шаблонному и трафаретному, что приписывается нашей литературе; тогда мы идем по пути лакировки, бесконфликтного решения ситуации. Сейчас у нас очень много бесконфликтных даже поэм, а проза конфликтная требует многопланового конфликта.

Это повесть, а не роман, события берутся в небольшом столкновении. Но не в том дело — повесть или роман, а надо создать подлинную борьбу, конфликт. Бесконфликтность в теории называлась мнимой борьбой. Все мнимо, что кажется драмой, что кажется преступлением, каким-то особенно непонятным событием, утратой доверия и т.д. Ничего этого не происходит и при первом объяснении это рассеивается как дым и туман. Эта мнимая борьба непростительна в первую очередь для прозаического произведения. Получается лакировка, бесконфликтность, а лакировка и бесконфликтность, о чем много говорится применительно к русской литературе, вдвойне и втройне присутствуют в братских литературах.

Параллельно с этим существует критикобоязнь. Взять поглубже жизненную правду, изобразить ситуацию более

остро, правдиво показать семейное, общественное, личное мы не решаемся, потому что есть критикобоязнь. Соответственно тому, что у нас больше лакировки и больше бесконфликтных вещей, в нашей литературе есть очень много критиков, которые критикуют в двух красках: или восхваляют, или чернят, или дифирамбы поют, или работают на изничтожение, истребление произведения.

Поэтому в наших произведениях, которые мы выносим сюда, которые представляем вниманию союзного читателя, мы должны иметь в виду, что союзный читатель — более взыскательный читатель. Это друг, который нелегко приходит. Если он приходит, а он точно приходит, это друг, он много требует, он искушенный читатель, если он становится вашим другом, то в его лице вы имеете настоящего друга, вы заглянули его внимание в сердце, душевное расположение хорошего читателя. Союзный читатель это не только русский читатель, это читатель всех народов, читающий на русском языке, ставшем вторым родным языком для всех народов.

Это надо особенно учитывать, когда мы везем произведения на декаду. Я не представляю себе приезд на декаду — как парадный приезд, как подготовку наспех, как приезд на декаду, гоняясь за количеством произведений, с произведениями, не апробированными читателями, и т.д., такая декада мало чем помогла бы, этим бы в известной мере терялось значение и авторитет декады.

Я не говорю, что эта книга относится к такой категории, о которой я сейчас говорил, наоборот, эта книга в развитии наших братских литератур является известным шагом вперед. Но одновременно надо сказать просто и прямо, откровенно, дружески, что по этой книге имеется неверный прицел, неверный выстрел, выстрел вхолостую. Кроме того, название “Признаю себя виновным” неоправданно. Такого виновного здесь нет. Главные, основные персонажи, о которых идет речь, — эти люди выписаны слишком идилично, одноцветно, они представляют собой в значительной степени не характеры, а лакировку персонажей. Очень досадно так оценивать, но надо сказать, что имеются элементы плакатности в отношении основных персонажей — учителя, учительницы, их семьи. Другие персонажи, побочно присутствующие, в судьбе этих людей играющие из-

вестную роль, они даны очень интересно и хорошо. Из этого можно сделать вывод, что Джалол Икрами может создать очень интересное произведение, если более смело вторгаться в подобные темы, в проблему новой семьи, новых семейных отношений, в проблему людских отношений в городе и деревне. Вот что я хотел сказать.

Два слова о том, что здесь говорится о произведениях, двух романах нашего друга — Улуг-зода. Я их прочитал несколько лет тому назад, собирался ему написать несколько своих дружеских, товарищеских пожеланий, помимо того, что здесь высказано. Мне кажется, что в обоих произведениях есть несколько авторских просчетов, которые нужно в дальнейшем учесть тов. Улуг-зода.

В книге отсутствуют некоторые, весьма важные для художественного полотна, необходимые компоненты: нет описания лиц, нет портрета, нет характеристики пейзажа. Психологически часто отсутствует портрет, часто описание природы передается несколькими скупыми, короткими фразами. Вот, скажем, он упоминает о музыке, таджикской музыке, музыке солнечной страны. Вполне заслуженно любят индийскую, таджикскую, азербайджанскую музыку, армянскую музыку и т. д. Слушая эту музыку, каждый из нас может себя контролировать с точки зрения каких-то затаенных уголков нашего сердца. Каждая национальность, прежде всего, любит музыку своей национальности. Когда вы перерастаете эту стадию, мы любим русскую классическую музыку, начинаем развивать свое музыкальное восприятие — музыку других народов, и здесь очень много интересного, чудесный мир раскрывается для вашей духовной жизни. В этом смысле я, например, таджикской музыкой, отдельными песнями и мелодиями упиваюсь. На скрещении больших исторических дорог, на большом духовном историческом перекрестке многих веков родилась таджикская поэзия, так же как и таджикская музыка — талантливая, интересная, захватывающая, но вот ни на одной странице этих двух романов не дается описания музыки таджикского народа. Автор напишет, что заиграла музыка, перечислит инструменты и все. Или выведет героя в сад, напишет, сколько там цветов и т.д., а описание природы дает очень скупое. Характеристика природы Таджикистана, затем музыка тад-

жикского народа — все, что льет свет в душу самого угнетенного человека (правильно говорил В.Д. Смирнов, что, описывая суровое отрочество и юность, одновременно надо говорить и о светлом, романтическом начале, присущем юности) — мало показывается в произведениях. Душа ребенка не может не искать солнца и не находить утешения в чем угодно, хотя бы в зеленых или синих стеклышках.

К тому, что сказал Смирнов, хочу добавить. Тот персонаж, от лица которого ведется повествование, это в будущем творческая личность, в его детской душе много радужных моментов должно быть, как в герое “Слепому музыканта” Короленко. Поэт Тукай и детские годы был придавлен тяжелой судьбой, тяготами жизни и не имел никакого просвета, а Тукай получился жизнерадостным поэтом, не мистиком, не нытиком. Из вашего героя получается большой оптимист, советский деятель. Надо, чтобы над его горизонтом рассеивались тучи, благотворные лучи солнца эпохи должны на него светить.

Я могу сказать дорогому Сатыму и о других вещах, но не имею времени и потом с ним поговорю.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ ИНОСТРАННОЙ
КОМИССИИ СП СССР ПО ПОДГОТОВКЕ
КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН
АЗИИ И АФРИКИ
(1958 г.)**

Мне кажется, что было бы очень хорошо, если бы мы показали литературу писателей-гостей на их языках.

Но, с другой стороны, совершенно законен и естествен интерес наших гостей к тому, что происходит в нашем литературном мире стран Советского Востока. Понятно, что английский язык, известный большинству народов, будет главенствовать, но по каждой литературе: казахской, узбекской, киргизской и т.д. и на собственном языке. Мы всегда из наших поездок за рубеж привозим оттуда много книг, которые нам там дарят. И наши гости должны привезти от нас точные сведения о литературном процессе, который происходит в каждой из наших союзных и автономных республик. Надо такие книги издать на английском языке. Это должны быть книги справочного, очеркового, историко-литературного характера. Но по каждому произведению древности или классическому и по литературному процессу, происходящему в каждой нашей республике, должны быть изданы книги на английском языке и на туркменском, таджикском и т.п. языках, потому что все гости кроме своего языка говорят на английском языке.

Огромное большинство говорит по-английски: тайландцы, вьетнамцы, японцы, китайцы. Для большинства английский язык будет более понятным. Конечно, желательно было бы и на китайский перевести, но это уже затруд-

нительно. А вообще говоря, книги, подготовленные Комитетом, под его руководством могут быть в каждой нашей республике переведены и изданы на английском языке, потому что теперь в каждой нашей республике есть хорошие знатоки английского языка, везде сейчас у нас есть институты иностранных языков, где прежде всего изучается английский язык.

Отдельные сборники стихов и отдельные труды, характеризующие исторический путь и наши сегодняшние достижения, произведения, которые могут дать более менее разностороннее представление о политическом, экономическом, историческом, революционном процессе становления и развития той или иной советской национальности — такие книги должны быть переведены.

К сожалению, приходится вспомнить, что наша Иностранная комиссия, с одной стороны, и наши издательства иностранной литературы, с другой стороны, во многих случаях забывали наши братские литературы и это сказывается тогда, когда нужно их представить.

И в Японии я видел, что японцы за время после окончания войны издали 170 произведений советской литературы, но исключительно только русской. Ни Упита, ни Олеса Гончара, ни Айбека, одним словом, ни одного представителя наших братских литератур там не издано. И я считаю, что в этом исключительно вина наших издательств иностранной литературы.

Такой пробел мы должны восполнить.

В Японии представляют дело так — у них 99 млн населения и других языков нет, кроме японского, и они и советскую литературу так себе представляют. Они представляют ее себе как русскую литературу и совершенно не знают литератур братских народов, они не представляют себе ни одного произведения. Это надо восполнить. Надо дать историко-литературный обзор и очерки по каждой литературе и отдельные произведения успеть перевести на английский язык в первую очередь.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В СП СССР НА ОБСУЖДЕНИИ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (17 декабря 1958 г.)

Два слова я хотел бы посвятить нашему сегодняшнему обсуждению казахской прозы. По моим подсчетам, я являюсь на этом обсуждении тридцатым выступающим всего того, что мы привезли в Москву в эту декаду по жанру прозы. Три дня мы обсуждаем прозу по отдельным проблемам, связанным с развитием художественной прозы, всей советской литературы и казахской литературы. Было высказано много веских мыслей и очень конкретных суждений, с книгой в руках проштудированы обсуждаемые вопросы. Можно сказать, что был проведен квалифицированный анализ отдельных произведений, сделанных московскими друзьями... Таким образом, можно смело утверждать, что мы получили в результате трехдневного обсуждения, новейшего обсуждения казахской прозы такой материал, такие ценные богатые данные на пользу каждому из нас и всей нашей литературе, какие едва ли бы мог дать даже специальный пленум или даст предстоящий съезд писателей Казахстана. Где, на каком съезде можно допустить, что на один только жанр — прозу будут потрачены 3 дня и дана возможность выступить 30 человекам?

Еще должен отметить, что в этих суждениях были очень конкретные, деловые, проникнутые глубоким и правильным пониманием, суждения писателей о писателях, критиков о писателях. Были высказывания и теоретического порядка, которые отталкивались от отдельных конкретных данных казахской прозы и обсуждали проблемы всей советской многонациональной литературы. Среди этих обобща-

ющих мыслей отдельные положения мне показались новыми и интересными — прежде всего, это касается проблемы национальной формы. Мы проблему национальной формы давно уже обсуждаем и неоднократно в нашей республике и в других национальных республиках в прессе были высказывания по этому вопросу со стороны писателей и критиков, литературоведов Казахстана, Узбекистана, Грузии. Тут я упустил еще одно звено, какое включилось в высказывание по поводу раскрытия сущности национальной формы, нахождения особенностей национальной формы всех литератур Советского Союза. Это вопрос о том, что национальную форму нужно искать не только в образах, обрисованных писателем, но национальный характер нужно искать, прежде всего, в самом писателе, выразителе и носителе этой национальной формы. Это верно. Это сокровенная правда, что в художественных произведениях национальная форма будет независимо от языка, независимо от того, на каком языке пишет писатель. На конкретных примерах можно показать, что автор, пишущий на русском языке произведение, остается казахом. Независимо от того, что произведение, написанное на казахском языке, переведено на русский язык и в русском мышлении, в русской обработке прекрасно передано, иногда в улучшенной даже, а иногда в равноценной форме, при таком переводе на русский язык национального автора казах вы чувствуете его все же, как казах.

Значит, это не образ носит национальный характер, а изображение образа. Такая лепка образа национальная, поэтому будет ли перевод с казахского на русский или с казахского на английский, все равно национальное останется.

Правильно это будет или нет, но я хотел бы добавить еще одно уточнение. Национальный характер выражен в национальной сущности автора, это верно. Но еще дальше углубляя и уточняя, я раскрыл бы такое положение, что национальное в художественном произведении национально-го автора выражено в творческой психологии автора, в национальной творческой его психологии. Если мы говорим — национальный характер автора, это нечто постоянное и неизменное, и слишком широко, и не конкретно. Но тот же национальный автор — грузин, украинец, казах, узбек —

свое мышление, чувствования, свое речевое выражение во всех моментах романа, национальные черты своего народа выражает через самого себя, в том, что он одинаков во все моменты своей творческой деятельности. Он сам проходит эволюцию, он проходит через всякого рода изменения. В зависимости от каждого этапа его творчества, от каждого этапа его становления и завершения художественного творческого метода, его творческая психология тоже меняется.

В такой динамике нужно рассматривать и искать национальный характер художественного произведения через автора, но автора в его становлении, начиная с момента его формирования, дальнейшего разворота его дарования, и в зависимости от того, как он подходит к какой теме.

Тогда многие особенности, о которых мы начинаем говорить более конкретно, в каждом отдельном писательском творческом опыте, они будут хорошо нами проанализированы, поняты на каждой индивидуальной почве, на почве творческих поисков отдельных писателей.

Вместе с тем, анализируя отдельные факты, углубляясь в особенности этой творческой психологии и национальные особенности этой психологии автора, мы можем сделать обобщение, которое всех объединяет и всех делает писателями метода социалистического реализма, людей, рожденных нашей эпохой, людей, у которых мировоззрение, мироощущение, их чувствования, их творческое мышление и их языковое художественное выражение делают одновременно разными, а вместе с тем сходными, родственными, на каких бы языках они ни писали.

Об этом моменте нужно думать, когда мы говорим об общих и частных индивидуальных особенностях наших литератур.

Исходя из этого, я бы, например, сказал о наших героях, о героях наших произведений, как они конкретно в наших произведениях должны себя выражать через нас, через писателей.

Если взять в этом смысле, скажем, творческую личность, изображаемую нами, например, Айбек пишет о Навои, А..... пишет о Тукае, многие наши писатели пишут о своих предшественниках – писателях прошлого. В том числе и я писал об Абае.

Я свой подход к Абаю в отдельных случаях в каждом этапе его становления, его формирования и дальнейшего роста рассматривал именно с точки зрения развития творческой психологии в самом моем герое.

Этот герой дает некоторые ключи к тому или иному решению в отдельных этапах его жизни, в отдельных случаях жизненных конфликтов на его пути. Этот человек должен был быть мною понят как развитие особой индивидуальной творческой психологии. Это вторая линия или третий осложненный ряд. Абая я должен, с одной стороны, изображать, как человека, сталкивающегося с жизненными фактами, во-вторых, должен показать, как эти жизненные факты откладываются в его душе, и, в-третьих, показать, как это виденное, наблюдаемое, переработанное в его творческой психологии получает творческое воплощение в этом произведении. Этот герой — в отдельных этапах жизни — молодости, старости — неодинаков. Аксиомой является то, что герой произведения постепенно сам определяет некоторые моменты того или иного изображения автора, определяет отдельные этапы.

Если остановиться на биографическом романе, или автобиографии, то этот новый жанр особенно интересен, когда речь идет об автобиографии писателя. Эту традицию заложил еще А.М. Горький и заложил счастливо. Когда он свою книгу называет “Мои университеты”, то я считаю, что здесь вся эмоция, вся интеллектуальная природа А.М. Горького сказалась. Его встречи с отдельными людьми, люмпен пролетариями или интеллигентами, — все это страницы большой мудрой жизни, потому что встречи он воспроизводит не с кем-нибудь, а с пленными орлами... В других условиях такой человек, как орел, расправил бы крылья, стал бы другим человеком. Мы не знаем, кем был бы Челкаш при других условиях. Мы знаем, что социальные условия делают преступника, а в других условиях мог бы получиться другой человек, не преступник. Поучительно то, что у него получают университеты. Каждая встреча, каждая беседа с человеком приводит его к размышлению, взор его заглядывает в сердце, а сердце его — часть души народа.

Я думаю, что когда пишется биография-роман о творческой личности, то в первую очередь нужно обдумать героя

с точки зрения интеллекта. Правильно Зелинский говорил, что у нас часто мало мыслей в наших произведениях и правильно указывали, что у нас много диалогов рыхлых. В этой словесной пене герой выкипает, раскрывается только в незначительных диалогах. Странное дело, и когда в произведении события движутся только диалогами, а не внутренним монологом, глубокой мыслью о том, что такое жизнь, взаимоотношения социальных категорий истории. Все эти произведения – биография-роман, автобиография – пишутся не о случайных личностях, а о тех личностях, которые, становясь сами, формируют среду, о тех личностях, которые являются лучшими в нации.

Не только их поступки, не только случайности в их судьбе, перевороты на их жизненном пути, а постепенно вместе с ними должна зреть мысль народа, мысль общества, должна зреть историческая мысль, и такая личность будет связывать концы истории, что было до нее, что происходило вместе с нею. Герой должен проходить в интеллектуальном плане. У нас не все благополучно во всех наших литературах. Даже те, которые могут мыслить, писатели очень хорошие, но мало мыслят, не глубоко мыслят.

Я хочу остановиться на нескольких частных, но вместе с тем очень важных в каждом отдельном случае вопросах.

В наших национальных литературах мы теперь изображаем образ русского человека. Образ русского человека во всех наших романах, в исторических, в современных имеется. Вместе с тем и в русской, и в советской литературе имеется больше представителей национальностей Советского Союза, в романах, повестях, пьесах и т.д. Я должен сказать, что счет с обеих сторон существует и счет совершенно справедливый.

Русские читатели справедливо могут считать, что русский человек недостаточно убедительно и веско изображается в национальных исторических и современных романах. Одновременно и братские литературы большой литературе, большому советскому художнику-писателю могут предъявить много счетов.

Я думаю, без труда вы себе можете представить, что как только начинает изображать представителей братских народностей русский писатель, у него появляется нейтраль-

ный кавказский тип — эксцентричный, непосредственный, горячий. Когда на сцене автор начинает играть казаха, грузина, армянина, осетина, он берет нейтральный кавказский акцент, изображает тоже непосредственного эксцентричного человека. Но если вы поедете на Кавказ, то такой тип не будет признан ни осетинами, ни грузинами. Это — нейтральный тип, он не подходит ни к казаху, ни к грузину, ни к осетину. Так же и пишут.

С другой стороны, есть в русской литературе такое обозначение нации совершенно без национальных черт. Возьмем роман Ажаева “Далеко от Москвы”, что грузинского у Беридзе, кроме фамилии? Какие у него черты характера?

А у нас, наоборот, что получается, когда в нашей литературе мы выводим русского человека, скажем, Дмитрия Кузнеця в “Людах наших дней”. Там Дмитрий дан как киргиз. Он давно живет в Киргизии, он шпарит всякими киргизскими поговорками, у него нет речевой характеристики русского человека... И такой опыт есть. Конечно, это не совсем правильно.

Я говорю, что наши национальные авторы русского человека должны изображать. Это слияние важно и дорого. Но должны изображать таким образом, чтобы русского человека показывать с национальным русским характером, как национального русского человека. А если он облекается в киргизский или казахский тумак, это не русский человек.

В этом смысле у нас есть некоторые поиски, есть некоторые обретения, на которые просим русских товарищей обратить внимание. В данном случае национальные писатели имеют то преимущество, что большинство русских писателей другие языки мало знает, а мы, национальные авторы, мышление русского человека можем представлять хотя бы условно. Если русского человека удастся представить с его мышлением, его психологией, представить в определенном ракурсе для известных функций — драматургических, исторических, психологических, то это, повторяю, если удастся передать так русское мышление, это будет уже громадным достижением.

Забегая вперед, хочу сказать, что я думаю, что в скором времени придут в нашу литературу такие авторы, которые будут писать на русском языке. Будут на русском языке пи-

сать о казахах, будут писать на русском языке о татарах, об узбеках. Конечно, писатель остается при этом казахским, узбекским, грузинским патриотом, но историческое сближение народов идет к тому, что будет не два родных языка, а наравне, русский великий язык будет даже преобладающим, а казахский, узбекский и др. языки будут вторым родным языком. К этому без всякого нажима и насилия приводит ход исторического развития. Надо сказать, что в этом отношении у нас другие условия, чем в Индии, где хотят, например, ввести общим языком ишиву, а в Моравии также большая народность не хочет сделать его своим языком. У нас споров о языке не будет, но ход исторического развития приведет к тому, что некоторые наши писатели будут писать на русском языке. Это прогноз на будущее. Сейчас в нашей литературе можно наблюдать такое положение, и я считаю его правильным: вот Бауржан Момышулы пишет и по-русски, и по-казахски, Зеин Шашкин пишет по-русски и по-казахски. Несколько писателей уже у нас так пишут.

Но тут в отношении этих писателей может быть такое опасение. Я сужу по себе. Я знаю русский язык, как литературный язык, но я не знаю разговорного русского языка. Я могу выступать на русском языке, могу сделать на русском языке доклад, написать статью, исследование, но решиться создать на русском языке художественное произведение я не могу, потому что моего запаса разговорного русского языка для этого не хватит. Для художественного творчества надо знать не литературный русский язык, а разговорный русский язык.

Что же касается Б. Момышулы или З. Шашкина, то они лучше меня знают русский язык и осмеливаются писать на русском языке. Это потому, что они больше меня прикоснулись к разговорной стихии русского языка. Вот Бауржан был бойцом, был на войне, жил среди бойцов, в течение не одного года он общался с ними, говорил на этом языке, затем попал в Академию, там также прикасался к разговорному русскому языку.

Таким образом, он прикасался к языковой среде больше, чем я. А я общался все с писателями, языком которых нельзя писать и рассказывать.

Теперь в отношении другого нашего автора — Тахави Ахтанова. Читая его роман “Грозные дни” и на казахском, и

на русском языках, я заметил, что пишет писатель, который и речевую характеристику русских персонажей убедительно передает. Я спрашиваю: “Ты силен... в речевой характеристике русских персонажей?”. Он говорит: “Нет, наоборот. Я к свидетельству Бауржана прибегнул, у него русский перевод хуже, на казахском языке лучше, на казахском языке он русские речения передает правильно”.

Это — другой путь, другой тип писателя начинает восходить на казахской почве к новому.

В отношении наших молодых авторов, молодых не по летам, а молодых по вступлению в художественную литературу, хочется сказать вот что: многие из них правильно делают, что они от жизненного опыта пришли в литературу. Они пришли в литературу, имея готовый ответ на многие вопросы жизни, на художественные творческие проблемы и задачи.

Бауржан пришел к этому своими дневниками, давно составленными, писавшимися на казахском языке, а также через хороший жизненный опыт. Вчера ему правильно кто-то из товарищей советовал не оставлять военную тему. Военная тема — это тема, о которой я мечтал, но никогда ее так, как Бауржан, не получу, даже если бы мне каким-то чудом была возвращена вторая юность. А Бауржан имеет, он нашел большую золотonosную жилу и он этой жилой должен питаться и обогащать литературу. Он свою книгу пишет о себе и о войне. Тахави Ахтанов пишет большую первую книгу, художественное произведение о войне, которая в его становлении это настоящая, самая главная, большая тема его жизни на этом периоде его творческого мышления.

О студентах, о вузе, о профессуре пишут... Это — порог, который они вчера только перешагнули, это — самая близкая в их жизни тема.

Если Горький говорил: “Пишите о том, о чем не имее-те права молчать”, то эта тема — самое главное и важное, к чему они обратились в жизни.

В этом отношении Есенжанов первое свое большое полотно пишет на материале, который связан с детскими впечатлениями, о жизни на берегах Яика, которая в годы детства и отрочества проходила перед его глазами, т.е. о том, что он хорошо знает.

На правильный путь встали все эти писатели. От них надо ожидать большего, чем они уже создали.

В этом смысле я хочу сказать, что все, что здесь говорилось и теоретическое, и конкретное критическое о каждом из вас, это вам должно пойти на пользу, поскольку это ваша первая книга, а первую книгу вы пишете о вещах, которые вам хорошо, больше, чем всем из нас, известны. На этом материале вы должны себя утвердить. Пока не уходите на другие темы, покуда вы не сделаете настоящего, большого полноценного произведения во всех отношениях.

В этом смысле для товарищей, которые пишут на русском языке, замечания Трегубова очень конкретные, очень деловые, очень сурово требовательные. Для Бауржана они нужны. Тут много положительного говорили, но Трегуб сказал и в отношении языковых фактов — очень правильные вещи. Надо к этому прислушиваться.

Надо к этому прислушаться и Ахтанову. У него хорошая повесть, но в отношении языковых фактов требуется, чтобы он усовершенствовал это произведение. Это же относится к Шаймердинову, к Зейнулле Кабдолову. Не очень близкую и легкую тему взял себе и Зеин Шашкин.

Надо сказать, что в отношении многих наших писателей можно сказать, что они пришли в литературу с уже большим жизненным опытом, да так и должно быть, иначе мало кому посчастливится в 25 лет создать художественное произведение. А вот мне приходится писать, имея за спиной проделанный большой жизненный путь, имея в голове уже много переваренных жизненных фактов, решать задачи, стоящие перед человеком-художником.

Есенжанов, Ахтанов, Шашкин — все они критики и они интересные критики. Они в историческую науку вписывают интересные серьезные исследования. Поэтому в их головах созрело много интересных дум о взаимоотношениях казахской литературы с другими литературами. В этом отношении они оправдывают надежды и должны создать хорошие произведения в дальнейшем.

Два слова о переводчиках. Переводчики (скажу это без лести), переводчики требуют от нас того, чтобы мы им сделали большой, низкий поясной поклон. Конечно, имеются и переводы наспех, имеются и удовлетворительные пе-

реводы. Но при этом надо сказать, что иногда поспешная работа переводчиков бывает продиктована нашей же спешкой. Вот недавно к декаде была проделана огромная работа в этой области. У нас в Казахстане 120 произведений было переведено на русский язык, да в Москве переводчиками было сделано 125 произведений. Таким образом, около 250 произведений было переведено на русский язык. В Казахстан приходят целинники, и вот человек, который приходит в Казахстан из Вильнюса, из Полтавщины, из Белоруссии, будет знакомиться со своей второй родиной, которую он осваивает, по которой он ведет свой трактор. Он должен освоить ее и духовно.

Эта работа проделана для казахских, русских читателей, которых сейчас у нас много, а также для читателей всего Союза. Из переведенных книг могли бы создать целую библиотеку. Труд переводчиков – незабываемый труд, это настоящий наш друг от великой русской литературы, от великого русского народа.

Заканчивая свое выступление, я должен сказать, что и за три дня обсуждения мы коснуться всех проблем все-таки не можем. Но мы получили от этого обсуждения то, что не получим и в наступающем 4-м съезде казахских писателей по прозе, потому что три дня мы обсуждали только прозу и выступили 30 человек, это люди, специально прочитавшие все произведения и выступавшие конкретно по произведениям. Такого и на съезде не бывает, на съезде обыкновенно все “растекаются по древу”, большинство выступает не по произведению, а каждый говорит обо всем и ни о чем конкретно. Здесь же всеми выступавшими было дано конкретное, полезное суждение о лучших сторонах произведений и о недостатках произведений. Я считаю, что во имя одного такого результата, какой мы получили при этом обсуждении, мы должны проводить декаду казахского искусства.

В заключение позвольте мне от своего имени как человека, который получил здесь много полезного и интересного, сказать, что такой разговор нелицеприятный, разговор углубленный, специальный, иногда подсказывает такие вещи, которых ты сам не осознавал.

Например, вчера Евгения Федоровна Книпович, выступая, сказала, что моментами у меня есть разработка от-

дельных характеров и отдельных столкновений и ситуаций в судьбах героев молодого и старшего поколения, как у драматурга. Это подсознательно может быть случилось, но я не стремился к этому. Когда она говорила о судьбах Ромео и Джульетты Шекспира и проводила параллель с “Абаем”, то я сам никогда не думал, что так можно повернуть, она раскрыла это.

Много очень интересного было в выступлениях Брайниной, Кедринной, Л.Г. Бать, А.Н. Макарова. Из их выступлений те лица, о произведениях которых говорилось, привлекли для себя очень многое, над чем надо подумать дальше и дальше.

Я думаю, каждый из нас, из моих младших друзей и моих сверстников, подумает, что здесь было сказано, подумает над заботливыми, взыскательными словами друзей от русской литературы.

Поэтому позвольте от имени нас всех выразить большую-большую сердечную, горячую благодарность нашим друзьям, которые выступали и которые отдали столько своего драгоценного времени на обсуждение и осмысление всего того, что мы сюда привезли.

Спасибо, товарищи!

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ СЕКРЕТАРИАТА
ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ СССР
(1960 г.)**

Я хочу высказать свои пожелания по поводу общего вопроса для республики. Это будут некоторые пожелания и рацпредложения по поводу постановки докладов республик на пленуме.

Опыт работы 12 и 13 пленумов показал, что, безусловно, постановка доклада на пленуме оказывает большую деловую и творческую помощь литературам братских республик. Но, вместе с тем, еще остаются отдельные мысли, которые нужно высказать на таком собрании для более рациональной постановки этих вопросов.

Если сравнить с тем, что было несколько лет тому назад, то, надо сказать, что секретариат и президиум ССП сейчас гораздо лучше руководят литературным движением в нацреспубликах, потому что проявляют большой интерес и знают кадры, и знают каждую вышедшую новинку. В порядке высокой оценки у лучшего руководства президиума надо отметить именно этот факт.

Самым замечательным является то, что каждый год секретариат выделяет одного из своих ведущих членов из состава секретариата или президиума, который месяц-полтора занимается одной национальной литературой и выступает с содокладом. Это метод помощи работе национальной литературы. Но когда на самом пленуме начинаем обсуждать, то делается доклад — скажем, в прошлом году доклад Армении — содоклад Симонова, доклад Казахстана — содоклад Гор-

батова, в этом году доклад Узбекистана — содоклад Тихонова, а когда идет обсуждение, то пленум превращается в суженное производственное совещание, где выступают те, кто случайно ездил в эту республику, или отдельные переводчики, или сами писатели. Таким образом, огромное внимание, уделенное пленумом данной литературе, — поневоле, в виду того, что многие товарищи не высказываются и вопрос сводится к информационному докладу, — не дает должного результата, и вопрос не получает должного широкого обсуждения.

Одновременно с такими докладами выступают представители всех братских литератур. Где, как не на пленумах, слушать доклады национальных литератур. Скажем, Рашидов сделал доклад об узбекской литературе, Тихонов сделал содоклад, несколько товарищей из Узбекистана выступили. Но развитие литературы настолько значительно, что этого мало. Здесь было бы целесообразно услышать выступления товарищей по национальным литературам, но услышать по общему вопросу. Каждый пленум должен выдвигать общий вопрос с докладом Симонова или Фадеева.

Стоит вопрос о драматургии — пусть все национальные республики выступают по этому докладу, сообщая о состоянии драматургии в своей республике. Стоит вопрос о критике — пусть все национальные республики выступают со своей информацией, выдвижением проблем, постановкой задач по своей литературе. А если один раз обсуждается проблема узбекской литературы, то ее надо обсуждать так, чтобы полтора дня были отданы ее обсуждению, чтобы она осмысливалась и итоги пленума были бы историческими итогами; чтобы по прозе выступали видные прозаики, по драматургии — Симонов, Софронов, Погодин. Есть в Казахстане товарищ, который работает свыше 20-ти лет во всех жанрах, так же как крупный маститый драматург Казахстана Мусрепов. В Азербайджане, Грузии есть произведения, которые должны быть поставлены на сценах наших московских театров, или проза, или достижения поэзии. Когда это идет скопом, одним потоком, тогда все проблемы и все достижения этой литературы обсуждаются очень сужено. Нужно это рационализировать таким образом, чтобы полтора дня, уделенных узбекской литературе, были бы

целиком использованы. По-моему, К.М. Симонов мог прекрасно выступить по драматургии Яшена, если заранее подготовиться.

По вопросам прозы, по новому роману Айбека, никто серьезно не высказался и получается, что каждая литература говорит о своих достижениях больших и меньших, но этот разговор похож на разговор глухих и каждый говорит о своем и не слышит того, что говорят другие.

На следующем пленуме будет ли стоять доклад Азербайджана или Грузии, но надо, чтобы были предупреждены все организации, скажем, Ростов, Узбекистан и Казахстан. Если будет обсуждаться доклад Грузии, то об этом нам надо сообщить и вынести произведения по прозе, по поэзии и драматургии, но предварительно подготовиться. Или же надо сказать о том, где можно получить перевод или дать рекомендательный список литературы, которую следует прочесть. Тогда товарищи будут подготовленными и смогут высказать полезные мысли по поводу этой литературы. И главное, это относится к ведущим эти дела товарищам в Москве, которые всеми силами хотят помочь, но не совсем рационализирована постановка этого вопроса. Если это дело будет так поставлено, то сможем от каждого писателя получить то, что хотим получить. А то получается так, что выступает критик по произведениям, которые ему известны. Смелее выступали товарищи, говоря о русских авторах, но когда говорили об узбекских или о казахских, то упоминали мельком. Таким образом, должного освещения эти вопросы не получают даже при специальной постановке вопроса о национальной литературе... Я опасаясь, что узбеки узнали не столь много, как желали узнать на пленуме по интересующему их вопросу. И для того, чтобы вынести такой результат, можно было бы не проводить совещание в Москве, а провести у себя на месте. По этому вопросу говорил т. Смирнов, а остальные товарищи говорили о своих литературах. И воспользовавшись предоставленным словом, я решил высказать такую общую мысль и на будущее.

Что же касается пожеланий Казахстана, то предоставляю это сделать секретарю нашей писательской организации.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ЗАСЕДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
СОВЕТА КИНОСТУДИИ “КАЗАХФИЛЬМ”
ПО ОБСУЖДЕНИЮ КИНОСЦЕНАРИЯ
“ПЕСНЯ ЗОВЕТ”
(7 декабря 1960 г.)**

У меня есть один недоуменный момент, который я хочу здесь высказать, в данном случае хочу обратиться с некоторыми вопросами к Шакену. Дорогой Шакен, для чего тебе нужно в таких вещах идти в соавторство? Твое вмешательство в производстве нужно. Но твое положение, твой приоритет, твои обязанности в этом большом производстве киностудии, где ты хотя и талантливый, но новый еще человек, ты приходишь и своим авторитетом можешь иногда слабые вещи провести, это не нужно. Так оно и получается. Даже в “Известиях” писали об этом. А здесь вы снова в слабой вещи идете соавтором. Придет еще это время, не надо спешить.

Когда ты в своей зрелости дойдешь до Эйзенштейна, до Довженко, когда обнаружишь способности режиссера, актера и сценариста и т.д., тогда можно заняться. А то получается божество в трех лицах. Он же сценарист, он же режиссер, он же актер. Не всегда это удается. Если Довженко это удавалось, то это потому, что он был замечательнейший, талантливейший человек, Эйзенштейн был серьезным писателем. Но не обязательно тебе с первых шагов идти во все вещи в соавторство. Нужно ли это? Дорогой Шакен, мне кажется, не нужно. Потому что здесь могут быть двоякие нежелательные последствия.

Хорошо, когда хороший талантливый актер пришел

в киностудию и может там быть режиссером, актером. Но сценаристом зачем тебе быть? Ты сам режиссер и такие вещи допускаешь. Пытаешься сделать комедию, а комедии нет. Это одна сторона.

И с другой стороны, когда ты являешься режиссером и сценаристом, ты можешь пропустить ошибки и недостатки. Я думаю, что товарищи члены художественного совета, профессионалы, ответственные люди, исторически ответственные за серьезное развитие киностудии “Казахфильм”, для этого мы сюда ходим, а не потому, что у нас лишнее время, они со мной согласятся. Тебе коллектив верит, тебя любят, но наполовину зрелые вещи нельзя допускать. Это вещь явно слабая, она еще слабее, чем “В одном районе”. И здесь твое соавторство не нужно. Это во-вторых. В-третьих, это не соответствует интересам нашего художественного производства. Если бы ты не был соавтором, ты по-другому, более критически подходил бы к этой вещи. Я 45 лет работаю в области литературного творчества, честно признаюсь, что чужую критикуешь с открытыми глазами, видишь все недостатки и т.д., а как до своей вещи доходишь, так обязательно слепнешь.

И критицизм, который необходим, в своей работе будет обязательно приглушен потому, что ты много ума, воли вложил в эту работу и ты не видишь ее слабости. А если бы сценаристом остался Сатыбалдин, а вы были бы только режиссером, то вы гоняли бы этих товарищей до тех пор, пока они не доработают эту вещь как следует. А сейчас ты сам создаешь возможность проходить слабым вещам, а мы являемся свидетелями этого.

Мне с Шакеном нечего делить, я думаю, он поверит мне, и мне незачем завидовать ему, я только должен радоваться его успехам. Никакой корыстной цели я не имею, и только потому, что я член художественного совета, я не хочу мириться с таким положением к тому, что здесь обсуждается. Надо прежде всего снять отсюда соавторство. И в картине “Алдар Косе” тоже не надо быть соавтором. Ты не писатель, не сценарист и тебе не надо этим вредить и делу ущерб не надо наносить. Эту вещь надо вернуть, сколько бы здесь затрат не было, чтобы ее доработали. Это просто розовая водичка и ее в таком виде ставить нельзя.

Это как раз имеет принципиальное значение. Я абсолютно верю, что ты помогал, хорошие мысли давал, зачем тогда художественный руководитель? На то вы и художественный руководитель, вы высказываете мысли, помогаете дорабатывать вещь. А то, что они просят включить вас в соавторство, то это, если хотите, даже сделано с расчетом, если вы будете участвовать, то эта вещь пройдет. А то, что вы говорите, что это не принципиально, это неправильно. Я думаю, что это принципиально потому, что об этом даже в “Известиях” писали, общественность обращает внимание на это дело.

**“История
Казахской ССР”
кітабына
арнайы
жазылған
тараулар**

Глава VIII

КУЛЬТУРА КАЗАХОВ В XVI–XVII ВЕКАХ

§ 17. ВЕРОВАНИЯ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАЗАХОВ

Верования.

К XVII веку в казахском обществе сложились патриархально-феодалные общественные отношения. Патриархально-родовые пережитки маскировали сущность феодальной эксплуатации в сознании зависимого от феодалов населения. Все это сказывалось и на характере народного мирозерцания, и на народной поэзии, и на других видах народного искусства. Двоеверие, т.е. соединение идей и представлений религий феодального общества и общества родового – ислама и шаманства, отличительное свойство народного мировоззрения в ту пору.

Близко наблюдавший жизнь казахов узбекский вельможа Рузбехан писал в начале XVI века о верованиях казахов: “Сами казахи со своими ханами и султанами считают себя верующими – читают Коран, отправляют богослужения, отдают своих детей в школу, постятся”. Но правоверный мусульманин Рузбехан видел у казахов и многочисленные отступления от ислама. “Известно, – писал он, – что среди казахов все еще держатся некоторые признаки неверия, например, сохраняются идолопоклонческие изображения, которым они поклоняются, что несовместимо с мусульманством. Кроме поклонения идолам, у казахов имеются и другие признаки неверия: они в Бухаре, Самарканде и других мусульманских странах захватывают мусульман

в плен и продают их в рабство... При восходе солнца делают ему земной поклон в благодарность за то, что оно вырабатывает кормовые травы, которыми питаются домашние животные, дающие кумыс”.

О том, что казахи не были последовательными мусульманами и что в их среде не было изжито шаманство, писал в XIX веке Чокан Валиханов. В его статье “Следы шаманства у киргиз” мы находим следующую характеристику верований казахов: “Мусульманство среди народа неграмотного, без мулл, не могло укорениться, но оставалось звуком, фразой, под которыми скрывались прежние шаманские понятия...”.

Патриархальные шаманистские представления казахов XVI–XVII веков содержали, помимо религии природы, культ предков. Среди казахов были широко распространены идеи родового единения и кровного родства сородичей, персонифицированные в едином предке – родоначальнике и реализуемые в ряде обычаев и обрядов: родовой помощи, родовой и кровной мести и др.

Чем меньше казахи были связаны религиозными установлениями ислама, тем свободнее они могли выражать свои представления и свои чаяния во всех доступных народному творчеству областях: в поэзии, музыке, прикладном искусстве и т.п. В эти области культурной жизни и направлялись в XVI–XVII веках творческие силы казахского народа.

Устное народное творчество.

Патриархально-феодальный уклад, кочевой образ жизни, пережитки родового строя в сознании определили состав и содержание устного народного творчества казахов к XVII веку. Особое развитие и распространение в тот период получили трудовые скотоводческие песни. Они выражали отношение казаха к источнику его существования, к домашним животным, ко многим видам трудовых процессов, связанных с хозяйством кочевника-скотовода. Эти песни закрепляли многовековой трудовой опыт казахского народа. Такова, например, песня о верблюде, роль которого в кочевом быте была очень велика. В ней показывается неприхотливость, выносливость верблюда, его роль в перекочевках аула.

Лебеда степная, колючие травы
Не тревожат язык его шершавый.
И несет мурундук* он величаво.
Скажешь “шок!” – он тебе ответит: “уч!”
На колени поставь, кибитку навьючь!

Также и в песне о козе мы находим многогранное отражение кочевого образа жизни и сложившихся в его условиях экономических, социальных, эпических и бытовых понятий. В песне о козе отражаются заботы о сбережении стада, о сохранении молодняка, отражается и священный народный обычай гостеприимства. Песня описывает красоту животного и его повадки.

Со скалы на скалу, стройная,
Забавляясь, скачет она,
Капризничает и резвится.
А дождик пойдет иль снег,
Хозяин кричит ей: “Шек!”
Она же и в ус не дует.

В песнях “Коровушка”, “Лошадь” и других домашнее животное выступает как друг, помощник и спутник казаха-кочевника; эти песни отражают еще с детства формирующуюся у казахов любовь и привязанность к животным.

Наряду с этим песни показывают врагов скотовода – хищных зверей. Песня “Что думает волк, посматривая на стадо” содержит меткую характеристику хищника, выслеживающего жертву, и наставление пастухам, чтобы они не дремали, не зевали, а берегли бы скот.

“Конь – крыло мужчины”, “Земля – мать, скот – ее сын”, “Где тучна земля, там тучен и скот” – в этих и подобных им многочисленных пословицах и поговорках казахского народа в афористической форме заключена практическая мудрость кочевника, его мировоззрение, раскрывающееся и во всех других формах творчества, в том числе в трудовых песнях.

Обрядовая поэзия.

В связи с большой зависимостью казаха-кочевника от

*Палочка, протая в ноздри верблюда.

природы, в связи с патриархально-родовыми пережитками (кровная месть, родовая помощь, аменгерство, поминки) в быту казахского народа того времени сохранилась целая система обрядов и обычаев, сложившихся в обстановке патриархально-родовых отношений.

Каждое значительное событие в жизни человека, семьи, рода сопровождалось у казахов обрядом и песнью. Пение обрядовых песен сопровождало рождение ребенка, свадьбу, замирение после ссоры (битим), похороны, поминки (асы) и т. п.

Абай Кунанбаев следующими стихами определил значение песни в жизни казахов.

Двери мира тебе открывает – песня.
Двери смерти тебе открывает – песня.
Внимай ей, казах, постигай ее мудрость.
Всей жизни твоей сопутствует песня.

Особо разработанными в народном казахском творчестве являются свадебные, похоронные и поминальные песни. Свадебные песни – “жар-жар” (друг-супруг, диалог девушки с джигитом), “сынсу” или “кыз танысу” (прощание невесты с родными) и “бет ашар” (наставительная песня, обращенная к молодой при ее приезде в дом мужа). Кроме темы брака, песни разрабатывают тему положения женщины в патриархальной семье. Обычай калыма, многоженства, неравные браки, сватовство против воли вступающих в брак, аменгерство – все это превращало брак в трагедию казахской женщины, жизнь которой в замужестве была тягостна и горестна.

В песне “жар-жар” невесте внушалось, что отныне супруг ей заменит и родные места, и подруг, и семью, что всем своим существом, мыслями, чувствами она принадлежит супругу.

Веселой и бодрой песне джигитов отвечал грустный хор девушек, оплакивавших утрату вольной юности, разлуку с родным домом, а самое главное – печальную участь в замужестве против воли.

В ту пору у казахов допускался брак только между людьми, не имевшими кровного родства до седьмого колена. Поэтому редко случалось, чтобы девушка выходила замуж за

известного ей человека из близких аулов. Напротив, всегда предпочитались браки с представителями дальних родов. Выезд девушки из родного дома в семью жениха означал для нее выезд на чужбину, к совершенно чужим людям. Эти переживания невесты, часто отягощенные сознанием, что она выходит замуж против воли, давали повод к возникновению самых искренних и волнующих плачей невесты “сынсу”, “кыз танысу”, в которых она прощается с родными и родным аулом.

Будто в грудь ты мне выстрелил, милый отец!
За табун меня продал ты, милый отец!
В юрте стало просторнее, милый отец!
В ней местечка мне нет уже, милый отец!

Традиция исполнения “сынсу” требовала, чтобы девушка в сопровождении всех подруг посещала с прощальной песней каждую родную юрту своего и ближних аулов. Это последнее посещение родственников превращалось в шествие всех женщин соседних аулов.

Когда молодая приезжала в аул своего мужа, ее встречали песней “бет ашар” (раскрытие лица). “Беташар” пел кто-нибудь из родственников мужа, молодая женщина должна была слушать и запоминать наставления. В песне содержался неписанный устав феодально-патриархальной семьи. Особенно подробно перечислялись обязанности молодой женщины по отношению к родителям мужа. Песня также поучала ее, как вести себя со старшими и младшими сородичами мужа и с гостями.

Ты при ранних, невестушка, вставай лучах,
Не торчи, невестушка, у всех на глазах,
Коль к кибитке скот подойдет впотьмах,
Палки не ломай на его боках.
Языком, невестушка, не болтай.
Даром сплетен, невестушка, не пускай.
Стариков, невестушка, уважай
И дорогу, невестушка, им давай.

Обычно длинная наставительная песня эта требовала от женщины молчаливой покорности во всем. Она

ярко выражала бесправие, обусловленное обычным патриархально-феодальным укладом.

С обрядами, сопровождавшими смерть и погребение, связывались песни “естирту” (известие о смерти), “коштасу” (песня прощания), “жоктау” (плач по умершему).

Основная тема “естирту” – тема смерти, утрата члена рода, в тех условиях естественно принимавшая общественный характер. Родичи песней сообщали близким о безвременной смерти или павшего в бою, или погибшего на охоте, или умершего при перекочевках вдали от них сородича.

Песня осторожно подходила к трагическому известию рядом параллельных примеров, где говорилось о скоротечности всякого земного существования. Материалом для поэтических образов служили явления природы, животного мира, исторические события, затем следовало само печальное известие, а последняя, заключительная часть песни переходила в “конил айту” – в песню утешения.

Умирая, отец или мать складывали “коштасу” – трогательную песню прощания с детьми, поэтическое завещание. Часто в этих же песнях умирающие прощались с друзьями, любимым конем, охотничьей птицей.

Другая распространенная тема “коштасу” – это тема прощания с родными землями. Эти песни слагались людьми из беднейших и малочисленных родов, выселяемых из родных земель насилем крупных феодалов, родовых старейшин, а позднее – в связи с колонизационной политикой царских властей. Песни прощания слагались также гонимыми одиночками-протестантами, отважными и одаренными народными борцами против властей и баев. В дни насильственного выселения целого аула с насиженных мест песня возникала в устах акына или порой складывалась джигитами и девушками пострадавшего рода или племени.

В “жоктау” оплакивали покойников. С глубокой древности у казахов сохранился обычай оплакивать покойника в течение целого года, вплоть до годового “аса”. Жена, сестра или мать умершего должны были дважды в день, при восходе и заходе солнца, вспоминать умершего песней-плачем. Содержание этой песни состояло в воспевании достоинства умершего, в излиянии семейного горя и тяжести утраты. И в этой бытовой песне обычное право обязывало женщину

соблюдать тягостный траур, приучало ее к мысли о неизбежности стать второй или третьей женой наследующего ее вместе со всем имуществом умершего родственника.

Во время асов (поминок), совершавшихся в годовщину смерти, собирались все родичи и люди соседних родов, а иногда и отдаленных жузов. Тогда общественная значимость плача возрастала и потому он исполнялся родовым акыном.

Сказки.

Сказочный репертуар казахов богато и разнообразно отражает самые различные стороны жизни казахского народа, преобразованные народной фантазией в ту идеальную жизнь, о которой мечтали феодально зависимые слои населения.

Разнообразие показываемой в сказках жизни обусловило и различие сказочных жанров — сказки о животных, фантастические, бытовые, сатирические сказки.

Решающее в быту казахов значение прирученных животных определило обилие и разнообразие содержания сказок о животных. Герои этих сказок: верблюд, осел и другие домашние животные — помощники человека, его друзья; лиса, волк, тигр — враги человека. Как в сказках многих других народов, в том числе и русских, лиса неизменно выводится лукавой, медведь — увальнем, волк — хищником. В сказке “Лиса, медведь и пастух” лиса, убегая от медведя, прячется в норе. Когда медведь, попытавшись проникнуть в нору, застревает в ней, лисица выбегает и глумится над медведем. Только пастуха не смогла лиса перехитрить. В сказке “Храбрый осел” осел сумел напугать тигра: “Поднял хвост, взмахнул ушами, раскрыл пошире рот да как затрубит во все ослиное горло”.

Однако не всегда в сказке успех выпадал на долю домашних животных. И они, и их хозяева — люди много страдают от хищных зверей. Сказка создала их отталкивающие образы. Волк в ней — пожиратель трупов, могучий и страшный враг стад и человечества. Волк уничтожает новорожденных детей, подстерегает человека даже после его смерти. Волк-оборотень похищает дочерей и жен. Образ этот имеет своим прототипом насильников и угнетателей народных масс.

Фантастические сказки казахов представляют сочетание шаманистских и мусульманских верований и представ-

лений. Тематика этих сказок: стремление разгадать тайны природы (“Ер Төстік”), проникнуть за пределы видимого и достигаемого (“Алтын сақа”), стремление найти счастливую землю (“Асанқайғы”).

В этом стремлении человек, вступая в борьбу с противодействующими ему силами, встречает чудесных помощников. Таковы Тулпар, Дуль-дуль – быстроногий конь, “шестимесячный путь шестью шагами переходящий”. Он воплощает мечту обитателя степей и безлюдных просторов о преодолении этих пространств подобно тому, как в русских или арабских сказках эта же мечта воплощена, например, в ковре-самолете.

Верный помощник человека – волшебный конь – встречается с владельцем необъятных просторов и несметных стад – чудовищем Жалмауз, борется с ним и побеждает.

Герои казахских фантастических сказок обладают умом и высокими моральными качествами; иногда они наделены необычайной силой, необыкновенным слухом и зрением, помогающими им преодолевать препятствия.

В бытовых сказках казахский народ воплотил свои мечты о богатых пастбищах, о горах, покрытых сочной травой. Так, например, в сказке “Жупар корыгы” рассказывается, как мать большого семейства уводит своих детей от рода, обнищавшего вследствие джута и мора скота. Жупар удаётся заселить своими детьми благодатную долину и переселить сюда впоследствии всех оставшихся на старом месте сородичей.

Поиски счастливой земли – “Жидели байсын”, как воплощение народных чаяний, характерны и для сказок-преданий об Асане Кайгы, Асане-печальнике, жизнь которого приурочивается ко времени хана Джанибека, к XVI веку.

Опечаленный судьбой своего народа, его нищим и жалким существованием, Асан решил отыскать обетованную землю, где дни беспечальны, где земли тучны, где нет ненависти и вражды, где “жаворонки мирно вьют гнезда на спине овец”. Он объездил на быстроногой верблюдице все казахские степи, горы и долины. По одним версиям, он не находит такой счастливой страны и гибнет, не осуществив своей мечты.

Имя Асана было очень популярно в казахском народе. Его именем акыны начинали свои песни.

Но образ Асана был использован и акынами, тяготевшими к феодально-родовой знати. Они создали свои, иные версии об Асане, где герой представляется ханским наставником, который печется об упрочении ханской власти.

Эти версии преданий об Асане, явно искажавшие его образ, созданный в народе, — пример вмешательства в устное народное творчество акынов феодально-родовой знати.

В бытовых сказках отражается также горькая доля женщины-казашки, обреченной жить с немилым; козни мачехи, второй или третьей жены.

Примером казахских сатирических сказок являются сказки об Алдаре Косе и Жиренше-шешене. Обычно сатирические сказки казахов жестоко высмеивают жадного бая, алчного купца, хана-самодура и т.п. Алдар Косе, безбородый насмешник, остроумный и находчивый, выступает в сказке как носитель народного юмора, направленного против эксплуататоров,

Жиренше-шешен, или Жиренше-острослов, дал обет жениться только на девушке, которая превзойдет его в красноречии и остроумии. Такой оказалась красавица Карашаш, и они поженились. Злой хан пожелал отнять Карашаш у Жиренше. Он дает Жиренше труднейшие поручения, грозящие смертью. Благодаря своему уму и находчивости, а также помощи Карашаш Жиренше побеждает.

Ханский двор в сказках о Жиренше представлен коварным и враждебным по отношению к одаренным людям из народа.

Образ Жиренше настолько популярен в народе, что само имя Жиренше стало нарицательным обозначением людей, владеющих даром красноречия и остроумия.

Героический эпос.

До XVI века казахский эпос не был однородным. Возникновение различных циклов казахского эпоса относится к разным историческим периодам, но циклы, существовавшие до XVI века, были переработаны под влиянием войн казахов с калмыками в XVI—XVII веках. Ряд эпических сказаний и песен того времени восходит к ногайлинскому эпосу XV—XVI веков.

Характерной особенностью казахских былин является отражение в них жизненно правдивых фактов и явлений наряду с обычными для эпоса элементами фантастики и героизации. Иногда в составе былин лежат подлинные исторические события. Имена былинных героев-богатырей — Кобланды, Таргына, Камбара и Саина первоначально были связаны с такими историческими эпохами и событиями, как длительные войны между кыпчаками и иранцами (былина о Кобланды), как распад Казанского ханства и усобицы в Крымском ханстве (былина о Таргыне), как совместные выступления и набеги смежных родов — кыпчаков и ногайцев (былина о Саине), казахов и узбеков (былина о Камбаре) и т.д. Герои этих былин не именовались “казахами”, былины называют их выходцами из Ногайлы.

В былинах о батырах (богатырях) общественные мотивы и поступки преобладают над личными. В образе батыра певец воплощал мощь родового коллектива. Батыры казахского народа в эпических песнях чаще отражали нападения завоевателей, реже сами шли войной на враждебные племена (в позднейших вариантах — почти всегда на калмыков). Такovy Кобланды, Ер-Таргын и другие.

Одной из самых крупных былин казахского героического эпоса является былина о Кобланды батыре, достигающая в некоторых вариантах десяти тысяч строк.

В былине рассказывается о походе Кобланды против хана Казана. Большое значение былина придает личному окружению и обстановке жизни батыра: родне, друзьям, вооружению его. В полных вариантах былины “Кобланды”, как и вообще в казахских былинах, вступительные главы посвящены многострадальной участи престарелых родителей героя. Сын их появляется на свет при сказочных обстоятельствах. Следующим за рождением героя обязательным этапом жизни его является женитьба — как бы последняя ступень к его физической зрелости и одновременно первое серьезное испытание богатырских качеств будущего героя через героическое сватовство. Любимая девушка достается будущему батыру нелегко, ценой тяжелой, длительной борьбы. Завоеванная батыром жена как бы дополняет личный образ героя: если у батыра, по молодости лет, мало ума, то жена его является воплощением разума; если у баты-

ра недостаточно развито чувство чести и достоинства, жена входит в поэму как воплощение чести.

Такую же огромную роль в судьбе героя играют его друзья, в особенности конь – ближайший друг и помощник батыра. Клички богатырских коней столь же широко известны в народе, как имена самих героев: Тайбурыл (чальный жеребенок) – у Кобланды, Тарлан (Сивка) – у Таргына (Тарлан-ат). Конь Кобланды – спутник его походов, вещей его помощник, с помощью которого Кобланды бежит из плена, одерживает победу над ханом Кобикты и калмыками и освобождает томящихся в калмыцком рабстве родителей и жену Куртку. Когда Кобланды взял город калмыцкого хана Алчагира, его сородичи, пленные кыпчаки, “не веря свободе, от восторга ревя, как скот, из открытых настезь ворот повалили”; захватив добычу, “из калмыцкой чужой земли во свояки с честью ушли... Кобланды же следил за тем, чтобы вдоволь досталось всем до последнего бедняка”. Таким образом, основной темой былины о Кобланды является борьба с калмыками.

Часто к этой теме присоединяется тема социального антагонизма между героем, воплощающим народ, и ханами с их окружением. Былина Ер-Таргын, например, всем своим содержанием направлена на изобличение вероломства ханского двора по отношению к батыру, который своими подвигами спас страну от калмыцких набегов.

Наряду с переработкой старого эпического наследия под влиянием войн с калмыками создаются новые эпические произведения, из них наиболее распространена былина “Енсегей бойлы Ер-Есим”. Герой ее, Ер-Есим, отражает нападения ташкентского хана Катагана, отбивает плененную ханом свою семью, но главное: во главе многочисленного казахского войска идет походом на Алтай, против калмыков, и неоднократно разбивает их.

Лирические поэмы.

В лирических поэмах основной темой является тема любви, страданий и борьбы за свое счастье двух молодых людей, встречающих препятствия, создаваемые патриархальным укладом.

Самая популярная лирическая бытовая поэма “Козы Корпеш и Баян Слу” воспекает необыкновенную любовь

Козы Корпеш и его невесты — Баян Слу. Еще до появления на свет любимой пары их, по обычаю, соединила воля родителей. Как всякая лирическая поэма, в основе своей романтическая и психологическая, данная поэма черпает романтику и мотивировку психологии и поступков героев из быта и обычного права феодально-родового общества. Отец Баян — Карабай и отец Корпеша — Сарыбай подружились на охоте и поклялись сочетать ожидаемых детей браком. Сарыбай внезапно умирает, и отец Баян, видя в смерти Сарыбая плохое предзнаменование и не желая отдавать дочь сироте, откочевывает в далекие края. Его приемные дочери, прощаясь в своей “коштасу” с родными местами и с новорожденным Козы Корпешем, клянутся вырастить Баян в любви к суженому. Проходят годы. Красавица Баян не забывает своего жениха и ждет его приезда. Но воля жадного, безмерно скупого отца уже определила судьбу Баян. Карабай обещал ее в жены силачу Кодару, спасшему в пустыне его громадные табуны от падежа.

Баян, ни разу не видевшая Козы Корпеша, но заочно полюбившая его, живет в непрерывном ожидании встречи с женихом. Любви Баян, страданиям и приключениям Козы Корпеша, ищущего свою невесту, посвящены лучшие строфы поэмы.

Когда влюбленные, наконец, нашли друг друга, Карабай и Кодар вероломно убивают Козы Корпеша. Баян не выносит этого, убивает Кодара и на могиле Козы Корпеша закалывает себя кинжалом.

Злоба людей по сюжету поэмы преследует влюбленных и за гробом: сторонники Кодара разделили их могилы могилой Кодара, и между цветами на могилах Козы Корпеш и Баян появился терновник, выросший на могиле Кодара.

Поэма воспеваает трагическую участь молодежи при господстве патриархальных обычаев и непререкаемой власти родителей; поэма утверждает любовь как независимое, свободное чувство, как право человека на борьбу за личное счастье.

Широко популярной лирической народной поэмой является и “Кыз Жибек” (“Шелковая девушка”). Это — поэма об идеальной девушке-невесте. Поэма начинается рассказом о длительных поисках джигитом Толегеном достой-

ной себе невесты. Он находит ее в лице необыкновенной красавицы Кыз Жибек, отвергшей до него множество женихов. Для приготовлений к свадьбе Толеген возвращается на родину. Здесь в течение года его удерживает отец, не соглашающийся на этот брак. Все это время джигит Бекежан преследует Жибек своей любовью. Отвергнутый ею, он предательски убивает в безлюдной степи спешащего к невесте Толегена. Гуси, свидетели убийства, извещают об этом Жибек, и братья Жибек, по ее требованию, убивают Бекежана.

Жибек, потеряв любимого жениха, сохраняет верность его памяти и переносит всю силу своей любви к Толегену на младшего брата его Сансызбая, который, по обычаю, должен унаследовать ее. Теперь ее любовь подвергается еще большим испытаниям. Калмыкский хан осаждает аул Жибек и вынуждает ее родителей отдать красавицу ему. Жибек всеми способами оттягивает срок свадьбы, поджидая приезда Сансызбая. Наконец, Сансызбай с ее помощью убивает хана, и Жибек соединяется с Сансызбаем, победив все препятствия своей идеальной верностью.

В поэме в романтических тонах оправдывается древний обычай левирата, по которому жена или невеста умершего переходила по наследству к его ближайшему родственнику. Идеализируя этот обычай, унижавший человеческое достоинство женщины, поэма замалчивает такие его стороны, как насилие над волей вдовы, лишение ее свободы выбора мужа.

В этой идеализации тягостного для казахской женщины обычая сказалась классово-ограниченная идеология авторов поэмы, акынов, сторонников феодально-родовых, косных устоев древнего быта. Узаконенные родовыми старейшинами законы внедрялись в сознание молодых людей — героев поэмы, как их непреложная судьба, требующая беспрекословной покорности.

§ 18. МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХОВ

Музыка и ее роль у казахов.

Казахское устное народное творчество тесно связано с музыкой. Музыкальное искусство с древних времен было

весьма развито среди казахов. Не только обрядовые и бытовые песни, но и большие эпические поэмы исполнялись в сопровождении домбры. Роль музыки в казахском фольклоре особо подчеркивается так называемыми “кюями” – музыкальными легендами.

Обычно, перед исполнением кюя на домбре, сыбызге или кобызе, кюйши (композитор и домбрист-исполнитель) передавал в краткой новелле содержание данного кюя, заканчивая ее традиционной фразой: “А теперь слушайте, как расскажет об этом домбра”. В древнем кюе-легенде о жаворонке, защищающем своих птенцов от нападения змеи, музыкальная пьеса в звуках домбры передает страх и отчаяние жаворонка, писк птенцов, шипение змеи, трепет крыльев птицы-матери и ее предсмертный крик, когда она самоотверженно бросается в пасть змеи, чтобы спасти детей.

В кюях сочетаются все характерные формы казахского фольклора. Особое значение этой формы заключается в том, что благодаря запоминающейся музыке до нас дошли связанные с ней поэтические сказания. Кюи сохранили до наших дней замечательные образы древности и имена создавших их авторов.

Счастливое сочетание в одном лице качеств мастера музыки и мастера слова наблюдается на всем историческом пути казахского искусства.

Прикладное искусство.

Прикладное искусство казахов связано больше всего со скотоводческим бытом. Основным материалом, который подвергался художественной обработке, являлась шерсть. Из шерсти делали художественные орнаментированные кошмы, ковры, бау, т.е. длинные узкие полосы, которыми стягивался деревянный остов юрты, занавески, которыми закрывали вход в юрту, и т.п.

Наиболее простой способ изготовления художественной кошмы заключался в следующем. По сырой полуготовой кошме выкладывали из окрашенной шерсти нужный орнамент и затем заканчивали валяние. При этом рисунок получался грубым, с неровными контурами. Такие кошмы назывались “текемет”. Другой способ – аппликация. Из разноцветных материй вырезали рисунок и затем нашивали его на кошму. Такие изделия назывались “тускийз”. Нако-

нец, художественно орнаментированная кошма получалась путем инкрустации. В этом случае кусочки кошмы, окрашенные в различные цвета, сшивались вместе. Полученный орнамент обычно нашивался на тонкую одноцветную кошму. Такие инкрустации назывались “сырмак”. Иногда контуры рисунка прошивались тонкой тесьмой.

Помимо кошменных изделий, казахи производили тканые ковры. Нити употреблялись большей частью шерстяные. Только в восточных районах Казахстана, под влиянием Китая и Средней Азии, применяли шелковую и хлопчатобумажную пряжу. Широко была распространена вышивка. Вышивались не только материи, но и кошмы, и кожи.

Казахский орнамент уходит своим происхождением в глубокую древность. Многие мотивы орнамента имели магический характер: орнаментированные изделия служили талисманом. К таким орнаментам относятся восьмигранные розетки, разделенные пересекающимися линиями на четыре сектора. В каждом секторе помещалось изображение (в контурах) какого-либо животного. Человек верил, что обладание таким изображением дает ему власть над изображаемым живым существом. Иногда рисунок воспроизводил парные рога, лапу беркута и т.д.

Мотивы казахского орнамента весьма разнообразны. Геометрический орнамент выполнялся в виде треугольника или четырехугольника, в трех, четырех и больше цветах. Широко был распространен орнамент в форме растений или их плодов, например, “жапрак гуль” (в форме листьев), “бюльдирген” (в форме ягод земляники) и т. д. Иногда орнамент отражал космогонические представления человека. К этой категории относились орнаменты “жұлдыз гуль” (в форме звезды), “ай мұйыз” (лунообразный рог) и другие. Наиболее распространенным являлся орнамент, отражавший скотоводческий характер хозяйства казахов. Такими орнаментами были “бори кулак” (уши волка), “кус тумсык” (клюв птицы) и “кошкар мұйыз” (бараний рог).

По своему содержанию казахский орнамент глубоко самобытен. Он порожден хозяйственным бытом кочевых племен, их верованиями (рисунки-талисманы). Самобытность же не исключала и культурных заимствований. На-

пример, в растительном орнаменте сказывалось влияние иранского искусства.

Производство кошменных и вообще шерстяных изделий находилось в руках женщин. Но орнамент применялся и в мужских профессиях — при обработке металла, резьбе по дереву и камню, в ювелирном производстве. Художественная работа по камню применялась на могильных памятниках. Памятники делались из белого известняка в виде высокого, до двух метров, каменного столба. Стороны столба покрывались резьбой. Рисунок был плоским и имел многообразное содержание. Резьба по камню обычно раскрашивалась. Резьба по дереву широко применялась при изготовлении предметов домашнего обихода. Резными делались спинки кроватей, сундуки, подставки для кумыса. Нередко резьбой покрывались деревянные музыкальные инструменты, луки седел; рисунок, как правило, раскрашивался.

Для всех видов изделий применялись розовые, кирпично-красные, серовато-синие, серо-зеленые, оранжевые и желтые расцветки. Сочетание этих цветов давало исключительно яркий рисунок.

Резные изделия из кости обычно делались ажурными. Рисунок здесь был более простой, чем при резьбе по дереву (сказывалось сопротивление материала резцу). Обычно орнамент составлялся из простейших геометрических фигур: треугольников, кружков, спиралей и т.п. Такие ажурные пластинки набивались на деревянные изделия и придавали им нарядный и красочный вид.

Из металла делались разнообразные предметы: женские украшения — серьги, кольца, браслеты, застежки, нагрудники, а также украшения для сбруи верховой лошади, мужские пояса, наконечники ремней. Орнамент женских украшений обычно носил геометрический характер: составлялся из прямых линий, кружков и т.п. Такие фигуры вырезались из металла и накладывались на поверхность украшаемого предмета. При изготовлении сбруи и различных предметов мужского обихода широко применялась резьба по металлу.

Глава XVII

КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА В XIX ВЕКЕ

§ 42. ПЕСНИ НАЦИОНАЛЬНО- ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Национально-освободительная и антифеодалная борьба казахского народа в XIX веке отобразилась в устном народном творчестве и в индивидуальной письменной литературе. Подлинные факты и исторически правдоподобные характеристики свидетельствуют о том, что творцами этих песен и поэм были зачастую непосредственные участники восстаний, как, например, Махамбет Утемисов – певец Исатая Тайманова и его сподвижник.

В устном народном творчестве широко известны поэмы, былины, песни “Бекет-батыр”, “Жанхожа”, “Досан-батыр”, созданные неизвестными акынами и посвященные восстанию 1869 года.

Из акынов, откликнувшихся на восстания XIX столетия, кроме наиболее популярного Махамбета Утемисова, связанного с Младшим жузом, широко известны акыны Среднего жуза Кудери, Нысанбай, Досхожа.

Творчество акынов Нысанбая и Досхожи посвящено национально-освободительному движению казахов 1837–1846 годов, руководимому Кенесары Касымовым.

Характерная и широко известная песня Досхожи содержит прощание с кокчетавскими степями, которые Кенесары вынужден был оставить, когда царские войска стали углубляться в степи. Поэт с грустью упоминает “вершины

хладных гор”, “зеленый ковер травы”, “пеструю листву”. Грустный характер песни усугублен осознанием трагического положения восставших.

Такие же мотивы характерны и для творчества акына Кудери.

В песне Нысанбая (1812–1871) о Кенесары и Наурызбае показаны различные этапы борьбы повстанцев и поражение Кенесары при столкновении с киргизами в 1847 году. Заканчивается эта песня плачем на смерть Кенесары.

И Досхожа, и Кудери, и Нысанбай были певцами антиколониальной борьбы казахов Среднего жуза, возглавлявшейся ханами и султанами. Понятно, что их творчество характерно противоречиями, присущими этой борьбе. Воспевая страдания народных масс, Кудери и Нысанбай видели освободителей от колониального гнета лишь в лице представителей феодальных верхов. Отсюда в творчестве названных акынов романтизация кочевого быта, религиозно-мистические мотивы, венчающий все чаяния образ “хозяина-хана” – объединителя казахского народа и руководителя его феодально-патриархальной жизни. Мотивы классовой борьбы были им чужды.

Иное содержание имеет творчество Махамбета Утемисова – певца восстания Исатая Тайманова. Восстание Исатая было направлено и против российского царизма, и против казахской феодальной верхушки, эксплуатировавшей трудящиеся массы. Отсюда в песнях Махамбета, полных и героических мотивов борьбы, и сатирического изображения феодалов, сильны мотивы классовой борьбы и осязательно выявляются демократические позиции Махамбета-певца.

Махамбет Утемисов и его песни об Исатее Тайманове.

Махамбет Утемисов (1804–1846) – выдающийся народный поэт XIX века. Особенно полно, ярко и правдиво отражено в его песнях развитие, ход и поражение крестьянского восстания казахов Букеевской Орды под руководством Исатая Тайманова. Махамбет сам был душой восстания.

Когда вспыхнуло восстание Исатая Тайманова, Махамбет стал боевым соратником, другом Исатая и пламенным агитатором. Он разоблачал насилия хана и султанов, воспевал мужество борцов против гнета эксплуататоров.

До нас дошли художественные, политически заострен-

ные повстанческие песни Махамбета. В них Махамбет славил знамя борьбы против биев и султанов. Поэт понимал, что борьба требует жертв и самоотверженности, что она несет лишения и трудности:

Не изведав голод, жажду и зной,
Не сдружившись в пути с ненастьем, нуждой,
Когда редок и мяса кусок простой;
Не покинув ложа супруги своей,
Не познав долготы бессонных ночей,
А к утру не став бледней мертвеца;
Не кладя тебеньки другой стороной,
Кол железный подушкой не подложив,
Словно череп, голову не иссушив, —
Не достигнет успеха в деле герой!

Махамбет своими песнями воодушевлял народ, призывал его к бесстрашию:

Доблестный сын батыра-отца
Будет в борьбе упорен и рьян,
Все перетерпит он до конца, —
Пусть даже будет у храбреца
Пыткой расверлена вся спина:
Милость врага ему не нужна!

Махамбет всегда подчеркивал свою связь с народом, непреклонную решимость бороться до конца с ханами и биями.

Знает всю мою жизнь народ.
Не добычу шел я искать
Вдалеке от страны родной:
Не по воле скитальцем стал.
Хан Джангир! Будь проклят твой род!

Поэт вдохновлял народные массы на беспощадную борьбу с его злейшими врагами — ханами, султанами и биями. Жгучей ненавистью пропитана его песня — “Обращение к султану Баймагамбету Айчувакову”, где находим следующие слова, полные презрения и гнева:

Ты — коварный волк, а не хан!
Пусть задушит тебя шайтан,
Пусть тебя осмеют друзья
И враги по черепу бьют!
Ядовитая ты змея,
Ты заразой черной рожден!
Ты на троне жесток и лют,
Вилохвостый ты скорпион!

Песни и поэмы Махамбета имели большое влияние не только на творчество его современников, но и на творчество позднейших акынов. Смелый и страстный поэт весь свой темперамент и дарование направлял против угнетателей народа. Правдивыми стихами он бичевал вековых врагов народа, разоблачал лицемерие и произвол ханского строя.

Замечательны по своей поэтической силе и глубине чувства песни Махамбета, дающие героический образ Исатая:

Орел мой, летящий над цепью гор!
Дотянутся ль руки к тебе мои?
Домчится ли жалоб моих призыв?
С тех пор, о мой лев, как угас твой взор,
Желаний моих беспощаден порыв.
Мой сокол крылатый, как ты был тверд,
В борьбе беспощадной — бесстрашен, горд!
Кулан мой, твой голос вольный гремел.
Бесстрашен ты был, упорен и смел.
Как красный китайский шелк ты сверкал,
Толпу, как в Хиве базар, привлекал!
Глубок, словно море, ты был умом,
Спокоен и тверд на пути своем.

Махамбет горячо любил и ценил Исатая, считая его вождем восставшего народа, а себя — лишь его скромным помощником:

Исатай был нашим вождем,
Я ж подручным лишь был при нем...

Поэт не мог примириться с гибелью народного героя и считал, что без Исатай казахский народ не в состоянии будет вновь подняться на борьбу со своими угнетателями:

С тех пор, как погиб Исатай, народ,
Запутанный в сети врага, живет.

Царские власти и хан Джангир жестоко преследовали пламенного борца против феодального гнета. В 1846 году поэт предательски был убит по приказу султана-правителя Баймагамбета Айчувакова.

Горячо любивший родину и свой народ, жизнь свою отдавший за дело народа, Махамбет вошел в историю казахской литературы, как один из ее самых талантливых поэтов.

“Бекет-батыр”.

Национально-освободительная борьба казахского народа 50-х годов XIX века нашла яркое отражение в поэме неизвестного акына под названием “Бекет-батыр”. Поэма рассказывает о том, как батыр Бекет собрал отряд повстанцев, напал на ставку султана-правителя и убил его. Царские власти заманили батыра в ловушку и арестовали его. Закованный в кандалы Бекет, вместе с верным другом Ерназаром, просидел в оренбургской тюрьме 12 месяцев и был выслан в Сибирь на каторгу. По дороге на каторгу Бекета догнала его престарелая мать, выехавшая для прощания с сыном. Бекет не жалуется на тяжелую участь. С гордостью он рассказывает матери о своей борьбе за народ:

Ненавидел я ханский род.
Я водил за собой народ,
И повсюду и стар, и мал
Стяг вождя мне смело вверял.
То, что хан не хотел отдать,
Мог я силой у хана взять.
Мое имя у всех на устах
Было там в широких степях.

§ 43. ОТНОШЕНИЕ К КАЗАХСКОМУ НАРОДУ ПЕРЕДОВЫХ РУССКИХ ЛЮДЕЙ

Колониальный гнет царизма в Казахстане, как и в других царских колониях, вызывал протест и борьбу не только со стороны самих угнетенных народов этих колоний, но и со стороны русского народа, также тяжело страдавшего от феодально-крепостнической эксплуатации и притеснений царской власти. Лучшие представители русского народа выражали братскую солидарность с угнетенным казахским народом. Русские и казахские трудящиеся массы выступали под общим знаменем борьбы против самодержавно-крепостнического строя еще во времена Пугачева. Отдельные русские люди, бежавшие в степь от преследований царизма, участвовали и в других восстаниях против царизма.

Царское правительство ссылало в казахскую степь многих русских революционеров. В Казахстан и в соседние с ним районы Сибири были высланы некоторые декабристы, петрашевцы, революционные демократы — последователи Чернышевского. На каторге, в ссылке, в царской солдатчине эти люди хранили в своих сердцах пламенную ненависть к царизму и крепостничеству, сочувствие и любовь к окружавшему их угнетенному народу. Под влиянием таких людей формировались и лучшие представители казахского народа, боровшиеся за его свободу и независимость. Крупнейшие писатели и просветители казахского народа Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин идейно сложились и выросли под влиянием русской передовой культуры. Плодотворное влияние на развитие казахской культуры, на создание в ней демократических традиций, на развитие ее глубоких связей с народом и его освободительной борьбой оказали также Пушкин, Лермонтов, Шевченко и другие.

Великий русский поэт Пушкин был горячим поклонником народного творчества не только русского, но и других народов России. Его привлекало и творчество казахского народа. Осенью 1833 года, собирая материалы для “Истории Пугачевского бунта”, он совершил поездку в Оренбург и Уральск, посетил станицу Берды и ряд казахских аулов.

Во время поездки по оренбургским и тургайским степям Пушкин непосредственно познакомился с жизнью казахских трудящихся, с преданиями, песнями и легендами казахского народа. Он расспрашивал В.И. Даля о быте кочевников, о налогах, которые с них собирают, и т.п. Известный создатель толкового словаря русского языка В.И. Даль работал в те годы в Оренбурге и изучал этот край. Собранные Далем в 30-х годах экспонаты для созданного им Оренбургского музея хранятся по сию пору в Центральном историко-краеведческом музее Казахской ССР.

В одном из аулов, по поручению Пушкина, была записана народная поэма “Козы Корпеш и Баян Слу”. Эта запись несколько лет тому назад была обнаружена в бумагах поэта. Пушкин черпал образы для чудесных поэм и стихов из сокровищницы творений всех народов. К этой сокровищнице принадлежит и замечательная казахская народная поэма о Козы Корпеш и его возлюбленной Баян Слу.

Близкие и дружественные связи установил с казахским народом и великий украинский поэт Тарас Шевченко. Он был выслан в Казахстан в 1847 году и пробыл здесь десять лет. Революционный поэт-демократ, боровшийся за свободу и независимость украинского народа, глубоко понимал угнетенное положение казахского народа и сочувствовал его освободительной борьбе.

В оренбургской ссылке Шевченко сблизился с польским революционером Сераковским, ставшим в 1863 году одним из вождей восстания польского народа, с поэтом Плещеевым, писателем Писемским, ученым Бэром и другими. Поэт познакомился в Оренбурге с украинцем Лазаревским, который был “попечителем прилинейных киргизов” и хорошо знал быт кочевников. Эти люди знакомили Шевченко с Казахстаном и его населением. Многие узнал Шевченко о положении и быте казахского народа от поручика Герна, который в 1845 году ездил в аул Кенесары.

Слушая рассказы о жизни казахов и сталкиваясь с нею непосредственно, Шевченко проникался еще большей ненавистью к царю и его сатрапам. Одного из них — генерала Перовского — Шевченко хотел изобразить в задуманной им поэме: “Сатрап и дервиш”. В лице дервиша он хотел показать народного казахского поэта-певца.

Отзвуки недавнего восстания казахского народа чувствовались и в мотивах шевченковского стихотворения: “Валялся топор за дверями у бога”. Топор – символ восстания – не случайно показан в местах между Уральской и Сибирской линиями, где действовал Кенесары:

И стала тьма, и от Урала
До Тенгиза, до Арала
Кипела в берегах вода...

Стихотворение кончается строфами, полными грусти и сожаления по поводу подавления восстания:

Верблюды заплачет, а кайсак
Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-булак.
Сингич-агач кайсак помянет,
Тихонько спустится с горы
И сгинет в глиняной пустыне..

В другом стихотворении “Ой вы, думы мои, думы”, написанном в 1848 году в Орской крепости, поэт-узник призывает “думы” стайей сизокрылых голубей полетать над вольными степями:

Погуляйте у киргизов
На степном раздолье,
Хоть они бедуют лихо,
Да зато на воле.

Заброшенный в Ново-Петровское укрепление на Мангышлаке, Шевченко написал повести, в которых также упоминал о Казахстане, описывая быт и обряды казахского народа, мечтая о том, чтобы в глухой степи возникли культурные города. Поэт и одновременно художник, Шевченко создавал картины, тепло рисующие образы и быт казахов-кочевников. В таких картинах, как “Казахская семья”, “Казах на лошади”, “Баксы”, “Байгуши”, “Мальчик топтит печь” и других, Шевченко реалистически, с большим сочувствием к угнетенному народу изобразил колониальный Казахстан.

К середине XIX века в Казахстане сильнее начало сказываться культурное влияние русского народа. С ростом революционного движения в России увеличивалось количество ссыльнопоселенцев в Сибири и Казахстане. В западной части казахстанской степи культурным центром стал Оренбург, где большим влиянием пользовались Шевченко и его единомышленники. Для севера Казахстана таким центром стал Омск. Немало русских ссыльных было и в Семипалатинске. Большое идейное влияние оказывали на передовых людей Казахстана ссыльные петрашевцы, среди них сам М.В. Буташевич-Петрашевский и С.Ф. Дуров. В Омске и Семипалатинске отбывал наказание Ф.М. Достоевский.

С.Ф. Дуров, один из активных петрашевцев, организатор кружка, отбывал ссылку в Омске. С ним встречались Чокан Валиханов и Г.Н. Потанин. Находясь в самых тяжелых условиях каторжной жизни сибирского острога в Омске, С.Ф. Дуров потерял здоровье, но окреп духом, значительно вырос идейно в сравнении с теми годами, когда он, молодой петрашевец, был заброшен царскими правителями на каторгу.

Об идейном воздействии С.Ф. Дурова на Ч.Ч. Валиханова Г.Н. Потанин говорил: “Политические убеждения Валиханова сложились под влиянием петрашевца Дурова”.

С.Ф. Дуров, в отличие от Ф.М. Достоевского, в результате знакомства с жизнью острога Сибири, с деятельностью колониальной администрации вынес решительные убеждения в необходимости упорной, революционной борьбы, не ограничивающейся одной критикой или пропагандой новых идей. Он радовался появлению “жаждущих знаний в такой среде, таких захолустьях, откуда прежде этого нельзя было бы и ожидать”.

Исторические обстоятельства, в которых во второй половине XIX века протекала колонизация казахских степей, вызывали в казахской литературе острую и напряженную борьбу. Борьба нового и старого расслаивала и среду создателей литературных произведений, и тех, для кого литература предназначалась. Передовые представители казахской литературы и просвещения Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин видели исторический про-

цесс, движение вперед казахского народа в общении с русской культурой, в проникновении в жизнь казахов капиталистических элементов. Они умели различать то, что нес казахскому народу русский народ, от того, с чем появлялись в степи колонизаторы, царские чиновники, объединившиеся с казахскими феодалами. Наряду с этим, консервативные поэты Шортамбай Канаев (1808–1871) и Мурат-акын (1841–1906) в своих поэмах и стихах воспевали патриархально-феодальный строй и мусульманскую религию.

Даже в тех случаях, когда Шортамбай говорит об обогащении жестоких бессердечных баев на фоне разорения и обнищания казахских масс, в его стихах звучит скорбь о падении нравственности и неуважении к религии. В его стихах звучат и мистические нотки.

В стихах Мурата, современника Абая, особенно подчеркнута звучат призывы против сближения с русскими. В эпических тонах он рисует господство Золотой Орды, изображая его как “счастливые времена”, и призывает откочевать в пределы юго-восточных мусульманских стран. Естественно, что позднее творчество Мурата сближается с идеями пантюркистов и панисламистов – с идеями реакционного мракобесия на Востоке, выражающими идеологию лишь эксплуататорских классов.

Таковы две линии, которые сосуществуют и борются в казахской литературе XIX века, отражая социальные противоречия этого периода.

§ 44. ПЕРВЫЙ КАЗАХСКИЙ УЧЕНЫЙ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

Идейное развитие Валиханова.

Ученый, исследователь и путешественник Чокан Валиханов может по праву считаться просветителем казахского народа.

Чокан Валиханов был сыном султана Чингиза Валиева, правнуком хана Аблая. Родился он в 1835 году* в мест-

* По другим данным – в 1834 году (П.П. Семенов) или, наоборот, позже – в 1837 году (Г.Н. Потанин)

ности Сырымбет Кокчетавского округа, у подножья высокой горы, снизу доверху заросшей густым непроходимым сосновым бором. Отец и знатные родичи Чокана получили русское воспитание, имели офицерские чины и пользовались доверием и уважением со стороны царской администрации. Они захотели поэтому и сыну дать военное образование и подготовить его к карьере русского офицера. Когда мальчика привезли в Омск (1847 г.), чтобы определить его в кадетский корпус, он не знал еще ни одного слова по-русски. Однако даровитый, любознательный и энергичный Чокан скоро преодолел трудности учебы и выдвинулся в первые ряды учеников. Он много читал, серьезно учился. Большое влияние на Чокана в корпусе оказали его учителя – энциклопедист-естественник Гутковский, историк Гонсевский, который пытался объяснить учащимся социальные причины исторических событий и сочувственно отзывался о деятелях французской буржуазной революции, и поклонник В.Г. Белинского – учитель словесности Н.Ф. Костылецкий.

В Омске, в доме Капустиных, Чокан познакомился с ссыльным петрашевцем С.Ф. Дуровым.

На каникулы Чокан обычно уезжал к родным в степь – в Сырымбет или Кушмурун. Там он с увлечением слушал акынов-импровизаторов, записывал народные песни, пословицы. Его живо интересовали сложные проблемы происхождения народов Азии, особенно казахского и киргизского. Чокан рано заинтересовался восточной филологией и изучал арабский язык, а из европейских – английский. В юности он мечтал стать ученым, чтобы отдать свои знания и силы родному казахскому народу. Знакомясь с деятельностью известных путешественников, юный Чокан стал мечтать об опасных и трудных экспедициях. Его манил “загадочный Китай, который начинался где-то за снежными хребтами Ала-Тау”. Еще до окончания корпуса Чокан, по сравнению со сверстниками, выделялся острым критическим умом, способным к смелым, широким обобщениям.

В 1853 году Валиханов окончил корпус. Произведенный в корнеты, он поступил на службу в Сибирское линейное казачье войско. На его исключительные способности обратил внимание генерал-губернатор Западной Сибири

Гасфорд, который уже в следующем году сделал его своим адъютантом. Он ценил в Чокане отличное знание им Востока и неоднократно посылал его в пограничные с Китаем места (Южный Алтай, Заилийский край, район озера Иссык-Куль).

Эти поездки (по-видимому, имевшие политические цели) Валиханов широко использовал для удовлетворения своей исключительной научной любознательности.

Весной 1856 года Чокан Валиханов принял участие в Иссык-Кульской экспедиции полковника Хоментовского в районе, обитаемом киргизским племенем богу, которое приняло русское подданство. Здесь он изучал нравы, обычаи и песенное творчество этого родственного казахам народа, собрал богатую коллекцию предметов домашнего обихода и записал отрывки героической поэмы “Манас” со слов народного певца. Большой интерес представляет его “Записка о дико-каменных киргизах”. В том же году осенью Валиханов провел три месяца в китайском городе Кульдже. Впечатления от этой поездки отражены в его неопубликованном “Дневнике” — ярком, насыщенном красками и образами, художественном очерке. В нем вполне отразились демократические симпатии Валиханова, который возмущался “поборами и злоупотреблениями, превосходящими границы”.

Многое дало Чокану Валиханову его знакомство с П.П. Семеновым-Тян-Шанским.

Известный географ академик П.П. Семенов-Тян-Шанский очень заинтересовался даровитым Валихановым и горячо убеждал его ехать в Петербург учиться. Воодушевленный советами Семенова, Валиханов начал уже собираться к переезду в столицу, но вдруг получил приказание высшего военного начальства готовиться к продолжительному и опасному путешествию в Восточный Туркестан.

Он провел в Кашгаре и других местах “Края шести городов” более пяти месяцев, в течение которых основательно изучил быт и нравы кашгарцев, социально-экономическое положение и настроения населения, историю, географию и этнографию края. Свои сведения Валиханов собирал у сведущих людей и старожилов, у ученых-ахунов и непосредственных участников национально-освободительной борь-

бы кашгарцев против Китая. С огромным трудом он приобрел интересовавшие его документы и книги. “Он дорогой ценой скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, — рассказывает П.П. Семенов-Тянь-Шанский, — с опасностью для жизни проникал в буддистские монастыри и доставал там редкие рукописи”.

Кашгарская экспедиция создала Валиханову научное имя. Его “Отчет о состоянии Алтышара, или шести восточных городов (китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858—59 гг.” и “Очерки Джунгарии” давали ясное и полное представление о прошлой и современной жизни этого края, о котором ни один европеец не писал со времени Марко Поло.

Чокан Валиханов показал себя талантливым исследователем. Его работы по истории Восточного Туркестана являются классическими исследованиями этого края и до сих пор не потеряли своей научной ценности.

С горячим сочувствием Валиханов рассказывал о поработанном народе, который “ненавидит бесконечно” и китайских правителей, и собственную знать — беков. Резкая характеристика положения трудящихся в Алтышаре звучала чрезвычайно смело, — царское правительство могло бы увидеть в ней опасный намек на собственную политику, но предпочитало пока закрыть глаза на возможные аналогии. “Податной класс народа, — писал Валиханов, — находится в Восточном Туркестане в самом жалком состоянии. Народ трудится, чтобы насытить корыстолюбие китайцев и беков, терпит нужду и трудится вечно”.

Вскоре после окончания экспедиции Валиханов был вызван в Петербург.

Два года жизни в Петербурге (1859—1860) были самыми счастливыми годами в его жизни. Он жадно впитывал в себя знания; участвовал в работах Географического Общества; вращался в кругу представителей русской интеллигенции; посещал редакцию демократического журнала “Современник”, которым руководили Некрасов и Чернышевский, увлекался лекциями Костомарова. Все это — в канун реформы 1861 года — развивало в молодом казахском ученом его демократические настроения и взгляды.

Однако климат и условия жизни в северной русской сто-

лице пагубно отразились на здоровье Валиханова. Туберкулез подтачивал его слабый организм, и Валиханов весной 1861 года вынужден был вернуться на родину, в отцовский аул Сырымбет.

Противоречивость положения Валиханова и его гибель.

На родине, в степи, Чокан Валиханов особенно остро ощутил двойственность своего положения.

К великому негодованию его родных — казахских аристократов — Чокан требовал, чтобы они по-человечески общались с тюленгутами — своими бывшими крепостными. Он даже грозил своим родственникам судом за их жестокое обращение с тюленгутами.

Переехав в степь на постоянное жительство, Валиханов мечтал о том, чтобы принести родному народу пользу своими знаниями. С этой целью он выставил свою кандидатуру на административный пост старшего султана Атбасарского округа, мечтая “сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз”. Он хотел “примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель”. Демократизм Валиханова вызвал враждебность и недоверие к нему среди фанатичных и отсталых слоев казахского общества. Его обвиняли в безбожии, в свободомыслии, в том, что он “держится понятия о равенстве”. Радикальная программа “султана-демократа” вызвала сильнейшее недовольство и у царских чиновников. Все же Валиханов был избран султаном, но, испугавшись последствий, генерал-губернатор отказался его утвердить. Валиханов пытался еще бороться, писал обличительные письма в центральные газеты, обращался к влиятельным друзьям, но безуспешно. Неудача привела его в полное уныние. “Я хотя много писал обличительных статей, но на этот раз думал — постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-нибудь... Оно и правда, законы у нас на Руси еще пишутся не для генералов; известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргиз, потому что в них, знаете, больше этой восточной подобиострастности”, — писал Валиханов.

В последующих письмах к близким Валиханов все резче и резче осуждает царский режим, при котором все продаж-

но, до самых высших чинов — все и повсюду “берут страшно и явно”.

Ч. Валиханов отлично разбирался в том, что чиновники царизма вовсе не отражали интересов русского народа и осуществляли политику эксплуататорских классов, он высоко ценил великий русский народ, мечтая приобщить свой родной казахский народ к русской цивилизации. “Это был новый Коран его жизни”, — отметил друг Валиханова, сибирский писатель Ядринцев.

В 1864 году Валиханов, по приглашению генерала Черняева, участвовал в его экспедиции против кокандцев. При завоевании важных центров степи — Аулие-Ата и других — Валиханов наблюдал жестокие расправы победителей над местным населением. “Зверства русских войск над единоверцами Чокана, — писал Потанин, — и над его соплеменниками-киргизами огорчили его”. Валиханов не мог оставаться в среде царских колонизаторов. Он покинул штаб Черняева и уехал сначала в Верный, а затем в аул султана Тезека (Алтын-Эмель). Поселившись в ауле, он в 1865 году умер от туберкулеза 30 лет от роду.

Историческое значение деятельности Ч. Валиханова.

В истории развития казахской общественной мысли Валиханов является выдающейся личностью. Первый казахский просветитель, ориенталист, талантливый ученый-исследователь, бесстрашный путешественник, он за время своей короткой жизни поднялся на уровень передовых ученых своего времени и занял достойное место среди представителей русской науки.

Высокая оценка дана Валиханову в отчете Русского Географического Общества за 1865 год: “Валиханов должен по справедливости быть назван весьма замечательной личностью... Валиханов сохранил глубокую преданность своей стране, он любил киргизскую жизнь, но вместе с тем умел высоко ценить западную цивилизацию и предвидел для своего народа отрадную будущность только под покровительством России”.

Значительное место в работе Ч. Валиханова занимают очерки по истории, этнографии и фольклору казахов.

Валиханов прокладывал пути просвещения казахского народа на основе передовых демократических идей русской науки и просвещения.

На важнейший исторический вопрос: куда идти казахскому народу, назад – к сохранению “азиатчины”, социально-политической и культурной отсталости, к ханской власти, господству феодалов или вперед – к сближению с Россией, преодолению отсталости и мусульманской религии, – Валиханов дал решительный и твердый ответ: вперед, в тесном единении с Россией, во имя сохранения и развития жизненных сил и духовных богатств казахского народа.

Чокан Валиханов, борясь с произволом местных колониальных чиновников, требовал создания условий, обеспечивающих “саморазвитие, самозащитное, самоуправление”. Тем самым он выступил выразителем национального самосознания казахского народа.

Валиханов был материалистом. Он избличал ислам с позиций материализма, признавая первичность материи и познаваемость мира.

В социальных взглядах Валиханов был демократом и стоял на стороне эксплуатируемого большинства, выступая против произвола эксплуататоров народа.

Чокан Валиханов стоял за прогрессивное развитие казахского народа, призывая во что бы то ни стало обойти “татарский период” просвещения, понимая под этим систему религиозно-мусульманского татарского просвещения.

В то же время Валиханов не был последовательным материалистом. Подобно многим современникам-просветителям, он был уверен, что просвещение и реформы вполне достаточны для коренных изменений социальных основ жизни казахского народа. Он доказывал, что путем внедрения разумных начал справедливости, возможно, побороть предрассудки, сложившиеся и упрочившиеся в условиях патриархально-феодалного строя.

Эта позиция Валиханова была результатом отсталости Казахстана, результатом реакции, наступившей после крестьянской реформы в России. И все же Чокан впервые в истории казахской общественной мысли выступил материалистом, стоя на уровне русского материализма 60-х годов. В общественной и культурной жизни казахского народа он положил начало идеям прогрессивного развития и европейской культуры, являясь первым казахским просветителем.

Своими дарованиями, талантом, научной и обще-

ственной деятельностью Чокан Валиханов являлся живым доказательством несостоятельности существовавшей тогда теории “диких рас”.

Чокан Валиханов, как представитель казахского народа, положил начало традиции дружбы с русским народом в лице его лучших представителей и трудящихся масс.

Духовное наследство Чокана Валиханова нашло свое развитие в деятельности казахских просветителей Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина и других. Это наследие обогащает социалистическую культуру казахского народа.

§ 45. ВЕЛИКИЙ ПОЭТ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ АБАЙ КУНАНБАЕВ

Жизнь и среда Абая.

Во второй половине XIX века, наряду с устным творчеством, происходило развитие и письменной казахской литературы нового типа. Самым значительным явлением этой новой литературы было творчество великого казахского поэта-классика Абая. Он был выдающимся поэтом, отразившим подлинные общественные интересы своего народа и сыгравшим огромную роль в просвещении казахского народа и его приобщении к наследию русской классической литературы. В истории казахской литературы он по справедливости считается основоположником реализма с критическим направлением.

Абай Кунанбаев родился в 1845 году в Чингизских горах Семипалатинской области, в кочевьях племени Тобыкты. Отец Абая, самовластный степной правитель Кунанбай, был старшиной Тобыктинского рода.

Ранние детские годы Абая прошли в тяжелой обстановке семейного разлада внутри полигамной семьи. Но, по счастью для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечательных качеств. Ее природная гуманность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из остальных своих детей, и имя его Ибрагим заменила ласкательным “Абай”.

Дав мальчику начальное домашнее образование в ауле у наемного муллы, Кунанбай послал восьмилетнего сына

в Семипалатинск в мусульманскую духовную школу — медресе.

Преодолевая премудрости арабского богословско-схоластического учения о догмах ислама, Абай вместе с тем стремился расширить круг своих интересов. Уже к этому времени им овладела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Она зародилась в нем еще тогда, когда он слушал в родном ауле многочисленные рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни — все многообразное богатство творений акынов. В годы учебы в медресе Абай увлекался также чтением арабских, иранских и тюркских поэтов. Из удушливой атмосферы богомольных буквоедов и темных фанатиков он чутким, пытливым умом рвался к произведениям знаменитых классиков Востока, к народной и классической литературе. Вместе с тягой к изучению восточных языков, в нем пробуждается интерес к русскому языку и русской культуре. Нарушая суровый устав медресе, Абай самовольно поступил в русскую школу, одновременно продолжая обучение и в медресе.

За эти школьные годы Абай не только изучал доступные ему произведения поэтов, но и сам начал писать стихи. Ранние стихи Абая — лирические отрывки, послания и любовные стихи — написаны чаще всего под влиянием восточной классической поэзии. Но одновременно это были и стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии, в духе творчества акынов, импровизаторов того времени.

Вдумчивый юноша, способный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы извлечь много важного и полезного для своего будущего даже в условиях скудной “науки” медресе. Но воля отца определила дальнейшую участь сына в ином направлении. Кунанбай в непрерывной борьбе степной знати за родовую гегемонию нажил себе много врагов среди дальних и близких соперников. Кунанбай стал готовить к этой борьбе также своих детей и близких родственников. Он заставил Абая бросить школу и вернуться в аул, постепенно приучая сына к разбирательству тяжёлых дел, готовя его к роли главы рода.

Наделенный недюжинными способностями, юноша попал в гушу сложных интриг. Вращаясь в кругу изощренных воротил и вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай стал постигать все тонкие приемы словесных состязаний.

Однако Абай общался не только с людьми из круга своего отца. Он гораздо больше тяготел к талантливым выходцам из народа. В памяти его откладывались обильные запасы народных песен, эпоса, сказаний и преданий минувших веков, передававшихся изустно. Если Кунанбай и его родня хранили в памяти лишь деяния предков — родовых старейшин, то Абай знал почти всех своих предшественников — поэтов, акынов, участников айтыса, выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

Рано пробудившийся интерес к книжной восточной поэзии (арабской, иранской, чагатайской) рождал первые подражательные стихи Абая. Но обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. Уже в ранних стихах Абая намечился будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого глубоко уходило своими корнями в народную почву.

Насильно втянутый волей отца в тягостные дела родовых распрей, Абай долгое время жил в разладе с Кунанбаем. Он не мог мириться с несправедливостью и жестокостью отца и часто шел вразрез с его интересами, вынося беспристрастные решения. Кунанбаю были ненавистны стремления и вкусы сына: и то, что друзей и советников он искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. Между властным отцом и правдивым, непокорным сыном происходили серьезные стычки, которые вели к разрыву.

Поэтическое творчество Абая.

Этот разрыв и совершился, когда Абаю было двадцать восемь лет. Теперь Абай мог устроить свою жизнь по велениям собственного разума и своей личной воли.

Прежде всего, он вернулся к прерванному в детстве изучению русского языка. Близкими друзьями Абая стали акыны, певцы-импровизаторы, талантливая степная молодежь, по преимуществу незнатного происхождения, а также луч-

шие представители русской интеллигенции того времени, встреченные им в Семипалатинске. Только на тридцать пятом году своей жизни Абай вернулся вновь к поэзии.

Теперь основным содержанием поэзии Абая становится жизнь казахского народа, характерная началом кризиса патриархально-феодального строя, кризиса, возникшего под влиянием развивавшихся в казахской степи капиталистических, отношений. Родовая вражда, раздоры между крупными феодалами, поддерживаемые биями и аткаминерами, борьба за должность волостного управителя или бия, темнота и забитость, невежество и бескультурие — все эти явления находят в стихах Абая справедливое осуждение. Абай понимал и то, что эти раздоры искусно разжигались и поддерживались царизмом, действовавшим по принципу “разделяй и властвуй”. Поэт видел, что управители, бии и старшины превратились в ставленников колониальной власти. Задумывался он и над тяжелой судьбой своего народа. В стихах Абая звучала глубокая скорбь о злосчастной доле угнетенного, бесправного и отсталого казахского народа. С особой силой скорбь поэта отразилась в стихотворении “О, бедная моя страна”.

В нем поэт рисовал яркий и печальный облик казахского народа, обнищавшего и униженного:

О, бедная моя страна,
Народ казахский мой,
Обвисли жесткие усы
Нечесаной каймой.
Пути добра не отличал
Ты от стези дурной.
Одна щека твоя в крови,
Румянец — на другой...

Как бы отвечая поэтам-предшественникам, которые оплакивали бедствия народа, но, впадая в безысходный пессимизм, уныние и мистику, уходя в реакционную идеализацию прошлого, не видели для него выхода, Абай призывал народ к борьбе за будущее:

Народ мой, если ты, борясь,
Не смоешь эту грязь,

Любой унизит честь твою,
И оскорбит любой...

Абай пытался открыть народу глаза, громогласно осуждая и беспощадно бичуя в правдивых, желчных, обличительных стихах пороки феодально-родовой и чиновничьей знати и призывая народные массы к просвещению, которое, по мнению поэта, одно может указать им путь к новой жизни.

Всю силу ненависти и страстного негодования поэт вкладывает в свои стихи, рисуя образы баев, мулл, управителей, царских чиновников, всех тех степных хищников, которые обманом и силой эксплуатировали и угнетали казахский народ. Таков, например, яркий образ паразита-бая и его сына:

Но бай балованным сынком доволен без конца,
На радость баю он растет собакой весь в отца:
Голодных сверстников своих стыдится байский сын,
В нем жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.
Бай не поможет бедняку, зачем его жалеть!
А если даст кусок, — гляди, длинна у бая плеть.
Трудись бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю — жить и богатеть, тебе — в могиле тлеть.

Поэт-просветитель призывает преодолеть нищету, невежество, рабскую покорность, межродовую вражду и разобщенность при помощи свободного труда и просвещения.

На свою роль поэта-просветителя Абай смотрит как на общественный подвиг:

Истины сеять зерно я хочу и крылить языком,
Чтоб не только в глаза, но и в души свет проник.
Пусть же берет молодежь достойный пример с того,
Кто не унизит стиха, кто в нем высокую мудрость постиг.

Глашатай просвещения народа, Абай сам усиленно занимался самообразованием.

Идейная связь Абая с русской культурой.

В восьмидесятые годы Абай встретился с ссыльными русскими революционерами, лучшими представителями русской революционной интеллигенции, воспитанными на

учении Чернышевского и Добролюбова. Один из близких друзей Абая — Е.П. Михаэлис являлся активным сотрудником известного русского публициста-шестидесятника Шелгунова, которому он приходился родственником. Как Михаэлис, так и позднее сосланные в Семипалатинск Нифонт Долгополов и Северин Гросс были высланы в Сибирь сравнительно молодыми людьми. До ссылки они были студентами Петербургского и Харьковского университетов. Тесная связь Абая с этими передовыми русскими людьми перешла в большую дружбу. На лето они приезжали в гости в аул Абая, зимой постоянно переписывались. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогали самообразованию Абая, подбирая для него книги, отвечая на его вопросы. Хотя друзья Абая принадлежали каждый в отдельности к различным политическим группам и течениям 70-80-х годов, но здесь, в ссылке, они одинаково “высоко” оценивали роль и необходимость просветительной деятельности.

Проводя долгие годы в отсталой российской окраине — в Сибири и Казахстане, они нередко отодвигали свои тактические и программные разногласия, сходясь на одном — на необходимости борьбы против хищнической эксплуатации народных масс, против насилий, произвола и мракобесия царских чиновников и местной байско-феодальной верхушки. В революционно-просветительской деятельности находили здесь общую цель и ученик Чернышевского Михаэлис, и революционный народник Нифонт Долгополов, и польский революционер Северин Гросс.

В условиях глухой царской ссылки они продолжали свое личное развитие, и в своей общественно-публицистической и научно-исследовательской деятельности непрерывно росли, изучая историю, быт, естественно-географические условия Казахстана и Сибири. Постепенно русские ссылки становились здесь первыми борцами за просвещение, энергичными пропагандистами борьбы с отсталостью. В различных трудах, написанных Михаэлисом, в исследовании “Обычное право у киргиз” Северина Гросса, в изучении этнического типа казахов, которым занимался антрополог Нифонт Долгополов, пытливым ум Абая находил для своего развития обильную пищу.

Давая многое Абаю в его поисках знания, русские ссыльные и сами много черпали у Абая, видя в нем широко и глубоко знающего историка, обычного права, поэзии и искусства, экономики и социального быта казахского народа и других родственных казахам народов.

Естественно, что русские друзья Абая стремились донести до широких народных масс Сибири и Казахстана правду о русском народе, познакомить лучших людей Казахстана с трудами и думами великих русских классиков и крупнейших общественно-политических деятелей тогдашней России. Высокий гуманизм, освободительные идеи, упорная оппозиционность царизму русской классической литературы XIX века, неумолкающий голос возмущения, протеста и заступничества за угнетенные трудовые массы русского и других народов России – все это не могло не оказать самого благотворного влияния на только еще пробуждающуюся общественную мысль в Сибири и в Казахстане. Не будучи сами значительными фигурами в масштабе всего российского революционно-демократического движения, друзья Абая выполняли в отношении казахского народа великую историческую миссию вестников передовой русской культуры. Они несли в казахское общество имена и творения Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Чернышевского, Добролюбова и других великих русских писателей-мыслителей, помогли Абаю познакомиться со всем богатством истории и культуры русского народа. Благодаря этой помощи Абай успешно и быстро расширил круг своих знаний и интересов. Необыкновенно широко раздвинулся его горизонт, когда он обнаружил и познал подлинные ценности духовной культуры русского народа. Абай стал ревностным почитателем наследия Пушкина, Лермонтова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого. С 1886 года Абай начал переводить на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, впервые сделал их доступными и понятными для своего народа.

В сближении с русской культурой Абай видел для казахского народа единственно верный путь выхода из вековой темноты. Великого поэта-просветителя волновала идея братства и дружбы народов. В своих стихах он стремился

внушить казахскому народу, что нужно уметь отделять русский народ от царских колонизаторов:

Прямодушному злобно кричим: “урус!”
Знать, милее нам лицемерный трус.
Заглушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз!
Настоящая дружба стирает межи,
Плещут волны любви через все рубежи.

Абай был не только поэтом, но и композитором, глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки. Абай создал ряд собственных мелодий, главным образом, для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, неизвестные ей до этого формы (шестистишия, восьмистишия и т. д.). Новые мелодии создал Абай и к своим переводам отрывков из “Евгения Онегина”.

В 1889 году имя Пушкина и имена его героев Онегина и Татьяны благодаря переводам Абая стали известны сначала в пределах аулов Абая, в кочевьях Тобыкты, а отсюда проникли и далее, в ближайшие и более отдаленные кочевья, входили в репертуар акынов наряду с собственными казахскими эпическими и лирическими произведениями.

К этим же годам имя самого Абая — поэта, мыслителя и композитора — становится одним из самых популярных и чтимых народом имен. К нему едут акыны, композиторы, певцы из дальних районов его родины. Знаменитый Биржан, акын Байкокше, слепая женщина-акын Ажар, певцы Муха, Альмагамбет заучивают и поют его песни. Ученики Абая акыны Кокпай, Арип, Акылбай, Магавья, Машхур Жусуп Копеев, женщины-поэтессы Куандык, Сара, Зейнеб и другие разносят по широким степям его стихи.

Гибель Абая.

Длительная и прочная дружба Абая с русскими ссыльными революционерами, их общение с поэтом, растущее влияние Абая на казахскую молодежь — все это в сильной степени тревожило царские власти. Сведения об Абаяе, как об опасном для царизма человеке, доходят до семипалатинского военного губернатора и до генерал-губернатора Степного края. За аулом Абая и за всем, что там происходило,

был установлен негласный надзор. Смелый провозвестник правды, изобличитель пороков колониального режима, Абай становился опасным для царизма. За всеми его действиями теперь постоянно и бдительно следили приставы, урядники, волостные управители.

Абай и его ученики выступали против отсталых феодальных устоев, против родовых невежественных интриганов и угнетателей народа, против всей системы царизма.

Естественно, что Абай заслужил лютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они вели против него непрерывную, грязную и коварную борьбу. Не решаясь действовать против Абая открыто, они применяли коварные и вероломные методы борьбы. Непримиимый и злобный враг Абая, родовой старшина Оразбай сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать учеников Абая, клеветать на учителя. Они слали в канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов всевозможные доносы на Абая, называя его “врагом белого царя”, “смутьяном среди народа”, “неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов”. По этим доносам в аул Абая наезжали с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды с отрядом жандармов приехал даже сам полицеймейстер города Семипалатинска и учинил обыск во всем ауле Абая. Наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей, было совершено покушение на жизнь Абая.

Поэт жил в мрачной атмосфере злобы и ненависти. Страшным ударом для Абая явилась в это время смерть его сына Абдрахмана, наследника его дел, образованного и даровитого человека. Вскоре умер от чахотки его любимый сын и талантливый ученик Магавья. В 1904 году, надломленный тягостной борьбой и горестной, трудной жизнью, преследуемый тупой, злобной средой феодалов и чиновников, Абай тяжело занемог. Отвергнув всякое лечение, он умер на шестидесятом году своей жизни, только на сорок дней пережив любимого сына.

Он был похоронен в родных степях, около своей зимовки — в долине Жидебай, вблизи Чингизских гор.

Историческая роль Абая.

Три великих источника национальной и общечеловече-

ской культуры питали своими соками корни творчества великого казахского поэта.

Один из них – казахская устная речевая культура, запечатленная в фольклорных памятниках прошлого, созданных гением самого народа. Творчество Абая питалось богатствами этого бесценногоклада. В глубоком и тесном общении с поэтическим наследством родного народа Абай умел оглядеть этот клад новым творческим взглядом и обогатить им свою поэзию.

Другой источник – это лучшие образцы классической поэзии Алишера Навои, Низами и Фирдоуси.

Третий источник – это русская культура. Для эпохи Абая самый факт обращения к этому источнику, главным образом, к наследию русских великих гуманистов и классиков, до него совершенно неизвестных казахскому народу, был фактом огромного значения. Это было залогом будущего расцвета казахской культуры, смелой и верной ориентации казахского народа в историческую перспективу будущего.

Своим обращением к этим источникам Абай обогатил свой духовный мир новыми идеями. Просвещенный и пламенный борец за культуру казахского народа, в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных старшин–феодалов, Абай был выдающимся человеком своей эпохи не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока.

Великий классик казахской литературы, Абай взял все от многовековой духовной культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием русской культуры.

Являя своим творчеством небывалое в прошлом казахского народа прогрессивное начало, Абай имел и свои недостатки.

Осуждая и бичуя пороки фанатичных мулл, как ханжей и стяжателей, поэт, однако, в ряде своих поэтических и прозаических высказываний оставался приверженцем религии.

Известную часть своих наставлений, в разделе моралистической, дидактической поэзии, Абай обосновывает догмами ислама. Он не мог подняться до философско-критического отрицания основ религии.

Изобличая бесчеловечную, феодально-родовую эксплуатацию народных масс родовитыми, власть имущими вер-

хами, Абай до конца раскрывает в своем творчестве классовую, непримиримо антагонистическую природу этой эксплуатации.

Будучи ограниченным историческими условиями многовековой отсталости своего народа и кочевым скотоводческим бытом небольшого степного района, Абай мало уделял внимания факторам культурно-экономического порядка, вроде перехода к оседлости или иным интенсивным формам хозяйственно-общественного устройства жизни трудового народа.

Исторических проблем подобного порядка Абай конкретно не затрагивает, но зато обобщенно возлагает все надежды на будущее, на скорейшее приобщение казахского народа к великой русской культуре. В этой своей позиции он оптимистичен, прогрессивен, а социальные устремления поэта целиком отвечали интересам казахского трудового народа.

§ 46. ПРОСВЕТИТЕЛЬ АЛТЫНСАРИН И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Состояние просвещения в Казахстане в конце XIX века.

В течение длительного времени образование в Казахстане находилось в руках реакционного мусульманского духовенства. Обучение во всех школах носило религиозный характер. Мектебы (начальные школы) и медресе (специально-богословские мусульманские школы) преследовали цель подготовить из среды казахов духовных лиц, способных распространять среди населения ислам, а также научить исповеданию ислама. Детей в мектебах обучали сначала арабской азбуке по учебнику “иман шарт” (“условия веры”). После этого ученики переходили к изучению “хафтияк” – седьмой части Корана. Одновременно с изучением Корана ученики проходили “ильм-хал” – катехизис.

В мектебах южных районов проводилось заучивание поэм религиозного содержания на арабском и персидском языках или диванов Навои, Хафиза, Ходжи Ахмеда и других. На прохождение всего этого курса требовалось не менее 4–5 лет.

По окончании мектеба ученик мог перейти в медресе. В этих школах он проходил более сложные предметы – мусульманское законоведение, арабскую грамматику, арабскую “философию” и т.п. Все эти предметы в медресе также изучались в течение 5–6 лет. Таким образом, в условиях Казахстана для того, чтобы пройти мектеб и медресе, требовалось 10–11 лет, а для учеников Бухары обучение растягивалось на 18–20 лет.

Большинство детей заучивали (часто не понимая смысла) отдельные страницы или главы книг. Механически заученное быстро забывалось, будучи оторванным от жизни. Обучались в школах мальчики, а девочки-казашки по обычаю не могли поехать учиться ни в другой аул, ни в город.

И по содержанию преподавания, и по методам обучение носило средневековый схоластический характер.

Но даже эти учебные заведения были малочисленны. Кочевой быт с его родовыми пережитками тормозил массовое открытие школ. Только с XX столетия положение стало несколько меняться. Усиление экономических связей с русским народом, рост торговли и промыслов на территории Казахстана вызвали потребность населения в знаниях. Открывались новометодные мектебы, но характер преподавания в них мало изменился. Преподавателями в школах были по-прежнему муллы, окончившие старометодные медресе в Бухаре, Самарканде, Казани, Уфе, Оренбурге. Преподаватели-муллы содержались за счет учащихся, которые вносили плату за учение.

Наибольшее влияние на развитие мусульманских школ в Казахстане оказали бухарские и самаркандские медресе. Сюда приезжало большое количество учащихся из Казахстана. Среди них было много поэтов и писателей. Творчество поэта Акмуллы (1839–1895), поэта-переводчика Оразмуллы, Майлыхожи, Маулыкея, Шады Жангирова и других развивалось именно под влиянием мусульманской книжной культуры, прививавшейся бухарскими школами. Во второй половине XIX века особенно усилилось влияние татарских мулл, мугаллимов, большинство которых, призывая народ к овладению светской наукой в сочетании с исламом, проповедовало реакционный панисламизм.

Более прогрессивными, как уже отмечалось выше, были создаваемые под влиянием России так называемые русско-киргизские школы.

Начало казахской печати.

В связи с ростом культурно-экономических влияний России, в Казахстане стали появляться и первые печатные книги. Точная дата появления первой напечатанной в типографии на казахском языке книги “Ертаргын” пока не установлена. Предполагается, что она появилась в 1857–1858 годах. До этого среди казахов распространялись рукописные книги, преимущественно на арабском, персидском и татарском языках. Содержание их было тесно связано с исламом, его морально-этическими назиданиями.

Искусство книгопечатания народов Средней Азии и Ближнего Востока вплоть до XIX века резко отличалось от обычного типографского способа. Книги сначала переписывались опытным каллиграфом, украшались орнаментами и заставками, а затем уже размножались литографским способом. Эта литература была понятна только узкому кругу казахов, знакомых с арабским и персидским языками. Такой же малодоступной для широких масс являлась литература и на чагатайском языке.

В XIX веке начали печататься лучшие произведения казахского народного творчества, собранные русскими учеными-востоковедами. Наиболее известные из них – “Кыз Жибек”, “Айман – Шолпан”, “Козы Корпеш и Баян Слук” и другие. Особо следует отметить публикации образцов устной и письменной казахской литературы, принадлежащие И.Е. Березину, Н.И. Ильминскому, В.В. Радлову, Г.Н. Потанину, А.Е. Алекторову и другим. К концу XIX века вышли в свет и произведения некоторых казахских поэтов и писателей.

Исключительную роль в развитии казахской письменной литературы сыграли крупнейшие казахские просветители, писатели и поэты – Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и другие.

Казахские писатели и публицисты часть своих произведений в конце XIX века печатали в газете “Дала уалаяты” – официозе акмолинского губернатора. Газета с 1888 года выходила как “Особое прибавление” к “Акмолин-

ским областным ведомостям”, а с 1894 по 1903 год – под названием “Киргизская степная газета”.

В газете печатались на казахском и русском языках официальные материалы – указы, постановления, распоряжения правительственных и административных органов, телеграфные известия и статьи. Следует отметить выступления на страницах “Киргизской степной газеты” И. Алтынсарина, Абая (под различными псевдонимами) и особенно частые – Машхур Жусупа Копеева. Выступали и другие казахские авторы со статьями, фельетонами и стихами, в которых доказывались выгоды оседлости, развития ремесла, устройства мелких предприятий, польза науки и просвещения.

Состав авторов-казахов не был однороден ни по их классовому составу, ни по их мировоззрению (наряду с Алтынсариним, печатались явные защитники исламизма). В связи с этим на страницах газеты нередко разворачивалась полемика, особенно по вопросам, касающимся знания и религии, отношения к патриархально-феодальным обычаям и традициям.

Редакция всемерно стремилась сглаживать критику ряда институтов, связанных с колониальной политикой царизма и “Положениями” 1868 года и 1891 года. Особенно искажались цензурой статьи Абая и его стихотворные фельетоны. В них устранялось или сглаживалось все, что прямо или косвенно было направлено против волостных правителей, мулл и колониальной администрации.

В “Киргизской степной газете” публиковались и некоторые произведения устного народного творчества казахов в оригинале и русских переводах, а также отдельные переводы на казахский язык русских авторов, как, например, алтынсаринский перевод басни Крылова “Ворона и лисица”. Публиковались также пословицы, поговорки и другие материалы казахского фольклора.

Выдающийся деятель просвещения и писатель Ибрай Алтынсарин.

Наряду с Чоканом Валихановым и Абаем Кунанбаевым, Ибрай Алтынсарин (1841–1889) был одним из горячих пропагандистов русской культуры и просвещения среди казахов. Родился И. Алтынсарин вблизи Оренбурга. Его дед

– бий Балгожа Жанбурчин – был войсковым старшиной. Ибрай окончил неплюевскую школу в Оренбурге и в 1859 году поступил на службу в качестве толмача (переводчика) в Оренбургское областное правление. Однако чиновничья карьера не могла удовлетворить Алтынсарина, его мечтой было отдать себя делу просвещения своего народа.

В 1860 году Алтынсарин добился разрешения Оренбургского областного управления на открытие в Тургае начальной школы для казахских детей и назначения себя учителем этой школы.

Отсутствие средств, учебных пособий и помещения для школы оказалось серьезным препятствием в самом начале пути, на который стал Алтынсарин. Он обратился к населению, сам выезжал в аулы и разъяснял значение русского образования. Наконец, 8 января 1864 года школа была открыта. Само открытие школы приняло характер народного праздника, сопровождаясь скачками, борьбой и другими видами народных развлечений.

Школа с интернатом вскоре показала свою жизнеспособность и приобрела авторитет у казахского населения.

Как учитель, а позднее, с 1879 года, как инспектор казахских школ Тургайской области и автор школьных книг, И. Алтынсарин положил в основу своей деятельности единственно верный принцип организации просвещения для своего народа на его родном казахском языке. Он повел решительную борьбу с татарскими муллами, которые, пользуясь покровительством чиновников колониального управленческого аппарата, кое-как учили казахских детей грамоте на татарском языке, воспитывали их в духе ислама и в духе покорности царизму. В лучшем случае получившие подобного рода образование казахские юноши смогли стать письмоводителями, толмачами при правителях или в канцеляриях колониальной администрации.

Используя педагогический опыт К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого, Алтынсарин заботился о просвещении своего народа на началах гуманизма, ознакомления с жизнью и ее явлениями.

В “Записке о киргизских волостных школах” И. Алтынсарин определил значение русского образования на родном казахском языке как “противовес” мусульман-

ству, как “рассадник практических взглядов на вещи”, убивающих “предрассудки, вредящие народному развитию”, как влияющее благотворно “на экономический и нравственный быт окружающего населения”. “Молодое поколение киргиз, – писал Алтынсарин в том же документе, – будет смотреть на язык и грамоту русскую, как на единственный язык культуры и знаний, пристрастится к ним и будет развиваться в русском более или менее духе”.

В интересах развития самой казахской народности, а также в целях развития казахского языка, Алтынсарин обращался к опыту русских педагогов, так как в 60-е годы русская педагогика сумела выработать свою систему просвещения, основанную на передовых идеях революционных демократов и на естественно-научной базе, что, конечно, в условиях казахской школы должно было нанести серьезный удар схоластике мусульманско-клерикального образования.

Алтынсарин составляет “Киргизскую хрестоматию”, первая часть которой содержит небольшие рассказы из жизни казахского народа и переводы известных рассказов из русских школьных книг: “Полкан”, “Золотой орешек”, “Пожар” и др. Алтынсарин переводит басню Крылова “Ворона и лисица” и, подражая великому русскому баснописцу, сочиняет басню “Добродетельная лисица”.

Содержание первой части хрестоматии Алтынсарина характерно своей тематикой. Это, по большей части, рассказы о культурности, опрятности, честности, сердечности, построенные на доступных детскому пониманию житейских случаях.

Во второй части хрестоматии И. Алтынсарин хотел дать исторические сведения из жизни казахов и материалы по географии, всеобщей истории, естествознанию, физике.

В 1887 году И. Алтынсарин добился разрешения открыть школу для казашек и в том же году такая школа была им открыта в городе Иргизе.

И. Алтынсарин пропагандировал русскую культуру и в своих стихах, и в прозе. Стихотворение “Давайте, дети, учиться!”, вошедшее в его учебник, говорит о значении науки и доказывает необходимость светского просвещения. Стихи Алтынсарина “Весна”, “Река” и др., наряду с аналогичными стихотворениями Абая, обогащали казах-

скую литературу достижениями и опытом русских классиков, были творческим воспроизведением новых для казахской литературы жанров русской литературы, при сохранении особенностей и самой казахской действительности, и казахского языка. Рассказы Алтынсарина “Сын бая и сын бедняка”, “Дом и юрта”, “Невежество” явились началом казахской прозы.

Алтынсарин-писатель решительно доказывал пользу знания и превосходство оседлости перед кочевым бытом, знакомил свой народ с такими достижениями человечества, как телеграф, железная дорога, пароходство.

Произведения Алтынсарина: “Коварному аристократу”, “Чистый родник”, “Если беден – то должен ненавидеть воровство” – разоблачают байство, групповую борьбу, эксплуатацию, невежество мулл и ходжей.

Алтынсарину принадлежит также ряд работ по этнографии и фольклору казахского народа, опубликованных в изданиях Русского Географического Общества и в периодической печати.

Алтынсарин известен и своей общественно-административной деятельностью, направленной на борьбу с родовыми распрями, раздорами при выборах, взяточничеством и другими отрицательными явлениями того времени, распространенными среди казахов и связанными с режимом колониального гнета. Своим личным трудом и убеждениями, дружбой и общением с деятелями просвещения и русскими учеными-ориенталистами В.В. Григорьевым, А.Е. Алекторовым Алтынсарин представляет образец исторически прогрессивного деятеля, пролагавшего пути для родного казахского народа в его движении к новым формам жизни, к новой культуре. Не случайно злейшими врагами И. Алтынсарина являлись невежественные баи и муллы, чувствовавшие, что их господству, их проповеди мракобесия и невежества, их натравливанию казахов на русский народ Алтынсарин нанес серьезный удар, способствуя дальнейшей совместной и дружественной жизни казахов и русских под эгидой передовых идей русского просвещения и науки, на основе развития лучших сторон и культурных богатств казахского народа.

Роль русской демократической интеллигенции в распространении передовой культуры в колониальном Казахстане.

В 70–80-х годах в Казахстан было сослано много участников революционного движения в России.

В числе этих политических ссыльных, как уже указывалось, был Михаэлис, Гросс, Долгополов и другие. Свою ссылку они использовали для просвещения масс и для пробуждения их политического самосознания.

Ссыльные пытались обучать казахских детей, оказывать медицинскую помощь населению, распространять знания, но их попытки пресекались царской администрацией.

Кроме народников и других русских демократов, большую просветительную работу проводили изучавшие Казахстан и соседние районы русские писатели, публицисты и ученые: В.В. Радлов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Г.Н. Потанин и др. Некоторые из них были уроженцами Казахстана, с детства любили его, как свою родину, тесно сблизившись с казахским населением.

Одним из таких людей был Григорий Николаевич Потанин (1835–1920). Еще на школьной скамье в Омске Потанин и Чокан Валиханов тесно сблизившись и поклялись в вечной дружбе и совместной работе на пользу казахскому и русскому народам. Потанин, происходивший из казачьей офицерской семьи, жил в станицах Семипалатинской области, хорошо знал казахский язык, кочевой быт казахов, их нужды и чаяния. Став офицером, Потанин не потерял интереса к жизни родного края. Он много занимался историей и этнографией казахов, участвовал в геологических, ботанических и других научных экспедициях. Он собирал и изучал песни, легенды, сказки и другие произведения казахского фольклора.

Плодотворная работа Г.Н. Потанина была прервана на долгое время: за требование автономии Сибири он был осужден царским правительством на 10 лет. После освобождения, продолжая свои научные экспедиции, Г.Н. Потанин посвятил много работ изучению этнографии Казахстана. В 1889 году была издана его работа “Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе”. В этой работе он отдал большое место казахскому фольклору.

Значительную роль в развитии культуры и науки в Казахстане сыграл ученый-востоковед Василий Васильевич Радлов.

Путешественник, археолог, лингвист и фольклорист В.В. Радлов посвятил много лет своей жизни изучению Казахстана. Чтобы лично изучить казахский язык и быт казахов, он поселился в Барнауле и стал работать народным учителем. Целые десятилетия посвятил В.В. Радлов поездкам по Средней Азии и Казахстану, изучая сказания, легенды, песни, пословицы казахов. В.В. Радлов много занимался также этнографией и археологией, руководя раскопками курганов-могил в Восточном и Центральном Казахстане. В.В. Радлову принадлежит 11-томный труд “Образцы народной литературы тюркских племен”, в третьем томе которого собран казахский фольклор. Другим важным трудом В.В. Радлова является “Опыт словаря тюркских наречий” (тт. I–IV).

Интересна также работа Радлова “Мифология и мирозерцание жителей Алтая”. Для науки о Казахстане важны его “Сибирские древности”, в которых дано тщательное исследование археологических памятников Восточного и Центрального Казахстана.

Наряду с Г.Н. Потаниным и В.В. Радловым, большой вклад в дело изучения Казахстана внесли путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, филологи-фольклористы и этнографы Е.Н. Березин, П.М. Мелиоранский, А.Н. Васильев, А.Н. Диваев.

В 1856 году П.П. Семенов предпринял путешествие в Центральный Тянь-Шань. Из Семипалатинска он сделал переход к озеру Иссык-Куль. Во время этого путешествия, продолжавшегося два года, он посетил окрестности Хан-Тенгри, Джунгарского Ала-Тау, Кульджу, Тарбагатай. П.П. Семенов принимал постоянное и длительное участие в изучении географии и геологии Казахстана. В эту работу П.П. Семенов вовлекал Чокана Валиханова и Г.Н. Потанина, ставших его ревностными учениками. В 1885 году им был составлен пятитомный “Географическо-статистический словарь Российской Империи”. В 1888 году П.П. Семенов совершил поездку по Закаспийской области и Туркестану. Во время этой поездки он собрал обширный материал по

географии Казахстана, опубликованный им в издании “Живописная Россия”. П.П. Семенова-Тян-Шанского называли духовным отцом большинства русских путешественников.

Изучению Казахстана, его природы и людей, быта и нравов казахского народа способствовали не только ученые, но и деятели искусства. Из них на первое место можно поставить художника Н.Г. Хлудова (1850–1936). В своих полотнах Н.Г. Хлудов мастерски показал колониальный Казахстан в конце XIX и в начале XX века.

Уроженец Орловской губернии, Н.Г. Хлудов в 1877 году приехал в Верный, где работал учителем рисования. Вместе с художником Глушковым Н.Г. Хлудов составил художественно-этнографический альбом народностей Казахстана, для чего побывал в ряде мест Семиреченской, а затем и Сыр-Дарьинской областей.

Он состоял членом Туркестанского кружка любителей археологии и являлся учредителем Семиреченского отдела Русского Географического Общества, был активным деятелем общества по изучению Казахстана, участвовал в экспедиции Игнатьева в 1886 году, зарисовал главный Тянь-Шаньский хребет Хан-Тенгри. После землетрясения в 1887 году Н.Г. Хлудов вместе с профессором Мушкетовым зарисовал следы разрушений в гор. Верном.

Всего Н. Г. Хлудов написал несколько сот картин, посвященных старому колониальному Казахстану. К ним относятся: “Барымта”, “Школа в степи”, “Застигнутые бурей”, “Стрижка баранов”, “Жатва” и ряд других. В ряде картин он отразил тяжелую долю казахской женщины (картины “За дровами”, “Похищение невесты”, “Состязание женщин”).

§ 47. КАЗАХСКАЯ МУЗЫКА В XIX ВЕКЕ

Роль музыки в жизни казахского народа.

Народная музыка с глубокой древности сопровождала все этапы жизни и борьбы казахского народа. Во все времена исторического существования казахского народа создавались устные музыкальные произведения, которые широко

распространялись в народе. Лучшие из них сохранились в народной памяти до наших дней.

Раннее музыкальное искусство казахов связано с именем легендарного Коркыта. Его называют отцом казахской музыки.

Некоторые ранние музыкальные произведения казахов посвящены отдельным историческим событиям. Среди них имеются общие для литературы и музыки произведения на темы “Хромой Тимур”, “Искандер”.

На тему о том, что в музыке можно передать непередаваемое словами, сложено произведение “Аксак кулан” (“Хромая зебра”). В “Аксак кулане” рассказывается, как домбра заменила человека, когда он не смог рассказать о гибели на охоте сына одного свирепого хана. Догадавшись о несчастье, хан объявляет, что зальет свинцом глотку тому, кто принесет весть о гибели сына. Эта угроза привела всех в трепет. Никто не решался сообщить грозному хану горестную весть. Но один певец, искусный домбрист, решил рассказать хану правду без слов. Мрачная мелодия домбры раскрыла хану картину гибели его сына. Хан велел залить свинцом корпус кобыза. В мелодии “Аксак кулан” образно передана картина степной охоты, страх народа и гнев грозного хана.

К музыкальным произведениям раннего периода относятся “Нар-иген”, “Боз-инген”, “Тепен-кок”, “Ак-ку”, “Кара-жорга”, “Алты-каз”, “Кер-толгау”, “Саймактын сары озены”. В этих произведениях нашли свое отображение древние казахские легенды и эпизоды из кочевой, охотничьей жизни. Песня “Тепен-кок” рассказывает, как усталый конь пастуха, услышав прекрасный напев, обретает силу и опережает остальных коней.

Часть ранних мелодий и напевов принадлежит шаманам. Шаманская музыка (сарын) – громкая, резкая, изобилующая скорбными, тягучими мотивами. Трудная для восприятия, она была в руках шаманов средством запугивания народных масс. Шаманы распространяли среди народа убеждение, что они находятся в общении с духами.

Музыкальные поэмы-кюи о героизме народа.

Многие казахские народные кюи воспевают героизм ба-тыров. К ним относятся такие кюи, как “Казан-кюи” (о по-

ходе Кобланды батыра), “Камбар” (о Камбар батыре) и т.д. В них то слышна песня прощания отправлявшегося в поход батыра с народом и семьей, то гремит песня победы всадника; проходят батальные мотивы; чудится вопль оставшегося на поле битвы умирающего воина, вспоминающего о своей родной семье, о любимом народе.

Музыкальные легенды “Кобланды”, “Камбар” относятся к эпохе, когда отдельные казахские племена отражали набеги врагов.

В позднейшее время появились такие кюи, как “Шанды жорык”, “Ак Едиль”, “Сырым сазы”, “Ақтабан шубырынды”, “Кабанбай жорыгы”. Каждое из них отображает отдельное историческое событие.

В музыке XVIII века, как и в литературе того же периода, значительное место занимает песня и мелодия “Кара таудын басынан кош келеди” (“С вершин Кара-Тау спускается караван”). И напев, и слова полны горечи и печали: в них рассказывается о тяжелом бедствии, выпавшем на долю народа в связи с нашествием джунгар в 1723 году.

В XIX веке меняются и форма, и содержание казахской народной музыки. В казахской музыке XIX века особое место занимают произведения о крупных исторических событиях. Более поздние виды этих кюев, связанные с именами казахских деятелей, как “Нар Исатай” (об Исатае Тайманове), “Наурызбай батыр” (о Наурызбае Касымове), “Асау Барак” (о Бараке), — как по тематике, так и по своему музыкальному языку правдиво отображают антиколониальную и антифеодальную борьбу народа.

Каждое музыкальное произведение, посвященное историческим событиям XIX века, отличается большим художественным мастерством и ярко запечатлевает героизм казахского народа.

Несмотря на то, что творческие силы трудового казахского народа в условиях двойного гнета (со стороны ханов, феодалов, баев и царизма) были зажаты в тиски, народ все же создавал свое устное творчество, и его таланты не угасали.

Казахские композиторы XIX века.

В XIX веке из гущи казахского народа появляются талантливые народные композиторы, образовавшие две шко-

лы. Основоположником одной из них является знаменитый композитор-кюйши Западного Казахстана Курмангазы. Второй крупнейший народный композитор-певец Центрального Казахстана – Биржан-сал. Вокруг этих композиторов группировались и в дальнейшем стали их последователями композиторы-кюйши Казангап, Байсерке, Давлеткерей, Сейтек, Дина, Ыхлас и композиторы-певцы Ахан-серэ, Балуан Шолак, Жаяу Муса, Асет, Майра, Жарылгап и Шашубай. Произведения (песни, мелодии, кюи, мотивы и т.д.) этих народных композиторов распространялись в народе изустно. Собрание, записи, научное и творческое освоение этого музыкального наследия получили развитие только в советское время благодаря усилиям А.В. Затаевича, А.К. Жубанова, Е.Г. Брусиловского и Л. Х. Хамиди.

Курмангазы Сагырбаев (1818–1893) родился в Букевской Орде. В молодости он испытывал большую нужду, с восьмилетнего возраста батрачил у бая. Девятилетним мальчиком Курмангазы смастерил себе домбру и стал на ней играть. Когда ему исполнилось 18 лет, он взял в табуне лошадь и скрылся от бая. С тех пор Курмангазы начал разъезжать по степи и выступать в аулах с домброй. В 1837–1838 годах он примкнул к восстанию Исатая и Махамбета. Свое первое произведение “Кишкентай” он посвятил этому народному восстанию. Здесь он оплакивал гибель Исатая и Махамбета, но высказывал уверенность, что их смерть не остановит народного движения, а певцы сохранят и увековечат память о погибших вождях. Следующим крупным произведением Курмангазы явилась лирическая песня “Балбрауын”. Курмангазы рассказывал в своих кюях о притеснениях, которым он подвергался со стороны феодалов и ханов.

По проискам чиновной знати и хана Джангира, Курмангазы был заключен в оренбургскую тюрьму, но оттуда ему удалось бежать. Он много путешествовал: побывал в районе Мангыстау, у Аральского моря, на урочище Актюбе, в Ак-Мечети, Туркестане. Везде он создавал новые произведения и оставлял талантливых учеников.

Последним и лучшим произведением Курмангазы является “Кобык шашкан”, в котором отобразена тяже-

лая жизнь казахского народа в условиях патриархально-феодального строя и его мечты о светлом будущем.

Музыка Курмангазы поражает своей мощью и полнотой звучания. В ней запечатлелась героическая борьба трудового казахского народа.

Биржан-сал Кожагулов (1832–1895) родился у подножья живописных гор Кокчетау, в нынешней Кокчетавской области. Смолоду Биржана не привлекали ни богатство, ни хозяйство отца. Он любил музыку, играл на домбре и слагал песни. Обладая ярким талантом и мощным голосом, он на всех состязаниях выходил победителем.

Биржан в совершенстве владел казахской песней, но не ограничивался старыми напевами, а создавал новые. Он создал такие известные песни, как “Жанбота”, “Ляйлым”, “Айтпай” и другие. Некоторые песни Биржана мягки и лиричны, другие полны мощной энергии и силы. Многие из них исполняются не только солистами, но и хором.

Биржан знал и некоторые произведения русской народной музыки. Он общался с великим казахским поэтом Абаем и пользовался его советами. Все это способствовало тому, что талантливый народный композитор решительно пошел по пути дальнейшего развития самобытной казахской музыки и ее сближения с русской музыкой.

Так же, как Курмангазы, Биржан-сал оставил после себя много учеников и последователей. Однако его музыкальное наследие стало всенародным достоянием только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Композитор Ыхлас Дукунов (1843–1916) исполнял все свои произведения на кобызе. Он значительно развил технику игры на этом инструменте, внес разнообразие в мелодии, которые исполняли до него на кобызе баксы-шаманы. Произведения Ыхласа красочно передают древние сказания казахов о героических подвигах батыров, об их стремлении к лучшей жизни. Ыхласом были созданы такие, получившие впоследствии широкое распространение песни, как “Акку”, “Жалгыз аяк” и другие.

Народный композитор Мухит Мералиев (1841–1918) создал много песен, которые послужили образцом для подражания и создания новых песен последующими авто-

рами. Ему принадлежат знаменитая “Алуаш”, “Дуние-ай”, “Бала Ораз”, “Улькен Ораз”, а также “Айнам коз”.

Жаяу Муса Байжанов (1838–1929) был бедняком. С малых лет он отличался решительным характером и большой настойчивостью. Первые зачатки грамоты он получил в ауле, затем учился в Петропавловске и Омске. Двадцатилетним юношей Муса начал в родном ауле борьбу против местной феодальной знати. Царское правительство сослало его на 12 лет в Томск. Весь путь до места ссылки Муса проделал пешком. В пути он сочинил свою знаменитую песню “Ак сиса”.

В 1860 году по собственному желанию Муса был взят в солдаты и отправлен в Петербург. Впоследствии он принял участие в среднеазиатском походе 1864 года. Когда Чокан Валиханов покинул отряд генерала Черняева, Муса ушел вслед за ним и вернулся к себе на родину. Здесь он сочинил много песен и рассказов, беспощадно разоблачающих баев и феодалов. Муса много путешествовал по степи, знакомился с выдающимися деятелями казахского народа. Местная знать снова добилась его ареста и заключения в тюрьму. Однако друзья и почитатели Мусы помогли ему освободиться.

Муса участвовал в восстании 1916 года, а позднее горячо приветствовал советский строй и колхозное строительство. Он был певцом-композитором, акыном – мастером слова. Его наиболее популярные произведения: “Гаухар кыз”, “Кулбай”, “Искандер”, “Турымтай” – отличаются мелодичностью, лирическим настроением, проникнуты мужеством и оптимизмом,

Сары Бараков (1863–1895) родился на берегу озера Чалкар в Актюбинской области. Большая часть жизни Сары прошла в борьбе против чиновной знати. Его неоднократно сажали в тюрьму в Оренбурге и в Иргизе, но каждый раз ему удавалось оттуда бежать. Свою знаменитую песню “Сары эни” он сочинил, находясь в тюрьме, куда был посажен по проискам врагов.

Несмотря на все гонения, Сары не смирился, не прекратил борьбы. Когда его отправляли из Иргиза, его провожала толпа в несколько тысяч человек. Сары сочинил такие известные песни, как “Дарига”, “Сибирьге айдалу” и “Кыз

Косан”. Все произведения Сары восхваляют мужество, непоколебимый героизм и пламенную энергию. Свободолюбивый певец был убит по дороге к месту ссылки.

Замечательный поэт-лирик и талантливый народный певец Ахан-серэ Корамсин (1843–1913) родился в северной части Казахстана, в Кокчетаве.

Воспитывавшийся в мечети своего дяди, молодой поэт, интеллектуально и творчески созрев, возненавидел среду, в которой он вырос (баи, феодалы и царские ставленники). Он становится странствующим певцом, воспевая любовь, дружбу, сердечные отношения молодежи.

Переезжая с места на место, Ахан-серэ, человек бурной души и пылкого сердца, смело и ярко выражал в своих песнях протест против духовного гнета со стороны казахских феодалов и колониальных властей. Но его протест был стихен. Ахан-серэ не поднялся до “просветительства” своих великих современников Абая и Алтынсарина. Ему в значительной мере в этом помешала тяготевшая над ним мусульманская культура и философия.

В среде же правоверных, ортодоксальных мусульман Ахан-серэ считался безбожником. О нем распространялись всевозможные небывлицы, обвиняющие его в вероотступничестве и в связи со “злым духом”.

Знаменитые мелодии Ахана-серэ “Кулагер”, “Сырымбет”, “Кара торгай”, “Ак саусак” и многие другие живут до сих пор и были широко использованы в советских казахских операх, а его литературные произведения при советской власти вышли отдельным изданием.

Женщины – акыны.

Среди казахских народных акынов-певцов почетное место занимают акыны-женщины. Хотя по шариату и по господствовавшим обычаям публичные выступления женщин всячески ограничивались, но истинные таланты преодолевали всякие препятствия. Одной из таких талантливых акынов-женщин была Майра Валиева (1896–1929). Она родилась и выросла в Павлодаре. С малых лет Майра заучивала казахские песни и кюи, умела играть на домбре и на гармонии. Она обладала прекрасным, сильным голосом и своим пением покоряла слушателей.

Пьесапар

М.О. Ауэзов, А.Б. Никольская

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСНИ

Пьеса для юношества

ПРОЛОГ

Ниша, стилизованная трибуна или что-либо подобное. Старый акын с домброй. У его ног – мальчик, ученик старика. Только что кончилась песня.

Мальчик просит спеть еще. О чем же?

– Теперь, дедушка, спой мне... спой мне... о том, что со мной будет, когда я вырасту. Кем я буду?

– Что с тобой будет?

Старик на минуту задумывается. Домбра в руках. Первые звуки ритурунеля.

– Хорошо, слушай.

Темнота.

Старик-учитель посылает в народ двух учеников.

Свет зажигается – на сцене пещера, грот. Те же два артиста. Та же поза. Вместо домбры в руках старика – кусок хлеба и платок (салфетка, полотенце), разрезанный пополам (одна половина).

Костюмы фантастические.

Старик – великая мудрость времен – отдает народу лучших его представителей, борцов за правду.

Сколько этих учеников, знает только он один. Его питомцы никогда не встречаются у него друг с другом.

Просцениум

Авансцена

Учитель

Мальчик — Азат. Он должен идти бороться со злом. Должен быть честным, добрым и смелым, не прельщаться почестями и богатством. Он — один из народа и должен жить для народа. Если он будет верен заветам учителя, будет совершать подвиги за народ, бороться со злом, утешать плачущих, — ему будет другом Птица Счастья.

Но искать надо не ее, а подвигов: она сама прилетит, осенит голову достойного и наградит его. Азат еще дитя, незрелый плод. Ему нужно бы совершенствоваться еще. Но время не терпит: зло вонзило когти в народ — надо идти.

— Каков будет мой путь, Учитель? Куда я должен идти? И чем наградит меня Птица Счастья?

Увидишь сам. Иди.

Старик один. Шорох. С противоположенной стороны входит второй ученик — юноша Шалкар. Та же сцена с вариантами. Хлеб, платок.

* * *

Убогая юрта (м.б., несколько). Скудное пастбище. Задник горы.

Народ в образах-символах: Дед, Мать, Мать Рода, Дети (двое), девушка Ожет.

Прошли тяжкие войны. Воевал хан. Лучшие джигиты пали в боях.

Был жестокий джуг. Вымер скот. Наступил голод. Чего не сделали войны, доделал голод.

Народ погибает. Хан жесток и немолчим. Отобрал лучшие урочища, не позволяет ни пасти скот, ни охотиться за дичью.

Азат

Шалкар

Сцена

Ожет
Дед

Мать Рода
Мать
Дети (2)

Народ восставал. Восстание ханом подавлено. Убит глава восстания, заступник и надежда народа Сардар. У него осталось двое детей: юноша и девушка, скрывшиеся от преследования хана — батыр Мерген и золотокошая Арман.

Народ посылает Ожет — молодую, сильную, вечно бодрую в горы к Мергену. Кроме нее идти некому.

Мерген растет и мужает. Мерген — надежда народа. Пока он еще не восстал на хана, он растит свою сестру и мужает сам. Но он проникает на ханские территории и бьет дичь, и кормит голодающий народ. Ожет пойдет к нему за добычей для всех. Ожет передаст ему, что народ верит в него, ждет его, что народ с ним.

Лес. Ручей. Скалистые дикие уступы — жилище горного духа — старухи Лаулы.

Появляется Ожет с песней. Ищет Мергена.

Трубит рог. Хан со свитой пробирается сквозь чащу. Ожет прячется.

Появляется старуха Лаула. Договор хана с Лаулой. Она согласна помогать ему. У них общие враги. Она поможет ему в его борьбе с людьми, он поможет ей в борьбе с Учителем. Хан получит власть над народами.

Его враг — Мерген, сын Сардара. Надо уничтожить. Для этого — отнять у Мергена сестру, золотокошую Арман, мечту, великую силу Мергена. Обессилить Мергена — обессилить народ.

Сила, мужество.
Мечта,
вдохновение

Песня народа,
песня Ожет

Хан

Лаула

(Ожет убегает предупредить
Мергена.)

Враги старухи — двое, посланных
в мир Учителем. Надо уничтожить.
Нельзя допустить, чтобы они встрети-
лись ни с Мергеном, ни с Птицей Сча-
стья (— Подстрели ее, хан!).

В награду за помощь, кроме власти
над народам, хан получит золотокосую
Арман, отнятую у Мергена. Пусть за-
прет ее в своем дворце и не показыва-
ет народу: увидит народ — все пропало.

— Хочешь видеть, хан, что я отдам
тебе? Смотри!

По реке проплывает золотой волос.
Хан влюбляется. Он спешит за золото-
косой. В помощь хану Лаула дает свое-
го сына — великана Тарагая.

* * *

Арман — золотокошая у ручья. Ищет
волос — упустила, причесываясь.

Входит Мерген с убитым тигром
(барсом). Брат недоволен. Сестра не
понимает, почему они должны скры-
ваться.

Кратко — объяснения брата: надо
скрываться, вокруг зло. Она не при-
надлежит себе, как и он. Время их
близко, измученный народ ждет их.

Вбегает Ожет: — Как найти Мерге-
на?

Мерген: — Это я.

Ожет пришла от народа. Поруче-
ние. Но по пути она узнала об опасно-
сти, грозящей Мергену и Арман.

Ужас Арман. Тревога Ожет. Мер-
ген спокоен. Он объединяет в дружбе
Ожет и Арман.

Гибель Мергена —
гибель всего
народа

Тарагай

Арман

Мерген

Любовь

Падают подстреленная Птица Счастья. Подстрелил хан. Хан близко, надо скрываться.

Мерген и Ожет увлекают Птицу Счастья в верховья, туда, где скрываются брат и сестра. Арман беззаботно возвращается за убитым зверем. Врываются хан и Тарагай. Похищают золотокосу. Крик. Хан уносит девушку. Тарагай остается против Мергена.

Вбегает Мерген, за ним Ожет. Схватка. Ожет ободряет Мергена и помогает ему.

Побеждает Мерген. Тарагай издыхает, призывая всемогущую мать к мести.

Мерген обнаруживает исчезновение Арман. Горе. Мерген падает, как подкошенный: у него отнята сила.

Ожет: нельзя терять мужества, с Мергеном — народ, у Мергена Птица Счастья, за него все. Разве он забыл об этом? Арман будет возвращена и для него, и для всех. Надо идти вырвать золотокосу из ханского плена и продолжать борьбу.

Герольды. Трубы. Ханский указ.

1. Объявлены вне закона два злодея, бродящие по ханской земле. За поимку — награда, за укрытие — смерть.

2. Разыскать и привести к хану мятежника охотника Мергена, нарушителя запрета ханских территорий, потравщика ханской дичи. За поимку — награда, за укрытие — смерть.

3. Хан ищет служанку. Всем женщинам и девушкам — сметливым, лов-

Птица Счастья

Зрительный зал

Герольды

ким, выносливым — явиться на площадь перед ханским дворцом. Всем, кто укроется — смерть.

Лес. Ручей. (Та же декорация.)

Встреча Азата и Шалкара у ручья. Оба спасаются от погони, оба томятся жаждой, оба наклоняются к ручью с противоположных сторон. Испуг. Настороженность. Разговор. Оба голодны. — Разделим кусок хлеба.

Платок и хлеб Учителя. Складывают половинки. Опознают друг друга. Дружба и верность. Песня Птицы Счастья.

Мерген входит и падает в изнеможении, словно замороженный. Ожет с ним. Утешает: первый враг сражен (Тарагай), все будет хорошо.

Азат и Шалкар подходят к ним. С кем, за что батыр боролся? Что с батыром? Он ранен?

Азат и Шалкар включаются в народную борьбу. Вот зачем послал их Учитель! Мерген спешит вооружаться, чтобы идти за сестрой. Он просит новых друзей задерживать старуху Лаулу и не покидать народ, пока он вернет себе свою силу — золотокосую Арман. Мерген уходит.

Спор между двумя друзьями.

Азат: — Надо спасти похищенную девушку.

Шалкар: — Нужно что-то другое. Девушку спасти — тоже хорошо, но когда погибает весь народ, есть дела поважнее.

Азат: — Но в девушке сила и Мергена, и народа.

Сцена

Песня

Птица Счастья: — У каждого свой путь к одной и той же цели. Но раздоры — слабость народа.

Решение: Азат спасает Арман. (Надо хоть дать Мергену какой-нибудь знак, что девушка жива. Одно это вдохнет в него силы.) Шалкар защищает народ, на который должна обрушиться месть старухи за смерть сына.

А Ожет? Она хочет идти с Мергеном. Против духов природы что она может? А хан — другое дело: где не сможет доблесть и отвага героя, там поможет слабая женщина.

Ожет пойдет в служанки к хану, чтобы проникнуть во дворец. Но она слишком красива, молода, горяча. Не такая служанка нужна хану.

Превращение Ожет. Искусство Азата и Шалкара, переданное им Учителем. (Водоем, смотреться в стоячую темную воду и т.д.)

Ожет — безобразная старуха. Она уходит в ханский дворец.

Шалкар спешит к народу. Азат один.

Внезапный шум, рев, гром, старуха спешит к трупу сына. Азат прячется.

Старуха в бешенстве. Убит сын. Клятва мести: она уничтожит всех, кроме хана и его слуг. Самая страшная смерть — убийце сына Мергену.

Азат не выдерживает. Ведь Мерген просил задерживать старуху. Он бросается вперед — ребенок против злого духа. Он клеймит ее и предсказывает ей гибель.

Игра: мальчик всеми силами старается задерживать ее, привлекая на себя ее усилия и ярость. Наконец старуха

Песня

Единение — сила

Сила любви

припирает его к скале. Силой и наукой Учителя скала расступается и скрывает его. Ярость старухи: это один из тех! Она уносится уничтожать народ. Азат снова на сцене: надо спешить выручать Арман.

Аул, пастбище.

Народ в отчаянии. Пропала Ожет, нет пищи, нет помощи, нет вестей от Мергена.

Появляется Шалкар. Он – вестник от Мергена. Ожет жива, народ не брошен.

Но Мерген лишен силы. Той силы, которая нужна ему в борьбе за них всех.

Он черпал силу в сестре Арман – ее отняли от него.

Он черпал силу в народе – в том народе, который для него и отец, и мать, в котором его, Мергена, корни, и дыхание которого в нем, Мергене.

Народ должен идти за Шалкаром вдохнуть силу в Мергена.

Народ поднимается. Из последних сил они готовы идти за Шалкаром.

Врывается старуха Лаула. Борьба Шалкара со старухой. Не меч и сила, а сила разума, умение повелевать природой. Свет, тьма, огонь, туман, ветры.

Старуха в ярости: это – опять один из тех! Она отступает и мчится мстить Мергену.

Народ поднимается и идет за Шалкаром.

Хан, окруженный оруженосцами. Он пересмотрел всех женщин, которые явились к нему, но все еще не выбрал прислужницы. Остались еще 3, 4, 5 женщин. Пусть приведут их, он посмотрит.

Просцениум

Выбор прислужницы.
Ханский выбор падает на Ожет.

Внутренний покой хана. Роскошь.
Арман в плену. Подавлена, плачет,
одна.

Сцена

Старая служанка. Арман боится ее. Хан запер золотокосую и под страхом смерти запретил ей снимать черное покрывало с ее золотых кос. Только он сам будет снимать его, приходя к ней, и, как скупец, пересчитывать волосы.

Ожет открывается ей. Арман не верит: такая безобразная не может звать к счастью! Ожет убеждает Арман не отчаиваться: освобождение близко.

Вот – нож. Пусть Арман убьет хана, когда тот придет к ней.

Арман отказывается: убивать? Пролить кровь? Нет, этого она не может.

Азат (чудесным образом) появляется на сцене (из под земли? Из раздвинувшейся стены?). Надо бежать. Золотокосая отказывается. Она никому не верит, может быть, ее вырывают от хана только для новых бедствий. Вот если бы явился за ней брат Мерген – она верит только ему...

Но ведь они и зовут ее к Мергену. Зачем медлить? Надо дать хоть знак Мергену, что она жива. Иначе ему суждено погибнуть!

Арман отрезает и дает Азату прядь своих волос. Он поднимается на башню (сказочно, может быть, летит вверх) и развеивает в воздухе золотую прядь. Азата не видно. Только отблеск золотых волос.

Входит хан. Ожет почтительно удаляется.

Арман просит хана отпустить ее. Злобный ответ хана: она его пленница и отныне будет принадлежать только ему. Отпустить ее к Мергену? Не стоило отнимать, чтобы возвращать!

Шум, вихрь. Появляется посол старухи. Почему хан медлит? Лаула ждет его. Она настигла Мергена и держит его борьбою. Пусть хан спешит, пусть надежду народа убьет хан. (Ужас Арман и Ожет). Мерген был слаб, его ничего не стоило убить. Но мелькнул на небе какой-то странный свет – и Мерген воспрянул. У народа теперь крепкая защита: Мергену помогают, Мерген становится страшен. Еще немного – и встанет весь народ.

Посол исчезает. Хан спешит вооружаться.

Арман умоляет хана пощадить Мергена: ведь если брат не может жить без нее, то и она погибнет без брата. Пусть хан сжалится ради нее, а она постарается угождать своему господину.

Злобный отказ. Хан уходит, давая наставления старухе – стеречь Арман.

Азат спускается с башни. Надо бежать.

Превращение Ожет в красавицу – платок Учителя. Арман верит, хочет бежать с ними.

Врываются ханские слуги. Борьба Азата и Ожет. Арман бороться не может.

Птица Счастья над ними.

Арман срывает покрывало, Птица Счастья осеняет ее – и ее волосы начинают так сверкать, что ослепляют слуг.

Трое друзей скрываются.

Посол Лаулы

Дикая конусообразная гора. Вой бури. В бешеной скачке старуха и Мерген гоняются вокруг, не достигая друг друга.

Мерген опять один. Где сестра? Не ошибся ли он, приняв какой-нибудь свет за отблеск золотых кос? Где народ? Для чего и за что бороться? Вождь и заступник без народа — не вождь, брат без сестры — бессилён и уныл.

На вершине горы появляются Азат, Арман, Ожет. С тревогой следят за бешеной скачкой.

Врывается хан: сейчас поединок должен решить все. Убить Мергена — это поработить народ. Мерген — голова народа. Убить хана — освободить народ.

Мерген измучен скачкой. Пусть он сам погибнет, но только не одиноким, оставленным: пусть хоть кто-нибудь видит его смерть и расскажет народу — он знает, неиссякаема народная сила, она даст ему преемника-борца.

Хан готов к бою. Мерген один. Последний его призыв к народу.

Голоса сверху: — Мерген, мы с тобой!

Арман сбрасывает покрывало. Ожет протягивает руки. Азат машет платком Учителя.

Мерген готов. Бой. Хан побежден. Ликование наверху.

Старуха впивается в Мергена: не убил хан, убьет она. Тревога наверху.

Голоса за сценой: — Мерген, мы с тобой!

Шалкар и народ. Мерген сбрасывает старуху с плеч.

Сестра

Поединок Шалкара с Лаулой (сказочно).

Старуха погибает. Ликование.

Песня Птицы Счастья о победе, Учителе и его заветах. Азат и Шалкар впервые видят Птицу. Обещание Учителя исполняется.

Мерген зовет сестру, показывает народу: ее время пришло.

Кого же из своих и его спасителей и друзей она изберет товарищем на своем пути? Азата или Шалкар? Кто из них достойнее?

Арман не знает: достойны оба.

Народ — достойны оба. А Мергена достойна Ожет, неунывающая дочь народа, его неиссякаемый родник силы.

Мерген — пусть о друзьях решает Птица Счастья. Полет Птицы. Кружится от одного к другому. Кого она осенит? Каждый ожидает по-своему.

Осенен юноша Шалкар. Ликует. Арман подает ему руку. Мальчик в горе, а я? Разве я не боролся так же, как Шалкар?

Ответ Птицы Счастья — Азату достается она.

— Идем за мной, сквозь века, по странам и т.д.

(Идемте...)

Общее движение...

Свет гаснет. Опять зажигается.

Ниша. Старик-акын с домброй, мальчик.

Старик повторяет слова Птицы Счастья. Твоя Птица Счастья — песня. Иди с нею сквозь века ... и т.д.

Народ

Просцениум

Действующие лица

В прологе:

Акын.
Мальчик.

В пьесе:

Учитель – старик-мудрец.
Азат – мальчик } его ученики.
Шалкар – юноша }
Мерген-батыр – охотник.
Арман-Золотокосая – его сестра.
Ожет – девушка из народа.

Птица Счастья.
Хан.
Лаула – горный дух, старуха.
Тарагай – ее сын, великан.

Мать Рода }
Дед } народ.
Мать }
Мальчик }
Девочка }

Посол Лаулы.
Герольды (3).

Старший нукер } ханские телохранители.
Нукер }

Воины хана, женщины – служанки.

ПРОЛОГ

Просцениум. Ниша или эскизный набросок юрты. М.б., просто ковер, подушки. Старый акын с домброй. У его ног – мальчик, ученик старика. Акын – в казахском халате и шапке, мальчик одет по-современному, школьник. Только что кончилась песня акына.

Затихают струны домбры.

А к ы н. Вот и конец песне, мой мальчик!

М а л ь ч и к (*со вздохом*). Уже конец... А я вот так бы и сидел с тобой, дедушка, так бы все и слушал, и слушал... Еще день, ночь, два дня, много дней... без конца...

А к ы н (*покачивая головой*). Слушать мало, дитя мое... Надо думать. Песню надо понимать! Песня не простой ручеек, что журчит себе по камушкам, да бежит вперед... Помнишь, я говорил тебе про Абая, нашего великого, мудрого певца? Знаешь, как он сказал?

...Песню слышал, понять сумеи:

Мудрость ли дышит иль глупость в ней?..

М а л ь ч и к (*подхватывает*).

Вздорная песня лишь ранит слух,

Мудрой упьешься – и стал мудрей!

А к ы н. Верно! Вот, дружок мой маленький, ты и старайся думать! Книжку прочтешь – подумай; умную речь услышишь – подумай; мою старую песню послушаешь – тоже подумай...

М а л ь ч и к (*вскакивая*). Я так люблю твои песни, дедушка! И я думаю... Много думаю... (*Нерешительно.*) Дедушка!

А к ы н. Да?

М а л ь ч и к. А ты все-таки... Спой мне еще песню!

А к ы н (*смеясь*). Какой ты жадный! Все тебе мало!

М а л ь ч и к. Дедушка, милый, пожалуйста!

А к ы н. О чем же тебе спеть, дитя моя?

М а л ь ч и к. Теперь... теперь... спой мне, дедушка, о том, что со мной будет, когда я вырасту большой? Кем я буду?

А к ы н (*задумчиво*). Что с тобой будет? (*Минута молчания. Старик берет в руки домбру. Первые звуки мелодии.*) Хорошо, слушай!

Темнота.

Авансцена. Свет зажигается. Пещера, грот. В глубине грота какие-то сосуды, маятники, м.б., древние часы, ткани. На ковре и подушках сидит глубокий старик (*тоже акын*) в длинном фантастическом светлом одеянии. У его ног — мальчик Азат (*тот же, что был на просцениуме*).

С т а р и к. Подойди ко мне, меньшее дитя мое, Азат мой!

А з а т. Говори, учитель!

С т а р и к. Помнишь ли ты, чему я учил тебя, Азат?

А з а т. Да, учитель!

С т а р и к.

Мудрость не знает веков и лет,

Мудрость и в седине молода!

Зло это — тьма. Знание — свет.

Свет и победа — друзья всегда!

А з а т.

Свет и победа — друзья всегда!

С т а р и к.

Но побеждать, мой сын, не легко!

Счастья не жди от слепой судьбы!

Крылья крепи! Взлетай высоко!

Крылья победы — крылья борьбы!

А з а т.

Крылья победы — крылья борьбы!

С т а р и к.

Зло вонзило когти в народ!

Зло чинит расправу свою.

Ты — еще незрелый плод,

Но теперь народу тебя отдаю!

А з а т.

Если враг напал, народ не щадя,

Должен в бой со злом спешить и дитя!

С т а р и к.

Подойди ко мне, меньшее дитя мое,

Азат мой!

А з а т. Я здесь, учитель!

С т а р и к. Иди. Посылаю тебя. Ты — один из народа и должен жить для народа. Будь его добрым сыном.

А з а т. Честным, добрым и смелым...

С т а р и к. ...И люби жизнь. Ты человек, Азат, ты... просто мальчик. Ты должен жить. Ты должен бороться, уставать, отдыхать, огорчаться, радоваться, смеяться, шутить, — шутка и смех, Азат, большая сила! А ты должен быть сильным, Азат, Потому что ты должен побеждать зло!

А з а т. Но ты сам сказал, учитель, что побеждать не легко, а я еще мальчик!

С т а р и к.

Сила не только в мече и в крепости плеч:

Сила — знание, ум, доброта и мудрая речь.

А з а т. А счастье? Вдруг я буду несчастлив в пути?

С т а р и к *(обнимая мальчика, указывает ему куда-то вдаль)*.

Далеко, где свет зарницы
Утром брезжит над землей, —
Веют крылья дивной птицы,
Птицы Счастья голубой!

Не гонись! Не уловима,
Недоступна и легка,
Пролетает птица мимо
Птицелова-смельчака!

Не за ней гонись! Беглянка
И не взглянет, улетев!
Подвиг — вот ее приманка,
Доблесть — вот ее напев!

Честным, смелым, с песней звонкой
Выходи! Твой путь открыт!
И к тебе сама вдогонку
Птица Счастья прилетит!

(Подходит к ларцу, стоящему в глубине грота. Открывает его. Вынимает половинку разорванного узорного платка. Подает Азату.)

– Возьми этот платок, дитя мое, и не забывай заветов своего учителя. Впрочем, он и сам не раз напомнит тебе обо мне...

(Азат, склоняясь, принимает платок. Старик опять подходит к ларцу и вынимает перстень с большим камнем.)

– Надень этот перстень, Азат. В нем – вся сила той правды и знания, которым я учил тебя. Запомни: этот перстень никогда не избавит тебя ни от борьбы, ни от ее опасностей, ни от труда. Погибать умеет всякий, этому учиться не надо. А ты должен уметь и бороться, и быть горячим и умным в одно время. Перстень поможет тебе только тогда, когда ты больше ничего не сможешь сделать один. Но если перстень бездействует, значит, ищи выхода сам.

А з а т. Но я все время буду один, учитель.

С т а р и к. Нет, ты не один. Вас много, моих учеников, лучших сынов нашего народа. А с вами – и весь народ.

А з а т. А куда я должен идти? И чем наградит меня Птица Счастья?

С т а р и к. Увидишь сам. Иди. *(Азат склоняется перед стариком и выходит. Минута молчания. Старик смотрит вслед удаляющемуся мальчику. Шорох с противоположной стороны. Появляется Шалкар. Старик поворачивается к нему.)*

Ш а л к а р *(склоняясь)*. Ты звал меня, учитель?

С т а р и к. Да. Твой час настал. Ты должен идти.

Ш а л к а р. Иду, учитель!

С т а р и к.

Молодого, белоплечего

Выпускаю я орла.

За тебя бояться нечего,

Путь твой – верная стрела.

Зло в ночи туманом стелется,

Зло боится света, знай!

Тьме ли с солнцем силой мериться?

Выходи и побеждай!

Ш а л к а р. Я помню все твои наставления, учитель. Но ты, мудрость народа нашего, говорил мне, что нас много, что я не один ученик у тебя, а мы никогда не видели друг друга. Как же я узнаю моих братьев?

С т а р и к.

Узнает ли звезду звезда
В беспросветном небе ночном?
Узнает ли каплю вода?
Узнает ли молнию гром?

Узнают ли пальцы, в тиски
Охватив копые или плуг,
Что они от одной руки?
Друга так опознает друг!

Ш а л к а р. Куда я иду, учитель?

С т а р и к. В народ.

Ш а л к а р. Что я должен делать?

С т а р и к.

Народ бедствует. Ты — сын народа.
Увидишь сам.

(Платок — половинка.)

— Возьми этот платок, сын, мой, и не забывай заветов
своего учителя. Да он и сам не раз напомнит тебе обо мне.

(Перстень.)

— Надень этот перстень, Шалкар! В нем — великая сила.
Не жди от него легкого пути и слепой удачи: он не избавит
тебя от испытаний. Но только тогда, когда все силы, все
уменье твое будет исчерпано, он поможет тебе! Пока ты мо-
жешь бороться один — перстень бессилен. Иди.

Ш а л к а р. Иду, учитель *(склоняется, хочет уходить.
Возвращается)*. А счастье, учитель? Что, если счастье поки-
нет меня?

*(Учитель поднимает руки. Раздается голос невидимой
Птицы Счастья (первая песня) и под ее звуки Шалкар медлен-
но удаляется.)*

Темнота.

Несколько убогих юрт. Скудное пастбище вокруг. Потухшие костры:
котлы пусты, зачем зажигать огонь? В отдалении — лесистые, дикие горы.

Еще дальше — снеговые вершины.

На сцене дети: мальчик и девочка. Играют самодельными простыми
игрушками. м.б., строят юрту из прутьиков.

Д е в о ч к а *(мальчику)*. Слышишь? Бабушка ходит в
юрте. Сейчас она выйдет сюда...

М а л ь ч и к. И опять будет плакать?
Д е в о ч к а. Да, наверное. Она все время плачет теперь.
И дедушка плачет...

М а л ь ч и к (*бросая игрушки*). И мама... А о чем они плачут, Шолпан? Потому, что мы голодные, да?

Д е в о ч к а. Да... и поэтому... И потому, что моего папу убили...

М а л ь ч и к. ...и моего.

Д е в о ч к а. ...и дядю Асана, и ага Эркина...

М а л ь ч и к (*собирая прутья в кучу*). Много, много убили... вот сколько... А овечку мою увели...

Д е в о ч к а (*вздыхая*). ...и моего барашка тоже... и других...много-много... И теперь мы голодные...

М а л ь ч и к. И все плачут... (*внезапно улыбаясь*). Одна Ожет не плачет... Я люблю Ожет! Она такая веселая, такие песни хорошие поет. Видела ты, какой она мне лук сделала?

(*Вскакивает, достает из-за веревки, опоясывающей юрту, свой детский лук и стрелки.*) Видишь? И она песенку про лук меня петь на учила! Вот слушай:

(*Накладывает стрелу на тетиву.*)

Моя стрелка, лети, лети,
Моя стрелка, пылай огнем!
Злого хана ты не щади,
Не щади!
Никто не заплачет о нем!
Не забудь,
Меткой будь,
Я с тобой посылаю
За отцов и за братьев мечь!

(*Выпускает стрелку. Дети оба, как зачарованные, смотрят за ее полетом.*)

Д е в о ч к а. Скрылась стрелка... Где-то в овраге... Там темно и страшно... Это злой овраг!

М а л ь ч и к (*накладывая вторую стрелку*). Слушай дальше:

Моя стрелка, лети, лети,
В горы, в лес, к верховьям ручья,
Не задерживайся на пути,
На пути,
К Мергену дорога твоя!

Не забудь,
Меткой будь,
Я с тобой посылаю
От народа ему привет!

(Выпускает стрелку вдаль, к горам. Дети опять смотрят за ее полетом. В дверях юрты откидывается ветхий полог. Показывается Мать Рода. Она тоже следит за полетом стрелки.)

Д е в о ч к а. Долетит она до Мергена?

М а л ь ч и к *(уверенно)*. Долетит.

М а т ь Р о д а. О, если бы долетела! Уже полетела. *(Дети оборачиваются, подбегают к ней.)* Если бы обе стрелки твои долетели, Ягненко мой! *(Садится у потухшего очага.)*

Д е в о ч к а. Бабушка, ты опять будешь плакать?

М а л ь ч и к. Не плачь, бабушка, а то нам тебя жалко!

М а т ь Р о д а.

А мне вас жалко, козлятки мои!

(Уньло нараспев):

Ой, Кудай-ай. Жылаган-ай.

Был свободен, велик народ...

Широко кочевал народ,

По лугам гнал стада народ,

По лесам дичь стрелял народ,

Был счастлив и богат народ...

Словно звезды пылали его костры, —

Ой, жылаган.

Из соседней юрты выходит древний Дед, сбоку с охапкой хвороста и курая — Мать. Они подхватывают последние слова.

М а т ь.

Был счастлив и богат народ...

Словно звезды пылали его костры,

Ой, Жасаган-ай.

М а т ь Р о д а.

Словно коршун, явился хан,

В нас когтями вонзился хан,

Отнял все, все урочища хан,

Лучший скот угнал у нас хан,

Голодать нас заставил хан —

И потухли наши костры...

Ой, Жасаган-ай.
В с е.
Голодать заставил нас хан —
И потушли наши костры...
Ой...
Д е д (*тихо матери*). Ничего не принесла? Мерген ниче-
го не оставил для нас в тайнике?
М а т ь. Нет, ничего...
Д е д. Неужели он забыл о нас?
М а т ь. Мерген не забывает...
Д е д.
Не случилось ли с ним чего-нибудь?
Если он погибнет, — тогда пропали мы все...
М а л ь ч и к.
Мерген не погибнет! Он придет!
Я послал ему мою стрелку!
Д е в о ч к а. Мерген придет!
М а т ь Р о д а.
Ой, хан стравил с народом народ,
Воевать заставил народ,
Сыновей своих отдал народ,
И в боях они полегли...
Джут сожрал остатки скота, —
Злая мать, у Голода: Нищета...
Ой, Жасаган-ай.
В с е.
Злая мать у Голода: Нищета...
Ой, Жасаган.
М а т ь Р о д а (*поднимаясь*). Восставал отважный народ.
Д е д. Вел Сардар на битвы народ.
М а т ь Р о д а. За свободу, правду и честь.
Д е д.
Снова все сыны полегли,
А Сардар был ханом казнен...
М а т ь Р о д а.
Где надежда наша — Сардар?
Ой...
(*Все поникают на мгновенье.*)
М а т ь (*разбирая вязанку*).
В тайнике я не нашла ничего...

Больше не было сил ни бродить, ни ждать...
Может быть, дождется Ожет? Она с утра ушла в лес,
она знает тайник!

М а л ь ч и к.

Так что же вы плачете? Я послал
две стрелки: одна прилетит к Мергену
и скажет: — “Мерген, торопись, помоги нам,
мы голодны”... — и Мерген принесет
нам дичи... *(Девочке.)* Ты знаешь, Шолпан,
он ловкий, смелый, сильный, Мерген!
Ожет мне говорила: злой хан сидит во
дворце, ест наших барашков и рубит
головы всем, кто охотится в лесах...

Д е в о ч к а. Так ведь это же наши леса!

М а л ь ч и к. А хан их отобрал! Он же злой, понимаешь
ты? А пока хан сидит на золотых подушках и толстеет, Мер-
ген рыщет по лесам, по лугам, по горам, далеко, с луком и
стрелками, на своем единственном коне... и охотится... вот
так... *(Показывает.)* Стрелка — з-з-з... — и бьет дичь...

Д е в о ч к а. А он не промахивается?

М а л ь ч и к *(возмущенно)*. Кто? Мерген? Мерген не мо-
жет промахнуться.

Д е в о ч к а. А хан не отрубит ему голову? *(Старшие
всплескивают руками.)*

М а т ь. Да не услышат тебя злые силы, дитя наше! Если
хан отрубит голову нашей надежде, что же станет с наро-
дом?!

М а л ь ч и к.

Вот уж глупость сказала Шолпан.
Бабушка, ты не слушай ее! Если что
случится с Мергеном, я же вырасту,
ты только немно-о-жечко подожди, я
скоро вырасту — и стану на его место...

Д е д *(горько)*.

Пока ты вырастешь, отросточек наш,
Мы все погибнем с голоду!

Издаലെка доносится высокий молодой голос. Приближаясь, он поет
песню без слов — степную казахскую песню с высокими взлетами.
Все прислушиваются.

М а л ь ч и к. Это Ожет!
Д е в о ч к а. Ожет! Ожет!
М а т ь. Сестренка моя, Ожет!
Д е д. Дитя наше...

М а т ь Р о д а. Голосистая наша пташка. Радость в печали нашей! *(Вбегают Ожет, веселая, смеющаяся. В самодельной корзиночке она несет лесные ягоды. Дети бросаются к ней.)*

О ж е т. Это что? Опять мои осиротевшие овечки блеют?
Д е д.

Тело зачесется – руку не оторвешь,
Душа заболит – мысли не оторвешь...

О ж е т.

Печаль – море: утонешь и пропадешь.
Отвага – лодка: сядешь и переплывешь!
Не печальтесь, родные мои!

Улыбнись, улыбнись, апеке! Ты же сама говорила не раз: суждено делу удалиться – хороший человек подоспел. Правда? *(Детям.)* Я вот ягод насбирала, ешьте! Ешь, апа!

Старая мать, отец, возьмите! *(Матери.)* А здесь вот, в сторонке, и грибы есть! *(Детям, смеясь.)* Мы из грибов мясо сварим! Ну-ка, собирайте костер!

Д е д. Мерген ничего не оставил в тайнике?

О ж е т. Нет, отец, пока ничего! Но он принесет, конечно! А я пойду еще раз!

М а т ь Р о д а. Ты устала, птичка моя?

О ж е т. Я? Нисколько! Вот помогу вам разжечь костер и пойду...

М а л ь ч и к. А я тебе стрелку в лес посылал... она долетела?

О ж е т. Стрелка твоя? Долетела, долетела! Она даже мимо пролетела, прямо в сторонку ханского дворца! Ты пел песенку?

М а л ь ч и к.

Пел... Значит, и вторая стрелка тоже долетела...

Я посылал ее к Мергену. *(Радостно.)* Аже, стрелка долетела, Мерген принесет дичи!

О ж е т. Долетела... *(Поднимаясь.)* А если не долетела, так долетит! *(Склоняется перед стариками.)* Отпустите меня к Мергену! Я найду его, все расскажу ему, все передам...

М а т ь Р о д а. Отпустить тебя, пташка наша? Отпустить последнюю опору нашу?

Д е д. Ты можешь заблудиться в лесу...

М а т ь. Дикий зверь нападет на тебя...

М а т ь Р о д а. Злые ханские слуги обидят...

О ж е т. Нет, я вернусь! Вернусь! Я не боюсь ничего! Не тронет меня дикий зверь, спрячусь я от ханских слуг, а путь мне покажут солнышко да звезды!

М а т ь. Ой, Кудай-ай! Отдали мы лучших сынов наших — и вот дочь наша уходит от нас!

М а т ь Р о д а (*поднимаясь*).

Мудрость народная говорит:

Не будь сыном отца: будь сыном народа!

Иди, Ожет, дочь народа, иди! Отыщи Мергена...

В с е. Мергена...

М а т ь Р о д а. ...Мергена, сына Сардара, убитого ханом. Он скрывается там, вон в тех далеких горах, в верховьях ручья... Народ скрыл его от злобной мести хана... Скажи ему: народ верит в тебя, Мерген, народ ждет тебя, народ — с тобою! Салем тебе, Мерген!

Д е д. Все передай ему, Ожет! Да смотри, будь осторожна! Ханские слуги рыщут повсюду! Они выследят тебя, а за тобой и Мергена! Не погуби Мергена, Ожет! Иди!

М а т ь. Иди, Ожет, иди, сестренка!

Д е в о ч к а. До свиданья, Ожет!

М а л ь ч и к. Передай привет Мергену! (*Отводя Ожет в сторону.*) Да ты не бойся за стариков, иди спокойно: я же остаюсь с ними!

О ж е т. О, я спокойна! Я верю, что ты не даешь их в обиду!

П е с н я О ж е т:

Нет такой у тучи плети,

Чтобы с неба в бездну вод

Звезд согнала хоровод!

Нет таких цепей на свете,

Чтобы сковать народ.

Веет в поле буйный ветер,

Нет ему таких помех,

Чтобы сдержал он вольный бег!

Нет такого зла на свете,
Чтоб умолкнул смех!

Если зло нас больно ранит,
Наша песня нам твердит:
Смело, братья! Путь открыт!
Ночь минует, утро встанет,
Солнце победит!
(*Уходит под пение.*)

З а н а в е с

Лес. Скалистые дикие уступы – жилище горного духа – старухи Лаулы.
С гор, змеясь, сбегает ручей.

О ж е т (*приближаясь с песней*).
Если зло нас больно ранит,
Наша песня нам твердит:
Смело, братья! Путь открыт!
Ночь минует, утро встанет,
Солнце победит!
(*Появляется на сцене.*)
Солнце победит!

(*Прислушивается, оглядывается.*)

Тишина-то какая!.. Никого... А вот и ручей... Старая мать говорила, что Мерген живет в верховьях ручья... Окликнуть его, что ли? (*Поворачивается к верховьям ручья, окликает.*) Мерген! (*Прислушивается. Скалы зловеще отвечают эхом: Мерген!*) Ого! Кто это разговаривает со мной? Кто-то послал мне мой оклик обратно! Кто это?.. А ну-ка я попробую поговорить иначе. (*Кричит.*) Эй, труссы, зайцы, верблюды шелудивые, глупые трещотки, попугай, шуршуты неразумные, откликнитесь! (*Прислушивается. Молчание. Смеется.*)

То-то! Молчат. Себя признали! На меткое слово ничего не ответишь!... Но где же Мерген? Кричать я больше не буду, вдруг услышат ханские слуги? Пойду дальше к верховьям ручья...

(*Трубит рог. Звук его приближается.*)

Кто это? Охотники, что ли? Спрячусь пока, а там видно будет!

(Прячется в расщелине горы. Осторожно пробираясь среди листвы и камней, на сцену выходит хан в сопровождении двух вооруженных нукеров.)

Х а н *(оглядываясь кругом)*. Кажется, здесь!

Н у к е р *(оглядываясь)*. Здесь, мой повелитель! Вот ручей, скала и разбитый громом дуб...

Х а н *(нукеру)*. Острие моего меча соскучилось по рабу, который хочет скакать впереди хана! Осади свою клячу, Ма-лай! *(Нукер падает ниц.)*

Х а н *(другому нукеру)*. Взеги вон на ту скалу, оглядись: одни ли мы? Нет ли кого вокруг? Если увидишь, пошли ему от меня салем из твоего лука! *(Делает жест, будто натягивает тетиву и пускает стрелу.)* Да смотри, не промахнись!

Второй нукер склоняется перед ханом и опрометью убегает.
Через минуту он появляется на одной из вершин и оглядывает окрестности.

2-й н у к е р *(сверху)*.

Никого нет, мой повелитель!

Кругом пустынно и тихо!

Х а н. Спускайся!

(Нукер спускается назад. В это время хан вынимает меч, чертит на земле круг и становится в него. Нукеры в страхе стоят в стороне на коленях.)

О ж е т *(в публику)*. Хан! Сам хан – кровопийца! Враг Мергена!

Х а н.

Расступись, земля!

Раздвиньтесь, утесы!

Ветры буйные, вейте, вихрем кружитесь!

Небо, на землю огнем пади!

Явись, Лаула, явись!

Шум бури, гром, сверкание молнии; солнце меркнет; в свисте ветра из расщелины появляется грозная старуха Лаула, страшная, безобразная видом.

О ж е т *(тихо)*. Ну и красавица! Отворотясь не налюбуй-ешься!

Л а у л а. Звал меня, хан?

Х а н (*выходя из круга*). Повелитель людей пришел к повелительнице духов!

Л а у л а. Что нужно хану?

Х а н. Есть слово к тебе!

Л а у л а.

На сраженье с войском иди!

На совет — один выходи!

(*Указывает ему на нукеров.*)

Х а н (*нукерам*). Ступайте к коням. Ждите меня! (*Нукеры скрываются.*)

Л а у л а. Слушает ухо мое!

О ж е т (*тихо*). И мое тоже! Твое да мое — вот и пара!

Х а н (*делая заклинательные знаки, приближается к Лауле*).

Повелительница громов,

Молнии блеск в глазах твоих,

Туч темнота в одежде твоей,

Четыре ветра в твоих рукавах,

Леса и горы — жилище твое!

Л а у л а. Знаю. Зачем пришел?

Х а н.

Хан, повелитель многих рабов,

Сильнейший из всех земных владык,

Союз предлагает тебе!

(*Лаула спускается по уступам.*)

О ж е т (*тихо*). Ой-бай! Не жениться ли он на ней хочет? Ну что ж, говорят же люди: не красавица красива — любимая красива!

Л а у л а (*хану*). Чего требуешь? Что обещаешь?

Х а н. Власти великой хочу!

Л а у л а.

Хан, повелитель многих рабов,

Сильнейший из всех земных владык,

Власти просит?

Х а н.

Да!

Как ты сладишь с диким конем,

Если нет на него узды?

Поскачи, попробуй, на нем!

Как расправу найдешь с огнем,

Если нет в достатке воды?

Дикий конь — народ — восставал,
Закрутилось пламя кругом, —
Я мечом коня удержал,
Тот пожар я кровью залил,
Трон поставил я из могил, —
И погиб мятежник — Сардар,
Тот, что мне раздувал пожар!
О ж е т (*тихо, в ужасе*). Сардар! Мергена отец!
Х а н.

У Сардара отросток есть,
Молодой мятежный Мерген!
Тот щенок не попал мне в плен,
Точит где-то на хана мечь,
Роет где-то незримый ход,
Мощь колеблет дворцовых стен,
Искру пламени он несет, —
Укрывает его народ!
Жив Мерген — неспокоен хан, —
Ханской власти в Мергене бич!
Ханской власти в Мергене страх!
Где-то здесь он скрылся в горах:
Бьет в моих урочищах дичь,
Кормит тех, кто мщенье таит...
Этот враг должен быть убит!

Л а у л а.
Мергена убить,
Обессилеть народ,
Всех покорить.
Сокровища всей страны
Бросить к твоим ногам, —
Так?

Х а н. Так!

О ж е т (*в ужасе тихо*). Гнилое слово из гнилого рта и вылетает! Погубить Мергена? Убить надежду нашу? Не дадим! Не дам! Мерген, солнце наше, сила наша! Только бы мне найти тебя, предупредить! (*Скрывается в верховьях ручья.*)

Л а у л а.
Я должна тебе
Помогать в борьбе? —
Но победу взять не легко
И цена за нее не мала!

Х а н. Что потребуешь? Говори, Лаула!
Л а у л а.

Хан ли, раб ли,
Пахарь иль воин, —
Все вы люди в моей руке
И никто плевка Лаулы недостоин!
Вот мой ответ:
Помогать тебе? Для тебя?
Нет!

(Хан отступает.)

Стой! Не беги!

Знай: у тебя со мной
Одни и те же враги:
Твой враг — и мой враг,
Твоя беда — и моя беда,
Помогать тебе — для себя? —
Да!

(Хан ликует.)

В борьбе с людьми
Помогу тебе я.
Доля же твоя —
Мне помочь победить учителя власть.

Х а н. Учителя власть?
Л а у л а.

Мудрость народная
Седобородая,
Вечно юная
Послала двоих,
Двое, двое, двое их!
Юноша — первый,
Мальчишка — второй
Вышли в битву со мной!
Они сильнее тебя,
Знание, мудрость, свет в их руках
Будет великий бой!
Но с тобой вдвоем
Мы победу возьмем,
Зубами вырвем ее!

Х а н. Говори! Я готов!

Лаула.

Встречи с Мергеном этих двоих
Не допускай!
Излови мне их,
А я уничтожу их!
С Птицей Счастья встречи этих двоих
Не допускай!
Подстрели ее, хан!
Мергена, двоих и птицу — не победить!
Силу и мудрость в счастье — не победить!
Мы вдвоем
В одиночку их перебьем!
(С усмешкой.)
Правда, тебе не мало и надо, —
И все ж
Я тебе увеличу награду,
Если помощь твоя не ложь!
А солгал — так умрешь!

Хан (*гордо*). Ханское слово — крепкий утес!

Лаула.

Хочешь видеть награду свою,
Что тебе я даю?

Хан. Хочу, покажи, Лаула!

Лаула.

Слушай же, хан!
Словно заря светила,
Есть у Мергена сестра,
Золотокосая Арман.
В ней — великая сила его,
Без нее не сможет он ничего,
Это — крылья мечты его, —
Отними ее у него!
Обессиль его и народ.
Всю копну золотых волос,
Всю красу молодой Арман
Я тебе за это отдам!
Посмотри же, что тебя ждет!

(Указывает на ручей. Хан оборачивается. По ручью, змеясь, проплывает золотой волос, сверкающий в струях воды.)

Хан *(бросаясь к ручью, пытается схватить волос, но тот скользит и уплывает)*. Волос! Золотой волос!

Лаула. Только один волос! А ведь их — толстые косы!
Хан. Только один волос! Как же она должна быть прекрасна!

Лаула (*насмешливо*). Уже влюбился? Не плоха награда, э?

Хан (*быстро*). Я разыщу ее! Я отниму ее!

Лаула.

Запри во дворце ее,
Чтоб не видел народ ее!
Сила великая в ней!

Хан (*собираясь*).

Будет Мерген убит,
Будет народ покорен,
Будет Арман моей!

Лаула.

Ты с Мергеном не справишься сам!
В помощь тебе я сына отдам!
(*Оборачивается, кричит.*) Тарагай!

Раздается грохот. С дикой песней приближается сын Лаулы,
великан Тарагай.

Тарагай.

Э-Э! Ай-о-э!
Я в пути преград не знаю!
С горы на гору шагаю,
Э-э! Ай-о-э!
Только пикни — будет хуже:
Как сдавлю тебя потуже —
Так и скис — осталась лужа!
Э-э! Ай-о-э!
Сапогом валю утесы,
Кулаком их под откосы!
Прочь с пути, молокососы!
Э-э! Ай-о-э!

Лаула. Хороша моя помощь, хан?

Хан. М-да, недурна!

Лаула. Сила — его, ум — твой, хан!

Тарагай.

Кого давить надо? Э-э? Моя нога наготове!

(Поднимает огромную ногу)
Кого погладить надо? Э-э?
Кулак недалеко!
(Поднимает огромный кулак)

Лаула.

Хан скажет тебе, Тарагай!
(Хану.) Скрепим клятвой наш союз!

Хан. Я готов!

Тарагай. Э-э, ай-оэ! Я тоже!

Лаула.

Кровью твоей
Ты обмажешь полу одежд моих,
Кровью моей
Я покрою клинок твоего меча!

(Хан хочет ножом порезать себе палец, чтобы достать крови.)

Тарагай. Ай-о-э! Я помогу тебе!

Хан. Нет, спасибо! Ты мне всю руку отхватишь!

Хан обмазывает своей кровью полу одежды Лаулы —
показать красный лоскут. Лаула покрывает своей кровью обнаженный
меч хана — меч вспыхивает, как раскаленный.

Из-за скал приглушенно звучит хор духов — слуг Лаулы.

М.б. духи повторяют, как аккомпанемент, те же слова клятвы.

Лаула *(хану)*. Клянись!

Хор. ...клянись, клянись...

Хан.

Славой и троном,
Мечом, обагренным
Кровью Лаулы, клянусь,
Силой и властью,
Горем и счастьем,
Жизнью и смертью клянусь!

Лаула.

Мраком и тьмою,
Водой и землею,
Вихрем и бурей клянусь!
Холодом, мором,
Голодом скорым,
Страшную местью клянусь!

Т а р а г а й.

Э-э... Ай... э-э...

Этой рукою,

Этой ногою клянусь...

Э-э... Ай... э-э...

Х а н. Слово мое — утес!

Л а у л а. Слово мое — огонь!

Т а р а г а й.

Слово мое... (*Грозно.*)

Меня не тронь!

(*Хан и Лаула соединяют концы рук.*)

Л а у л а. Идите! (*Духи умолкают.*)

Хан с Тарагаем уходит под песню великана. Лаула поднимается по уступам и со злым хохотом исчезает в скалах.

Минута молчания. Где-то наверху у ручья раздается звонкая, как колокольчик, песня. Через несколько секунд, беспечно прыгая с камня на камень, появляется Арман. Косы ее чуть заметно поблескивают из-под покрывала.

А р м а н (*смотрит в воду ручья*).

Где ты, мой волосок?

Отзовись на голосок!

Ты сломал гребешок,

Ты упал в ручеек

И уплыл!

А я никак не могу тебя найти! Вот!

Никогда больше не буду причесываться! И гребешки ломаются, и волосы рвутся.

(*Повторяет песню.*)

М е р г е н (*поспешно входит с подстреленным зверем — барсом, тигром — и дичью за спиной*). Значит, я не ослышался! Это — голосок моей Арман! Сестренка моя! Ты здесь?! Как ты попала в это недоброе место?

А р м а н (*ластясь к нему*). Не сердись на меня, Мерген-ага! Я... нечаянно... Я... больше никогда не буду!

М е р г е н (*сбрасывая ношу на землю*). Ах, дитя, дитя! Неужели я напрасно повторял тебе мои наставления? Твои маленькие ушки не хотят слушать их!

А р м а н (*виновато*). А зачем ты мне гребешок такой сделал? Я расчесывала мои косы, а гребешок сломался и обо-

рвал один волос... Я и оглянуться не успела, как он упал в воду и уплыл... Я хотела догнать его...

(Мерген качает головой.)

Ведь ты же сам говорил мне, что я должна прятать свои волосы! Ну... я же хотела сделать лучше, догнать и выловить волос, чтобы он никому не попался...

М е р г е н *(обнимая ее)*. ...а сделала хуже! Подумай, Арман, что было бы с твоим бедным братом Мергеном, если бы не один твой волосок, а вся ты со всеми твоими косами пропала?

А р м а н *(прижимаясь к нему)*. Не говори так, Мерген-ага! Ну, кто захочет разлучить нас? Посмотри, как хорошо кругом!

Мне песенку поет ручей,
Струей звеня,
И хоры птиц – моих друзей
Зовут меня,
И вижу я – весь мир мне рад,
Мечтой увит...
Один Мерген, мой старший брат,
Меня бранит...

(Мерген смеется.)

А посмотри на горы, Мерген! У них белые шапки... какие они высокие! Это – родина орлов, Мерген, да?

М е р г е н. Да, дитя, это – родина орлов!

А р м а н. Я хотела бы побывать на белых вершинах... Для этого нужны крылья – большие, крепкие крылья. У тебя есть крылья, Мерген?

М е р г е н. Когда ты со мною – есть...

А р м а н. А ты можешь взлететь на них туда, на самые высокие горы?

М е р г е н. Когда ты со мною – могу!

А р м а н. Лети же, Мерген! Только возьми и меня с собою!

М е р г е н. Возьму... *(меняя тон)* если ты будешь меня слушаться!

А р м а н. Мерген... скажи мне: почему мы должны прятаться здесь, как мышки, когда они ястреба увидят? Почему ты велишь мне всегда покрывать мои волосы? Ты много рассказывал мне о нашем великом, добром народе, ты ска-

зал, что мы — его дети... Почему же мы с тобой живем вдали от него?

М е р г е н. На свете много зла, Арман...

А р м а н. Зла? А что такое зло?

М е р г е н. Зло? Это боль, слезы, тоска; это — голод, холод, болезни; зло обижает слабых, мучает правдивых, обманывает, отнимает последний кусок хлеба, убивает...

А р м а н. Убей зло, Мерген, ты же сильный!

М е р г е н. Если ты будешь со мною — убью!

А р м а н. Так зачем же мы прячемся? Идем сейчас!

М е р г е н. Зло убило нашего отца, отважного Сардара. Я был тогда маленьким мальчиком, Арман, а ты — совсем малюткой, едва говорить училась. Злой хан хотел убить и нас. Но добрый народ скрыл нас от хана — и вот мы живем. Арман, дитя мое, мы с тобой должны жить для народа, он заменил нам отца и мать, он вырастил нас... Теперь наш бедный народ страдает...

А р м а н. Опять — хан?

М е р г е н. Да, Арман, опять злодей мучает его... Народ повторял мне: — Расти, Мерген, набирайся сил, крепни — и отомсти! Освободи нас, Мерген, от злого хана! — И я копил в себе силу, я ходил один на дикого зверя, я руками камни от скал отрывал, я пинком валил столетние дубы... Я готов, но... Арман, крыло мое, как я оставлю тебя? Ты еще дитя, я не могу, чтобы ты терпела невзгоды походов, а без тебя я бессилён... Расти, Арман, расти, мечта народа...

А р м а н (*становится на высокий камень*). Я выросла, Мерген! И я никуда не пущу тебя одного! Народ ждет нас!

(*Издали доносится голос Ожет.*)

О ж е т. Мерген! Мерген!

А р м а н. Это народ зовет нас!

(*Вбегают Ожет.*)

О ж е т. Опять то же место! Неужели я заблудилась?
(*Видит Мергена, делает поклон ему.*)

Славный батыр, не укажешь ли ты, как мне найти Мергена, сына Сардара?

М е р г е н. Это я.

О ж е т. Мерген! (*Секунду стоит в восхищении.*)

А р м а н. А я — его сестра Арман.

О ж е т (*в сторону*).
Недаром сердце билось, как птица,
Что в ясную даль на крыльях стремится,
Недаром солнцем наполнился мир, —
Прекрасен Мерген-батыр!
(*Мергену тревожно.*) Спасайся, Мерген!
М е р г е н. Спасаться? Мне? От чего?
О ж е т (*торопясь, тревожно*). Народ послал меня к тебе,
Мерген-батыр! Салем тебе шлет народ!
М е р г е н. Поклон народу от сына!
О ж е т. Народ изнемогает, Мерген... Голод, нужда точат
его силы... Народ верит тебе, ждет тебя, народ с тобой, Мер-
ген... Все, все... Даже маленькие дети знают твое имя... Так
должна была сказать я тебе... Но когда я шла к тебе... (*Огля-
дывается по сторонам.*)
М е р г е н (*спокойно*).
Не бойся, говори, я с вами!
Я встретила хана... Он вызывал
Старуху Лаулу... Злую, безобразную...
Они сговаривались... убить тебя!
А р м а н (*в ужасе*). Убить Мергена!
О ж е т.
Они готовятся к бою! Спасайся,
Мерген! Они здесь, близко!
А р м а н. Убежим, Мерген!
М е р г е н (*спокойно*). Убить меня? Ну что ж? Мой отец,
Сардар, говорил: дерзновение разбивает или камень, или
голову... Мой отец разбил голову... Камень разбить попро-
бую я!
О ж е т. Да будет счастлив твой путь, батыр!
М е р г е н. Как твое имя, девушка?
О ж е т.
Ожет, дочь народа, батыр! Та, что
хочет быть стремящем твоего седла,
тетивой твоего лука, лезвием твоего меча!
М е р г е н. Ну что же? Вот нас уже трое, а с нами весь на-
род...
О ж е т.
Так, батыр! Бояться нечего! Герой
умирает один раз, трус — тысячу раз!

Я пойду с вами! Кто разделся, тот воды не побоится!
Глаза пугливы, да руки смелы!
Арман. Какая ты хорошая, смелая, веселая, Ожет!
Мерген. Таков весь наш народ, Арман!

Где-то наверху раздается высокий отчаянный крик. Скатываясь по уступам, к ногам Мергена падает подстреленная Птица Счастья.

Ожет. Кто это?
Арман (*бросаясь к Птице Счастья*). Птичка, бедненькая! Кто тебя ранил?

Мерген (*наклоняясь*). Голубая Птица Счастья!

Птица Счастья:

Я над горной цепью пролетала,
Возвращалась я из дальних стран...
Или впрямь на свете горя мало?
Подстрелил меня жестокий хан!

Но злодейство хану не простится, —
Горе на него теперь легло!
Подстрелить людского счастья птицу—
Это — непροщаемое зло!

Арман. Опять этот хан! Мерген, победи его!

Птица Счастья:

Добрые, хорошие люди! Батыр,
девушки, сестры мои! Спасите меня,
спасайтесь сами! Злой хан близко...
Он добьет меня и погубит вас...

(*Бессильно склоняет голову.*)

Мерген. Идемте, сестры мои! Укроем раненое
Счастье! Поплатится хан за все свои злодеяния!

Мерген и Ожет помогают Птице Счастья подняться — м.б., Мерген сажает ее себе на плечо — и увлекают в верховья ручья. Арман следует за ними, потом в раздумьи останавливается. Они, не замечая этого, удаляются в горы.

Арман (*одна*). А как же барс? А дичь? Мерген достал их для народа... Нельзя же бросить их здесь! Я все возьму с собой!

Сбегает вниз, наклоняется над битым зверем. Ноша ей тяжела, она старается взять ее поудобнее. Внезапно врываются хан и Тарагай. Арман мечется: хан обежал ее с одной стороны, Тарагай надвигается с другой, — “Э-э, ай-о-э!” Она хочет крикнуть, хан, как рысь, накидывается на нее, схватывает и зажимает ей рот. Арман бьется у него в руках.

Т а р а г а й. Помочь тебе, хан, попрдержаться девчонку?

Х а н (*Тарагаю*). Не ори! Горы дрожат от твоего рева!

Т а р а г а й (*тише*). Помочь? Я легонько!...

Х а н. Не надо!

Т а р а г а й. Чуть-чуть!

Х а н. Твое “чуть-чуть” деревья валит! Я бегу, а ты оставайся здесь!

Т а р а г а й. Нет, и я с тобой!

Х а н. Твоя мать Лаула приказала тебе слушаться меня! Ну? Вот я расскажу ей, как ты слушаешься!

Т а р а г а й. Ай-о-э! Не надо! У моей старухи нрав крутой и когти острые!

Х а н. То-то! Сиди! Сейчас примчится сюда брат этой девчонки — Мерген. Задержи его, а если сумеешь, так пристукни!

Т а р а г а й.

Стукнуть? Можно!

Только пикнет — будет хуже:

Я сдавлю его потуже,

Скиснет он — прольется лужа, —

Э-э, ай-о-э!

Х а н (*убегая с Арман*). Дубина! Ишак лесной!

Т а р а г а й (*один, садится*).

Дай дорогу Тарагаю,

Я в пути преград не знаю,

С горы на гору шагаю

Э-э! Ай-о-э!

Вбегает Мерген, за ним Ожет.

Т а р а г а й (*поднимаясь*). Прочь с пути, молокососы! Э-э, ай-о-э!

О ж е т. Ой, бай! Вот уж правду говорят: “драгоценности в горах ищи”! Ну и откопали мы клад! Не сродни ли ты давешней старушке?

М е р г е н (*обнажая меч*). Сам уступи дорогу! Ступа деревянная!

Т а р а г а й (*обрушиваясь на Мергена*). Р-р-р-раздавлю! Я — сын Лаулы Тарагай! (*Мерген ловко отскакивает в сторону, Тарагай с грохотом валится на скалы.*)

О ж е т. Старый знакомый, значит? Люди говорят — “со знакомым врагом воевать легче”!

Схватка Мергена с Тарагаем. Ожет подбадривает Мергена. Через несколько мгновений Тарагай падает, сраженный мечом Мергена.. Гром, вихрь пронесится над его трупом.

М е р г е н.

Первая месть за тебя, отец!

Первая месть за тебя, народ!

(*Вытирает свой меч и вкладывает в ножны. Обращаясь к Ожет.*) Спасибо, Ожет! Ты — верный боевой друг!

О ж е т. Меня послал к тебе народ, батыр! Это народ помогал тебе!

М е р г е н (*оглядываясь*). А где же Арман? (*Кричит.*) Арман! Арман!

О ж е т. Арман! Откликнись! Арман! (*Скалы зловеще отвечают эхом: “Арман!”*)

О ж е т. Опять! Опять кто-то послал обратно наш оклик! Арман (*Наклоняется и поднимает ханский султан.*) Что это?

М е р г е н (*в ужасе*). Ханский султан!

О ж е т (*так же*). Здесь был хан?... Арман...

М е р г е н (*шатаясь*). Арман! Крыло мое! Сила моя! Арман! (*Падает, как подкошенный.*)

О ж е т (*бросаясь к нему*). Батыр, опомнись, батыр! Мерген-ага! Слушай меня, батыр, слушай голос народа!

Что наш меч, коль нет закала?

Что без мужества герой?

Встань, Мерген! Спешу на бой!

Птица Счастья нас послала

За твоей сестрой!

У Мергена — Счастья птица,

Рядом с ним — его Ожет,

За него — весь мир, весь свет,

Весь народ за ним стремится,
Ждет его побед!
(*Мерген поднимает голову, Ожет старается поддержать его.*)

Без мечты и мысль бескрыла,
Без Арман народ убит...
Поднимайся! Путь открыт!
С нами — правда, с нами — сила,
Солнце победит!

З а н а в е с

Занавес опущен. В зрительном зале в разных концах его появляются герольды со свитком ханского указа и фанфарой в руках.

1-й г е р о л ь д (*трубит фанфара*). Слушайте ханский указ!

Хан, повелитель многих рабов, сильнейший из всех земных владык, повелевает всем:

Два злодея бродят по ханской земле.
Юноша — первый, мальчишка — второй.
Не имеют родни и крова.
Говорят, что Мудрость послала их,
что родня их — весь подлунный народ.
Серебрянный перстень на пальце их.

Да не будет защитой им закон!
За поимку — награда, за укрытие — смерть!

2-й г е р о л ь д (*трубит фанфара*). Слушайте ханский указ!

Хан, повелитель многих рабов, сильнейший из всех земных владык, повелевает всем:

По запретной ханской земле бродит вор — охотник Мерген.
Травит ханскую дичь, зверя бьет, дорогие крадет меха.

Да не будет защитой ему закон.
Разыскать мятежника, взять живым и в ханский дворец привести!
За поимку — награда, за укрытие — смерть!

3-й г е р о л ь д (*трубит фанфара*). Слушайте ханский указ!

Хан, повелитель многих рабов, сильнейший из всех земных владык, повелевает всем:

Ищет себе служанку хан. Женщинам всем
И девушкам всем подвластных ему земель,
сметливым, крепким, выносливым, ловким в
труде — явиться на площадь перед его дворцом.
Всем, кто укроется, — смерть!

З а н а в е с п о д н и м а е т с я .

Декорация предшествующего действия. Ручей струится с гор. Почти одновременно с двух противоположных сторон появляются Азат и Шалкар. Оба настороженно оглядываются по сторонам, но не замечают друг друга. Оба с разных сторон подходят к ручью — они томится жаждой. Оба наклоняются, чтобы напиться, оба одновременно поднимают головы и видят друг друга. Испуганно отскакивают в разные стороны.

А з а т (*тихо в сторону*). Ханский шпион!

Ш а л к а р (*так же*). Соглядатай хана!

А з а т (*так же*). Меня разыскивают!

Ш а л к а р (*так же*). За мою голову обещана награда!

А з а т (*так же*). Посмотрю, куда он пойдет?

Ш а л к а р (*так же*). Ну-ка, что будет делать этот мальчишка?

А з а т (*так же*). Я же не испугался? Вот сяду и все! (*Садится по одну сторону ручья.*)

Ш а л к а р (*так же*). Трус я, что ли? Мальчишки бояться! (*Садится по другую сторону ручья. Оба, скосившись, наблюдают друг за другом. Внезапно в ветвях над ручьем громко чирикает птица. Оба вскакивают, смотрят на дерево, потом друг на друга. Снова садятся.*)

Ш а л к а р (*в сторону*). Эге! Тому, видно, тоже не сладко! (*Азату громко:*) Это птичка, друг! Дрозд!

А з а т (*в сторону*). А тот ведь тоже испугался! (*Шалкару громко:*) Нет, иволга!

Ш а л к а р. Дрозд ли, иволга ли — все не человек... не злой человек...

А з а т (*настораживается*). ...Не злой человек... (*Оба настороженно несколько раз окидывают друг друга взглядом.*)

А з а т. Ты... напиться хотел?

Ш а л к а р. Да.

А з а т. Я тоже.

Ш а л к а р. Я устал.

А з а т. Я тоже. Я долго шел... И пробирался сквозь чашу...

Ш а л к а р *(с оттенком удивления)*. Я... тоже... *(Внимательно смотрят друг на друга.)* Я... голоден...

А з а т *(поднимаясь, не сводит глаз с Шалкара)*. Я тоже...

Ш а л к а р *(так же)*. А знаешь ли ты, что говорит путник путнику, когда оба голодны?

А з а т. Разделим кусок хлеба.

Ш а л к а р. Истинно так! Разделим кусок хлеба! *(Каждый на своем берегу развязывает свой дорожный узелок. Одновременно вынимают и встряхивают платок учителя. В изумлении застывают на секунду. Потом каждый расстилает свою половинку на своем берегу.)*

Ш а л к а р. Нет, нехорошо. Разве так делят кусок? Ты — на том берегу, я — на этом... Надо сесть рядом...

А з а т. Верно! Я, младший, должен идти к старшему. Перепрыгивать мне. *(Собирает с травы свои пожитки.)*

Ш а л к а р. Как твое имя, дитя?

А з а т. Азат. А как я должен звать тебя, ага?

Ш а л к а р. Шалкар. Вот моя рука, Азат! Держись крепче, я помогу тебе. *(Протягивает мальчику руку через ручей. На пальце у него сверкает перстень.)*

А з а т *(в сторону)*. Перстень учителя! *(Как зачарованный, протягивает навстречу Шалкару руку, на которой сверкает такой же перстень.)*

Ш а л к а р *(в сторону)*. Перстень учителя! *(Громко.)* Ко мне, Азат!

А з а т. Иду, Шалкар-ага! *(Подают руки друг другу, Азат перепрыгивает через ручей.)*

Ш а л к а р. Расстелем наши платки, Азат! *(Соединяют половинки платка. Один и тот же узор вьется с половинки на половинку. Шалкар поднимает взгляд.)* Крылья крепи! Взлетай высоко!

А з а т *(подхватывая)*. Крылья победы — крылья борьбы! *(Падают друг другу в объятия.)*

Ш а л к а р.

Узнают ли пальцы, в тиски

Охватив копьё или плуг,
Что они от одной руки?—
Друга так опознает друг!
Так говорил наш учитель, Азат!

А з а т. Я боялся остаться один...

Ш а л к а р. ...И вот нас уже двое, Азат!

А з а т. А все птица помогла!

Ш а л к а р. Дрозд...

А з а т. Нет, иволга... *(Смеются.)* Слышишь, опять поет...
(Раздается голос Птицы Счастья. Оба прислушиваются.)
Нет, это не та... У этой другой голос...

П т и ц а С ч а с т ь я.

Дружбу светлой властью
Жизнь благословила!
Дружба — это счастье,
Дружба — это сила!

Сердце загорелось,
Сердце ищет света...
Дружба — это смелость,
Радость и победа.

Ш а л к а р. Да... А ты слышал ханский приказ? Нас разыскивают, за наши головы обещана награда...

А з а т. Слышал. Я прятался, потому что был один.

Ш а л к а р. И я тоже.

А з а т. Но теперь нас двое и...

Ш а л к а р. Пожалуй, нас трое! Ты слышал второй указ? Хан разыскивает какого-то смельчака Мергена. Нам с ним, наверное, по пути. Вот если бы вместо хана разыскали его мы. *(Слышны голоса.)* Слышишь? Кто-то идет... Прячься пока! Может быть, это ханские слуги!

Азат и Шалкар прячутся за утес. Появляется Мерген. Он в полном вооружении, но голова его поникла; он идет, как замороженный, и падает у ручья в изнеможении. Ожет поддерживает его.

О ж е т. Мужайся, батыр! Хорошее начало хороший конец обещает! Один враг уже сражен: Тарагай лежит, как пустой саба, из которого весь кумыс выпит! Все будет хорошо!

М е р г е н *(почти стонет)*. Хан... Старуха Лаула... Моя

Арман, сила моя в их руках... Ожет, Ожет, бессилён я без Арман... *(Опять склоняет голову.)*

О ж е т. Нет, Мерген, с тобой народ, а народ захочет — и бездну перескочит!

А з а т. Слышишь, Шалкар? Это — Мерген!

Ш а л к а р. Слышу. Мы должны подойти! *(Выходят из своей засады. Приближаются. Ожет оборачивается на шорох, видит двух друзей и с быстротой молнии бросается к Мергену, стараясь скрыть его собою. Несколько секунд молчания.)*

О ж е т. Думаешь — нет волков? Взгляни в овраг. Думаешь — нет врагов? Загляни под свою шапку. Откуда вы взяли?

А з а т. Мы не враги!

Ш а л к а р. Рядом с прямым стволом корявый пень не ляжет. Мы не враги. Здравствуй, девушка!

О ж е т *(неуверенно)*. Салем вам, братья...

Ш а л к а р. Что с батыром?

А з а т. Он бился?

Ш а л к а р. Он ранен?

А з а т. Не нужна ли наша помощь?

О ж е т *(отступая в сторону, открывает друзьям Мергена)*. Это — Мерген батыр. *(Оба друга отдают салем.)* Он бился с великаном Тарагаем...

А з а т *(живо)*. Его враг остался жив?

О ж е т.

Где сильный верблюд пройдет,
там груз неподнятый не останется!

(Указывает на Тарагая.)

Ш а л к а р *(склоняясь над Мергеном)*. Что же сразило батыра?

О ж е т. Что?.. Вот... слушайте... *(Шалкару.)* Слушай, брат мой! Убивал ли кто-нибудь у тебя отца? *(Азату.)* Мучил ли кто-нибудь до смерти твою бедную мать? *(Обоим.)* Скрывались ли вы с детства в глухом лесу, в тесниках гор, чтобы злой враг не перенес мести своей с отца на дитя? *(Шалкару.)* Была ли у тебя малютка — сестра, кровью отца твоего завещанная тебе? Крыло твоё, сила твоё? Отнимал ли её у тебя злобный, непримиримый враг? Томился ли ты, одинокий и бессильный? *(Во время её слов от каждой новой фразы Мерген корчится, как от ударов плети.)*

О ж е т. И тогда... Что было с тобою, когда народ, простой, обездоленный, плачущий народ приходил к тебе?

Ш а л к а р. ...и говорил тебе: вставай, Мерген, вставай, сын мой! Я с тобой!

А з а т. ...даже маленькие дети знают твое имя, Мерген!

О ж е т. ...ты — надежда наша, Мерген!

Ш а л к а р. ...ты — защита наша, Мерген!

А з а т. ...старший брат наш, Мерген...

О ж е т. Просыпалась ли тогда в тебе месть?

Ш а л к а р. Рождалась ли новая сила?

А з а т. Жалел ли ты детей народа?

О ж е т. Не поднималась ли твоя голова?

Ш а л к а р. Не стыдился ли ты своей слабости?

А з а т. Не схватывал ли ты свой меч и лук?

О ж е т. Не шел ли побеждать?!

(Во время этих слов Мерген постепенно замирает, вытягивается, поднимается, схватывает свое оружие, становится во весь свой рост.)

М е р г е н. Да... Прости, народ мой... В моей печали я забыл о тебе... Забыл, что у нас с тобой общее горе...

Ш а л к а р *(Азату)*. Вот зачем послал нас учитель!

М е р г е н *(друзьям)*. Кто вы? Откуда вы, друзья мои?

Ш а л к а р.

Шалкар и Азат, крылья твои, батыр.

Мы посланы к народу мудрым учителем.

О ж е т. Мудрым?.. Мужайся, Мерген! Руки поборют одного, мудрость — тысячу...

М е р г е н. Ну что же, крылья мои, да будет дружба между нами! *(Протягивают руки друг другу.)* Ожет, смотри: нас уже четверо!

О ж е т. ...а за нами — весь народ!

М е р г е н. Но нет во мне настоящей силы, пока не со мною Арман! Братья, Ожет, я помчусь по следам хана, я верну из плена мою сестру, а вы задержите старуху Лаулу, отвлеките ее от погони за мной и поддержите без меня осиротевший народ! Не давайте его в обиду! А я вернусь с Арман — и с нею мы будем непобедимы! Прощайте, друзья! *(Останавливается.)* Ожет, думай обо мне! *(Убегает.)*

О ж е т. Да будет каждый шаг твой счастлив, батыр!

Ш а л к а р. Возвращайся с Арман!

А з а т. Возвращайся с победой! (*Садятся на камни.*)

Ш а л к а р. Ну что же? И нам нельзя дремать! Надо помогать Мергену!

О ж е т. Верно, Шалкар! Хорошее слово – половина счастья. Умный думает – решительный сделает!

А з а т. Надо спасти его сестренку! (*Грустно.*) У меня тоже была сестра в ауле...

Ш а л к а р. Нет, не так... Девушку спасти тоже неплохо, но когда весь народ погибает, есть дела поважнее!

А з а т (*ворчливо*). Поважнее! А это тебе не важно, что хан девочку украл?

Ш а л к а р. Ожет, расскажи ему: сколько девочек хан украл у твоего народа? Сколько он убил твоих братьев? Сколько замучил и бросил в темницы?

А з а т (*вскакивая*). Ты... ты думаешь, что я маленький и, значит, глупый? И ничего не понимаю?

Ш а л к а р. Я думаю, что учитель послал нас к народу и что мы должны идти в народ... Да еще теперь, когда Мерген далеко! Разве Лаула простит смерть своего сына? Разве мы имеем право бросить беззащитные аулы?

А з а т. Но ведь девушка унесла с собой силу и Мергена, и народа! Старшие никогда не соглашаются с детьми! Ладно, Шалкар! Учитель говорил мне, что сердце подскажет мне верный путь... Мое сердце говорит мне: “Помогай Мергену спасти Арман!” Вот и все! (*Пауза. Грустно.*) Прощай, Шалкар! Я не думал, что мы так скоро разойдемся... (*Собирается.*)

Ш а л к а р (*грустно*). Ну что же, Азат... Видно, у каждого свой путь... Прощай...

О ж е т (*горячо*). Одинокому джигиту бием не быть, одному дереву домом не стать! Куда ты, Азат?

(*Слышится голос Птицы Счастья. Все трое замирают на месте.*)

Песня Птицы Счастья:

К солнцу крылья стремится орел,

К солнцу море шлет облака,

К солнцу дуб устремляет ствол.

А жасмин – лепестки цвета.

В небе синем солнце одно,

А пути различны к нему!

Но коль сердце рознью полно, —

То и днем не рассеет тьму!

(Оба друга с улыбкой поворачиваются друг к другу.)

Ш а л к а р. Я сделал ошибку, Азат!

А з а т. Я... больше не буду, Шалкар! Ожет, ты не будешь смеяться над нами?

О ж е т *(смеясь)*. Что ты! Не поссорившись, сильные не подружатся!

Ш а л к а р *(бодро)*. Так решено? У каждого свой путь, а встреча — у солнца!

Я пойду по аулам и соберу народ. Я скажу им всем, что Мерген жив и помнит свой долг сына... Пламенным словом я подниму всех...

О ж е т. Ты передашь им — так сказала Ожет, дочь ваша — хан украл у Мергена сестру, золотокосую Арман. Обессилел Мерген, надежда наша...

Ш а л к а р. Поднимайтесь, идите, вдохните силу в грудь его, и он вернет народу Арман, победит жестокого хана и освободит вас! А если кто-нибудь нападет на их скудные пастбища, я заменю им Мергена и не дам в обиду!

А з а т. Иди, Шалкар-ага! А я... Знаешь что, Ожет? Ведь Мергену трудно бороться сейчас... Что, если подать ему хоть какой-нибудь знак, что Арман жива и ждет его? Он же сразу станет сильнее!

О ж е т. А какой знак?

А з а т. Ну... например... *(Пауза.)* Не знаю... но знак подам!

Ш а л к а р. Верно, Азат! Дело само покажет. Иди!

О ж е т. А я?.. *(Пауза.)* Шел человек по краю обрыва, собирал цветы и пел... Сказали ему: “Это бездна!” Он испугался и упал в обрыв... Плыл моряк на ветхом корабле, через океан переплывал он. Страшный ветер подул, волны вздулись, а он плывет и поет. Сказали ему: “Это буря!” Он испугался и утонул... Ожет, Ожет, бьется сердце твое, а ты идешь и поешь... Что будет с тобой, если кто-нибудь... скажет тебе... “Это любовь?”... *(Пауза. Громко, радостно.)* Не испугаюсь! *(Шалкару поспешно.)* Брат Шалкар, займись уж ты этой милой старушкой!

Ш а л к а р. Милой старушкой?

О ж е т. Ну да, Лаулой! Духи — это, знаешь, не для Ожет!

У Ожет крепкое тело, ловкие руки, громкий смех и веселая песня! Что ей с духами делать? Мы друг друга не пойдем! А вот хан — другое дело! Где шайтан не сможет, туда женщину посылает! (*В сторону, нежно.*) Где отвага не сможет, там любовь побеждает! (*Друзьям.*) Хан ищет служанку. Я пойду в служанки к нему и проникну во дворец! Вы по скорлупке бейте, а я изнутри клевать буду, — вот птенчик и вылупится!

А з а т (*прыгает в восторге*). Молодец, Ожет! Ох, как жалко, что ты не мальчишка! Я бы тебя в товарищи взял!

Ш а л к а р. Обожди, Ожет! Придумала ты хорошо, но одно плохо.

О ж е т. А что?

Ш а л к а р. Ты слишком красива, горяча и светла, Ожет! Не такая служанка нужна хану!

О ж е т (*растерянно*). Что же делать?

Ш а л к а р (*поднимает руку*).

Зло — это тьма. Знание — свет.

Свет и победа — друзья всегда.

Так говорила нам мудрость народа нашего, наш учитель. Азат, помоги мне!

А з а т. Посмотри, Шалкар! Я нашел водоем под скалой!

Ш а л к а р (*наклоняясь над водоемом*). Темная вода... И блестит, как черное зеркало! (*К Ожет.*) Подойди сюда, Ожет! Посмотришь в воду! Видишь ли ты свое лицо?

О ж е т. Вижу, Шалкар!

Ш а л к а р. Наклонись, зачерпни воды, оботри лицо...

(*Ожет исполняет приказание Шалкара. Друзья достают платки учителя и покрывают ими голову Ожет.*)

О ж е т. Колдовство, Шалкар?

Ш а л к а р. Нет. Тот, кто постиг лицо и недра земли, не колдует. У него в руках — знание и искусство. Посмотришь в воду, Ожет!

О ж е т (*вскрикивает и оборачивается*). Что со мной? Все лицо мое сморщилось и почернело... Я — старуха...

Ш а л к а р (*внимательно глядя на нее*). Еще мало, Ожет! Азат, возьми в горсть вон того песку, что покрывает серые камни!.. (*Азат приносит.*) Псыпь свою голову, Ожет, и снова оботришь темной водой! (*Ожет исполняет.*) Посмотришь в воду опять!

О ж е т (*смотрится в воду, потом оборачивается: она — се-*

дая, безобразная старуха). Ой, ой, Шалкар! Ты сразу породил меня с Лаулой! Неизвестно теперь, кто красивее!

Ш а л к а р. Вот такую служанку хан возьмет!

О ж е т. Как ты знаешь землю и воду, Шалкар! Тебе известна их сила! Не покидай народ, Шалкар! Такие, как ты, нужны ему!

А з а т. А такие как я? Ведь я учился тоже, как Шалкар! Я еще не успел, я мальчик! Но когда мы победим Лаулу и хана, я опять буду учиться.

О ж е т (*обнимая его*). Смелые, добрые, храбрые – все нужны, Азат!

А з а т. Ожет, миленькая, ты такая безобразная, такой уродище, дай я поцелую тебя! (*Обнимает и целует Ожет.*)

О ж е т (*тревожно*). Шалкар!.. А когда борьба кончится, ко мне вернется мой прежний вид? Я... я не хочу оставаться такой!

Ш а л к а р (*смеясь*). Не бойся, Ожет! Мерген не увидит тебя такую!

А з а т (*кричит*). Ай-ай, Шалкар! Она даже сквозь новую шкуру покраснела!

О ж е т (*убегая*). Да ну вас! Прощайте!

Ш а л к а р. Будь счастлива, Ожет! Оденься пострашней! Да не пой перед ханом своих веселых песен! (*Оборачиваясь к Азату.*) Будь счастлив, Азат мой! До встречи у солнца! (*Уходит.*)

А з а т. Пойду и я. (*Собирается в путь.*) За Арман – золотокосой!

Раздается внезапный гром, шум и рев. Азат прячется за выступ скалы.

Влетает разъяренная старуха Лаула, с воем носится вокруг трупа убитого сына.

Л а у л а (*завывая*).

Тарагай! Тарагай!

Сын мой, великан Тарагай!

А з а т (*тихо*). Вот ты какая! Ух, и противная же!

Л а у л а.

Убит Тарагай, убит,

Камнем холодным стал,

Прахом бесплодным стал,

Черной тучей средь скал,

Что ходит, грозит,
И не льет дождя...
(Кричит.) Но осталась я,
Твоя мать Лаула!
Я жива
И мечь моя не мертва!
Уничтожу всех,
Замучаю всех,
Кроме хана и ханских слуг,
Мир не ведал подобных мук,
И земля кончины той не ждала,
Что готовит ей Лаула!
Слово мое не знает измен!
Повелевает оно судьбе!
Самую страшную смерть
готовлю тебе,
Убийца Мерген!

(Как нетопырь, раскрывает полы своей одежды.)

А з а т *(тихо)*. Мерген просил задержать старуху... Ее нельзя пустить, она погубит его, пока он не нашел Арман... Но как? Я же — только мальчик...*(Радостно.)* Перстень учителя! *(Поднимает руку с перстнем на Лаулу.)*

Л а у л а. Смерть тебе, Мерген!

А з а т *(тихо)*. Перстень бессилен... Значит... Значит, я должен бороться сам! *(Со сжатыми кулачками выскакивает из-за скалы. Кричит.)* А ну, прочь с дороги, урод волосатый! Я иду!

Л а у л а *(в ярости оборачивается)*. Мышонок! *(Кидается на него.)*

А з а т. Старая ворона! *(Ускользает от нее.)*

Л а у л а. Скользкий червь!

А з а т *(так же)*. Пузырь с горошиной! *(Вскакивает на скалу.)*

Л а у л а. Блоха!

А з а т *(спрыгивая со скалы на шею Лаулы и скатываясь с нее)*. Старая кляча! Батыра удержать не можешь!

(Носятся по сцене. Азат всеми силами задерживает Лаулу и ускользает от нее.)

Л а у л а. К смерти готовься!

А з а т. Мне еще рано! А вот тебе, коряга дуплистая, не мешало бы! Того и гляди развалишься!

Л а у л а. Погибни, змееныш!

А з а т. Спасибо, бабушка! И тебе того же желаю.

(Наконец, Лаула припирает его к скале. Азату бежать некуда. Лаула протягивает к нему свои когтистые лапы. Азат поднимает руки и прикасается перстнем к скале. Скала расступается и скрывает мальчика. Лаула обрушивается и впирается лапами в пустую скалу.)

Л а у л а *(отступая)*. Проклятие! Это — один из тех! *(Кричит.)* За одного тебя весь народ уничтожу! *(Уносится в вихре.)*

(Скала медленно расступается, Азат выпрыгивает на камни.)

В радости, в горе ли —
Песню пой, песню пой!
Барс и лев спорили
И пошли в бой!

Барс его лапой,
Лев его лапой,
Когтями, клыком,
Катались клубком,
Из последних напали звериных сил —
И в общем — лев победил!

Лег отдыхать
В самый полдневный жар.
Прищурился, глядь —
Прилетел комар
И трубит.
Лев его лапой,
А тот пищит:
— Ты меня не больно-то цапай!

Тут он льва что было сил
В лоб укусил,
Большого-то малым
Тоненьким жалом,
Вот-то был бой!
Ой-ой-ой-ой!

Лев силен и комар не трус:
За укусом укус,
За ударом удар,
А победил комар!

* * *

В воду сеть брошена,
Рыбаки, рыбаки,
Много рыб прошено
У реки.
В сети сначала
Щука попала,
За нею рядом
Осетр и сом, —

Окунек-мальчишка — на что смотреть? —
Один проскочил сквозь сеть!
Там, где сильный взять не смог,
Взял комар и окунек!
А з а т. Лети, лети, бабушка! На Шалкара наткнешься!
(Поднимает голову.)
Крылья победы — крылья борьбы!

З а н а в е с

Первая декорация: аул, скудное пастбище. На сцене Мать, Дед, Мать
Рода, приставив руки козырьком к глазам, с тревогой смотрят вдаль.
(Поддерживают друг друга.)

М а т ь Р о д а. Слабы стали глаза мои... Ничего не видит
старая мать...

Д е д. Погибла певунья наша...

М а т ь. И я ничего не вижу... Может быть, от голода и
слез не видят глаза наши?

Д е д. Так разве уши наши не услышали бы ее песни? Нет,
погибла Ожет...

М а т ь. И Мерген покинул нас!..

М а т ь Р о д а. Птенцы мои, холодеют крылья мои, не со-
греть мне вас, не спасти...

*(Поникают головами. Слышны голоса детей. Вбегают
мальчик и девочка.)*

М а л ь ч и к. Дедушка, с ней играть нельзя! Она ничего не понимает!

Д е д. Какая ж такая у тебя игра, что она не понимает?

Д е в о ч к а. Я понимаю, дедушка, да не хочу так! Я наоборот хочу!

М а т ь. Ах, дети, дети... Играйте, пока играется,

М а л ь ч и к. Я ей говорю: “Будем играть в Мергена и хана. Я буду Мерген, а ты хан”. Играем, а она боится. Я же в нее стрелять должен, а она прячется. Дедушка, разве хан прячется?

Д е д. А разве хан из железа сделан? Струсит, так спрячется! Не обижай сестренку, сынок!

М а л ь ч и к. Да я вовсе и не обижаю, дедушка! Ведь если я ее застрелю, разве это — обида? Она же хан.

Д е в о ч к а. Я тоже хочу быть Мергеном...

М а т ь Р о д а. А вы по-другому играйте: ты, сынок, будешь Мергеном, а она — Арман золотокосой. Хан нападает на них, а Мерген защищает сестру...

Д е в о ч к а *(улыбаясь)*. Так я буду играть...

М а л ь ч и к. Хорошо! *(Бабушке.)* А кто же тогда будет ханом?

М а т ь Р о д а *(показывает рукой на густой куст, разросшийся на пригорке)*. А вот этот темный куст! Стреляй в него, сколько хочешь, коли, руби его!

М а л ь ч и к. Шолпан, беги к этому кусту, спрячься — будто хан украл тебя, а потом кричи: “Мерген, Мерген, спаси меня! Хан здесь, спаси меня!” и беги ко мне. А я расправлюсь с ханом! *(Становится на камушек у юрты с луком в руке и, как дозорный, оглядывается кругом. Взрослые копошатся около юрты.)*

Д е в о ч к а. Ну, я побегу! *(Бежит к кусту, прячется за него и с диким криком выбегает обратно.)* Хан! Хан! Спасите меня, там хан!

М а л ь ч и к *(продолжая играть, припадает на одного колена и целится в куст из лука)*. Не бойся, Арман, сестренка моя, Мерген не даст тебя в обиду! Я застрелю злого хана! *(Пускает стрелу.)*

(Из-за куста появляется Шалкар. Мальчик замирает на месте, девочка прячется за него.)

Ш а л к а р *(следя за полетом стрелки)*. А ты и правда чуть

не застрелил меня, батыр! (*На его голос оборачиваются взрослые.*)

М а т ь. Не троньте детей, добрый человек!

Д е д. Дети, бегите ко мне!

М а т ь Р о д а. Станьте все около меня! (*Девочка бежит и прячется за мать. Мальчик остается на месте.*)

Д е д. Беги к нам, сынок!

М а л ь ч и к. Нет, я сказал Ожет, что буду защищать вас! Я не пойду! (*Шалкару.*) Остановись, незнакомец! (*Шалкар покорно останавливается.*) Кто ты?

Ш а л к а р. Салем вам, добрые люди! (*Мальчику.*) Салем тебе, батыр. Я бедный странник. Брожу от аула к аулу...

М а л ь ч и к. Где кочует твой род? Где твоя семья?

Ш а л к а р (*обводит рукою горизонт*). Вот кочевья рода моего, батыр. А моя семья – весь бедный народ.

М а л ь ч и к. Имя твое?

Ш а л к а р. Шалкар-жырши, гость твой, батыр.

М а л ь ч и к (*поворачиваясь к бабушке, тихо*). Бабушка, что теперь должен делать Мерген?

М а т ь Р о д а. Пригласить акына в юрту.

Д е в о ч к а (*теребя бабушку за полу платья*). А Арман, бабушка?

М а т ь Р о д а. Принять коня и ношу гостя.

Д е в о ч к а. Бабушка, да ведь он пешком!

М а т ь Р о д а. Прими ношу и подай умыться. (*Грустно.*) Угостить путника нам нечем, а воду нам дает родник...

М а л ь ч и к (*с поклоном*). Отдохни в нашем ауле, ага!

Д е в о ч к а (*подходя к Шалкару*). А где же твоя ноша, ага? (*Бабушке.*) Бабушка, у него и ноши нет!

Ш а л к а р (*склоняясь перед старшими*). Ноша моя – пламенное слово! Сейчас я отдам ее всем вам, друзья мои! (*Девочке.*) Нет, не давай мне умываться, дитя! Когда вестник торопится, он идет, покрытый пылью, обливаемый дождем, опаленный солнцем... Суюнши, родные мои! Добрая весть!

Д е д. Добрая весть? Будь счастлив приход твой, сын мой!

М а т ь. А у нас нет даже бараньей косточки, чтобы угостить тебя... Чем же мы одарим тебя за добрую весть? Какой дадим суюнши?

М а т ь Р о д а. У кузнеца – руки золотые, у акына – слова золотые!.. Не пропадет за народом суюнши! Говори, сын

мой, если сможешь обрадовать нас... Говорят — один сатана без надежды... Но с тех пор, как погибла наша звездочка Ожет, с тех пор, как покинул нас Мерген... нам осталась только смерть... Похоронную весть “ой-баурым” должен был ты принести нам...

Ш а л к а р (*поднимаясь во весь рост*).

Весть моя — возрожденья свет!

Знайте все: не погибла Ожет!

(*Восклицания радости.*)

М а л ь ч и к. Вот видишь, бабушка! Я же знал! Я же говорил! А ты боялась!

М а т ь Р о д а. Когда дитя скачет на коне, мать и дома сжимает ноги, сынок мой!

(*Шалкару.*) Говори, говори золотые слова...

Где Ожет, дитя наше?

Ш а л к а р. С Мергеном.

М а т ь. Что с ними?

Д е д. Значит, и Мерген жив?

М а т ь Р о д а.

Акын — глашатай народа!

Слушаем тебя, верный сын наш!

(*Все собираются вокруг Шалкара.*)

Ш а л к а р (*поворачивается и протягивает руки к горам*).

Горы, горы! Кто вас взрастил?

Кто готовил вам колыбель?

Кто вам с песней тихой стелил

На цветных долинах постель?

Исполины крепи, росли,

Изменяя лицо земли,

И застыли грозной стеной,

Точно скованы злой рукой.

Пролетали ночи и дни,

Седина на гребнях легла...

Но вверху взрастили они

Белоплечего сына-орла.

Неподвижны — а сын крылат,

С ветром спорит, тучам грозит,

Режет воздух, гневом объят,
К небу рвется, солнцем залит.

Злился ветер и часа ждал:
Проучу, — говорит, — смельчака,
Напушу, — говорит, — облака,
Закручу, — говорит, — среди скал
И намну, — говорит, — бока,
Чтоб уж больше он не летал!

Д е в о ч к а. И злой ветер погубил орла?
М а л ь ч и к. Не мешай, Шолпан, слушай!
М а т ь Р о д а.

Слушай золотые слова, дитя!
От них мои старые кости моложе становятся
и кровь по телу горячей струится!

Д е д. Никогда не сдавались орлы!

Ш а л к а р.

Ох, и бой же был в небесах!
Не сдавался в битве орел,
Так, что ветер почуял страх,
И едва назад не пошел!

М а л ь ч и к. Так ему и надо, злюке!

Ш а л к а р.

Только вдруг — не сгибая крыл,
Оглянулся орел назад, —
Где же горы? Туман их скрыл,
Только вихри кругом свистят,

Дуют в уши и шепчут зло:
— “Ураган твои горы снес,
Буйным вихрем их разнесло,
Об утес разбился утес!”

Словно кто-то крылья связал
Этой черной вестью орлу,
И рожденный сам среди скал
Сердце чуть не разбил о скалу!

М а т ь Р о д а. Ой, Кудай-ай! Несчастный батыр!

Ш а л к а р.

Слышат горы: — “Неравен бой!”
Обессилел крылатый сын!
Коль не чует вас за спиной,
Он не может биться один!

И тогда под снегом и льдом
Потрясая недра земли,
Извергая огонь и гром,
Горы сдвинулись и пошли!

В с е.

Пале! Пале! Так ветрам и надо!
Золотые слова!

Ш а л к а р. Петь ли дальше, родные мои?

В с е. Пой! Пой, сын наш! Пой, ага!

Ш а л к а р.

Мой народ, несчастный народ,
Бьется твой белоплечий сын,
Пробудись! Он тебя зовет,
Он не может биться один!

Ты ему — и отец, и мать,
В нем живет дыханье твое, —
Не тебе ль его вдохновлять
И его закалять копьё?

Горы, сдвиньтесь! Унынья плен
Да не свяжет ваших седин!
Отзовитесь: — “Мы здесь, Мерген,
Мы с тобой, белоплечий сын!”

(Во все время речитатива Мергена игра: народ постепенно оживает, поднимается, с жадностью ловит каждое слово Шалкара. При последних словах его Мать Рода протягивает руки вперед.)

М а т ь Р о д а *(с рыданием)*. Горы сдвинулись! Мы с тобой, Мерген!

М а т ь *(Шалкару)*. Веди нас к Мергену.

Д е д. Все пойдем! Из последних сил пойдем!

М а л ь ч и к. Я готов! Веди, Шалкар-ага!

Девочка. И я не останусь! И я пойду!

Мать Рода. Ветер горы разрушает, слово народы подымает! Народ мой двинулся!

Общее движение. Все идут за Шалкаром. Внезапный шум бури, гром, рев, с вихрем врывается старуха Лаула. Смятение. Крики детей.

Мать Рода. Дети мои, ко мне! Станьте за мною! Первой гибнуть мне! *(Секунду Мать Рода и Лаула смотрят друг на друга.)*

Шалкар *(тихо)*. Старуха Лаула! *(Радостно.)* Перстень учителя! *(Поднимает на Лаулу руку с перстнем. Старуха проделывает приближаться к народу, загребая воздух своими лапами корягами.)*

Лаула. Проститесь с жизнью! Высосу кровь, раздроблю кости ваши, проклятые ящерицы!

Шалкар *(тихо)*. Перстень бессилен! Я должен бороться сам! *(Выступая вперед, громко.)* Знание, учителем переданное мне, да поможет мне! Прочь с дороги, темная сила! *(Прикасается к земле между народом и Лаулой. Из-под земли мгновенно вырастают густые заросли и скрывают народ.)*

Лаула. Не скроешься от мести моей! *(Бросается с другой стороны. Шалкар поднимает камень и с силой бросает его о землю. Из-под земли начинает бить фонтан, не пропускающий Лаулу.)*

Шалкар. Справедливость выше мести твоей!

Лаула. Непобедима Лаула! Страшна сила ее! *(Облетает с третьей стороны. Шалкар пускает вверх стрелку из лука мальчика — и Лаулу слепит яркий свет, сопровождаемый громом. Она отступает.)*

Шалкар. Свет и правда страшней.

Лаула *(увидев Шалкара)*. А-а! Скользкий червь! Волченок! Змееныш ядовитый! Смерти хочешь? Так умирай за всех! *(Наступает на Шалкара. Стена зарослей не пускает его скрыться. Он поднимает на старуху руку с перстнем. Его мгновенно окутывает туман.)*

Лаула *(отступает в ужасе)*. Проклятие! Это второй! *(Своем улетает. Туман рассеивается, родник перестает бить, заросли скрываются.)*

Шалкар *(народу)*. Нет той силы, которая победит на-

род, если с ним правда и знание! Спешим, друзья, к Мергену! Крылья победы — крылья борьбы! (*Движение.*)

З а н а в е с

Просцениум. Хан на роскошных носилках в сопровождении нескольких нукеров. Перед ним — распростертые ниц три женщины.

С т а р ш и й н у к е р. И эти не годны, мой повелитель?

Х а н (*гневно*). Вон их! Набитые дуры!

(*Нукеры выталкивают женщин ударами и пинками.*)

По всей земле — ни одной толковой бабы!

С т. н у к е р. Повелишь ввести еще?

Х а н. А есть еще?

С т. н у к е р. Осталась последняя старуха, мой повелитель!

Х а н. Ввести!

(*Нукеры вводят Ожет, одетую в пестрые лохмотья, безобразную, горбатую. Она падает ниц перед ханом, потом поднимается и становится прямо перед ним.*)

Х а н. Ты смела? Кто позволил тебе подняться с земли?

О ж е т.

Покупает джигит коня,

А скакун на траве лежит.

Эй, джигит, послушай меня:

Подними, огляди коня, —

Можешь клячу купить, джигит!

Х а н. Неглупо сказано! Только вот оглядывает джигит коня, а перед ним — урод.

О ж е т.

Был красив олень — да в капкан попал.

А на воле рыщет урод-шакал.

Х а н. Опять неплохо. Но... не много ли ты болтаешь, красавица?

О ж е т (*скороговоркой*). Пусть лучше спотыкаются мои ноги, только не язык! И то: много говоришь — назовут трещеткой, ничего не скажешь — назовут дураком! А ведь краса подбородка — борода, краса речи — пословица! Слово вылетает сквозь тридцать зубов и облетает тридцать родов! Недаром говорят, что язык острее клинка!

Х а н. Да замолчи ты! Заткни свой саба, чтобы кумыс не вытек! Ну, что же, коли твой язык не спотыкается, ответь мне: что всего нужней человеку?

О ж е т.

Адама из рая изгнал аллах
И на прощанье сказал аллах:
— Я создал рай, Адам, для тебя,
Три вещи были в нем для тебя,
Плоды моих божественных дум:
Те вещи — Сила, Счастье и Ум.
Прекрасны и нужны в мире все три.
Одну из них с собою бери.
Подумал Адам, поплакал Адам —
И выбрал Ум (с грехом пополам!).
Остались Счастье и Сила в раю,
Да мигом собрали котомку свою, —
Аллах и глазом моргнуть не смог,
Как те за Умом снялись на утек;
— “Спасибо за рай! Но забудь наш след!
На что нам твой рай, коль Ума в нем нет?!”

Х а н (*хохочет*). Ты начинаешь нравиться мне, старуха! Скажи мне: вот прикажут тебе сторожить сокровище, чтобы никто не подобрался к нему. Что ты с твоим умом делать будешь?

О ж е т.

Что же? Ум измену заметит тотчас:
У него — полсотни ушей, да зоркая
пара глаз!

Х а н (*приподнимаясь, шепотом*). А если сокровище само улетит от тебя? А ты отвечаешь за каждый волос его?

О ж е т.

Руки умные цепки, хан:
Изготовят мигом птичке капкан!

(*Делает вид, что схватила добычу.*)

Х а н (*усмехаясь*). Ну что ж? Кажется, я возьму тебя... Ответь мне только: болтала ты много, а... (*Зловеще.*) Молчать ты умеешь?

О ж е т (*постепенно приближаясь к нему, говорит громким шепотом*):

Хан вопрошал,
Старуха болтала.

Ничего о ней хан не узнал,
А старуха все разузнала.
(*Быстро, таинственно.*) Мою послушай-ка речь,
Правдива будет она:
Служанка тебе нужна,
Чтобы твой клад стеречь.
А клад похитить хотят,
А клад у тебя живой,
И хочет вырваться клад
На волю, назад, домой!
И женщина этот клад.
А волос ее — золотой!
Рассуди-ка, хан, сначала!
Ты — болтал, а я — молчала!

Х а н (*встает и швыряет ей кошелек с золотом*). Довольно, старуха! Я беру тебя в служанки!

Внутренний покой хана. Мрачная роскошь. Темные ковры.

Маленькие слуховые окна вверху стен.

На сцене Арман, лежит на богатых подушках, вся укутанная черным покрывалом. Плачет, тоскует. Тихо, крадучись как кошка, входит безобразная Ожет.

А р м а н (*чуть приподнимая голову*). Опять эта бабушка! И без нее-то мне страшно! Ходит — точно змея ползет, и глаз с меня не сводит! (*Со страхом.*) Ой, не подходи ко мне! Я боюсь тебя...

О ж е т. Отчего так, птичка золотоперая? Поправь покрывало на головке! (*Поправляет.*) Ты же знаешь — хан не велел тебе снимать его! Твои волосы всегда должны быть закрыты...

А р м а н (*уныло*). Знаю...

О ж е т. Только сам повелитель может снимать это покрывало и любоваться твоими волосами...

А р м а н (*так же*).

Знаю... Он сказал мне:

“Не слушаешься меня — смерть тебе”...

Смерть... Он любит это слово (*Вздрагивает.*)

Страшное слово... Сколько раз он повторял мне его... (*Старухе.*) Скажи мне: разве мои волосы — сокровище?

О ж е т. А почему моя птичка спрашивает так?

А р м а н. Потому что хан, когда приходит ко мне, всегда пересчитывает все мои волосы... А я так боюсь, вдруг какой-нибудь мой волосок пропадет? Улетит. Скроется... *(Пытается петь.)* Где ты, мой волосок? Отзовись на голосок... *(Падает, плачет.)* Нет, нет, не могу петь... *(Вдруг вскакивает.)* На волю хочу! В лес, в горы, к брату Мергену... Не хочу здесь жить! Меня и убивать не надо, я сама умру здесь! *(Плачет.)*

О ж е т. Или не любя птичке клетка? Или не позолочены крепкие решетки? Или не весело ей с повелителем-ханом? Или не балует он ее? Петь бы ей да петь в таком дворце!

А р м а н *(вскакивает в отчаянии)*. Ты смеешься надо мною, злая старуха! Зачем ты дразнишь меня?

О ж е т *(после паузы)*. Счастья твоего хочу! К счастью зову!

А р м а н *(в раздумье покачивает головой)*. Темная, страшная... Может ли такая хотеть мне счастья?

О ж е т.

У пегого скота пятна снаружи,
у злого человека — внутри, деточка!

На шкуру не смотри, загляни в сердце!

А р м а н. Сердце? У тебя есть сердце? *(Бросается перед ней на колени.)* Так сжался надо мной! Отпусти меня!

О ж е т *(приближаясь к ней тихо)*. Арман, Арман! Надежда народа! Не плачь, золотокошая наша! Близка свобода!

А р м а н *(отступая, со страхом)*. Кто ты?

О ж е т. Ожет имя мое! *(Секунда молчания.)*

А р м а н.

Нет! Нет! Ты обманула меня! *(Нежно.)*

Ожет хорошая, смелая, веселая, свободная...

Она поет, как птичка, моя Ожет. *(Переводит*

взгляд на Ожет.) Нет, Ожет не такая! Разве

она может быть такую? Какую свободу сулишь

мне ты? Может быть, тоже смерть?

(Ожет достает из-под полы большой нож и протягивает его золотокошой.)

Что это?!

О ж е т *(почти шепотом)*. Убей хана.

А р м а н *(в ужасе бросается в сторону)*. Отойти от меня!

Чего ты хочешь от меня? Арман никогда не возьмет в руки нож! Арман не может убивать! Арман погибнет сама, но не прольет кровь!

О ж е т. *(оглядываясь по сторонам)*. Тише! Тише! Ты погубишь нас обоих! Здесь у стен сотни ушей и у сводов тысячи глаз!

(Обе замолкают. Слышен какой-то неясный шум. Медленно поворачивается один из сводов, одна из колонн. На сцене Азат.)

А з а т. Прорвался! Страже глаза отвел, собак обманул, все двери открыл, своды сами раздвинулись! Арман, сестра моя, я принес тебе свободу! Бежим!

О ж е т. Бежим, Арман! Скорее же!

А р м а н *(отступая от них)*. Нет, нет, оставьте меня! Где я? Что творится вокруг? Куда они зовут меня?

А з а т. Арман, не отталкивай судьбы своей!

О ж е т. Аллах всесильный! Помоги ее в рай дубиной загнать! *(Схватывает Арман за руку.)* Да ну, идем же!

А р м а н. Ни за что! Не верю я вам! Никому я больше не верю! *(Задыхаясь от ужаса.)* Откуда я знаю? Может быть, вы уведете меня отсюда для больших мук? Может быть, еще не все слезы выплакала бедная Арман? *(Пауза.)* Вот... если бы пришел за мною мой брат Мерген... О, за ним я пошла бы, даже если бы он повел меня в пламя!

О ж е т. Да ведь мы тебя и зовем к Мергену!

А з а т. Мы к Мергену тебя зовем!

О ж е т. Что ты медлишь? Погибнешь ты!

А з а т. Жив твой брат!

О ж е т. Подумай о нем!

А з а т. О себе подай ему знак!

О ж е т. Изнемог он один в борьбе!

А з а т. Он зачах в тоске по тебе!

О ж е т. Все одни он шепчет слова.

А з а т. “Кабы знать, что Арман жива!”

О ж е т. В заветной дали...

А з а т. Взошла заря!

О ж е т. Мы побеждали.

А з а т. Ужели зря?!

О ж е т. Мечте далекой стал милым плен!

А з а т. И одинокий умрет Мерген!

О ж е т. Решайся, Арман! Каждая секунда несет гибель!
А р м а н. Что мне делать? Кому верить? (*На секунду замирает на месте.*) Говорите — бьется Мерген?

А з а т. За тебя, Арман, за народ, за всех нас!

А р м а н. Знак ему нужен? (*Радостно.*) Мерген, брат мой! Если и погибнет сестра твоя, то за тебя! (*Быстро под черным покрывалом вырывает золотой волос и протягивает его Азату. Волос горит и переливается золотыми искрами.*) Вот, мальчик, возьми этот волос... У тебя есть крылья, мальчик?

А з а т. Есть!

А р м а н. Можешь ты взлететь высоко над этим дворцом?

А з а т. Могу!

А р м а н. Так лети же, мальчик, лети скорей! Поднимись над этими черными стенами и подними мой золотой волос! Пусть вольные ветры развевают его, пусть сверкает он далеко-далеко, по всему небу. Увидит Мерген и вскрикнет: “Жива Арман, крыло мое!” Лети же, лети же, мальчик!

Азат поднимает руки и начинает медленно отделяться от земли. Золотой волос сверкает в его руках. Постепенно он скрывается вверх. Арман и Ожет, стоя на коленях, протягивают к нему руки и взглядом провожают его. Через минуты в слуховых окошечках башни начинает сверкать и переливаться яркий свет.

О ж е т (*тихо*). Спасен Мерген!

А р м а н (*так же*). Я жива, Мерген!

Тяжелые шаги за стеной. Сводчатая железная дверь распахивается. Входит хан. Ожет падает ниц и удаляется из покоя. Арман делает слабое движение, как бы умоляя ее не уходить, но сразу же замирает на месте.

Х а н (*опускаясь на подушки рядом с Арман*). Ну, золотоко-
сая моя, довольна ли ты? Хорошо ли смотрит за тобой слу-
жанка? Исполняет ли она твои желания?

А р м а н. Да, мой повелитель...

Х а н. Хороши ли наряды, что я прислал тебе?

А р м а н. Да, мой повелитель...

Х а н. Сладка ли, вкусна ли тебе пища, что готовят мои повара?

А р м а н. Да, мой повелитель...

Х а н. В детстве я слушал сказочников. Они рассказывали мне предания о скупых властителях. Я не был скуп. И сказки не нравились мне. Я закалывал старых сказочников и звал новых. *(Пауза.)* А теперь... теперь я понимаю скупцов! *(С жадностью.)* Когда я думаю, что сейчас я сорву с твоей головы покрывало и начну пересчитывать золотые волосы на твоей голове, — дрожь пробегает по телу моему... Я — самый могучий, самый сильный, самый богатый из всех земных владык! *(Протягивает руки к покрывалу Арман. Та в ужасе отступает, готовая враспи в темные стены покоя.)*

Что? Да не бойся меня, глупая девочка! Разве я обижаяю тебя?.. *(Садится.)* Ну, хорошо, я не трону твоих волос! Сядь здесь, рядом со мной! *(Арман робко приближается и садится.)* Твой повелитель хочет послушать твое пение! Спой хану, Арман!

А р м а н *(поет).*

Птичка — перья золотые!
Тщетно бьешься ты в плену,
Вспоминая дни былые,
Небо, солнце и весну!

Раззолоченная клетка —
Крыльям тесная тюрьма:
В ней и свету редко-редко
Уступает место тьма!

Глянет луч на миг короткий
В запыленное окно...
Видно, вправду за решеткой
Ей погибнуть суждено!

Х а н *(вскакивает, гневно).* Опять ты за старое? Заскулила, как щенок у порога!

А р м а н *(бросаясь к ногам хана).* Отпусти меня, хан! Сжался надо мной! Я не могу жить без моих лесов, гор, полей, цветов... Я не могу жить без моего брата — Мергена!

Х а н *(злобно).* Без Мергена? Ах, вот что! Так помни, Арман: ты — моя пленница и принадлежишь только мне. Отпустить тебя к Мергену? Не стоило отнимать, чтобы отпускать! *(Молчание.)* Впрочем, может быть, ты и увидишь своего брата. *(Минутная радость Арман.)* ...Мертвым. *(Ужас Арман.)* Для этого я и отнял тебя у него! Теперь ты моя!

А р м а н *(в отчаянии)*. Хан, великий хан! Сжался над Мергеном! Не губи его! Хорошо, хан, я останусь у тебя, буду во всем угождать тебе, буду петь тебе самые красивые песенки, какие только знаю, — но не губи его! Ведь если он не может жить без меня, то я без него погибну! Я умру... и мои золотые волосы померкнут... Что ты будешь делать без твоего богатства, хан?

Х а н *(топая ногой)*. Замолчи! Умирай, но и Мергену не жить! Весь мир будет моим — и...

А р м а н *(кричит)*. ...Золотокосой в твоём мире не будет! *(Внезапный шум, вихрь, дрожат стены ханского дворца. Появляется посол старухи Лаулы. Арман прячется в страхе за выступ стены. В дверях показывается Ожет.)*

П о с о л.

Что ты медлишь, хан?

Ждет тебя Лаула!

У горы Мергена она нагнала,

Держит крепко его в борьбе,

Истошен, среди скал

Конь его измученный пал,

А Мергена жизнь отдана тебе!

Ты порвешь его жизни нить!

Должен ты надежду народа убить!

(Ужас Арман и Ожет.)

Торопись! Он был слаб,

И тебе легка работа была б,

Но...

Х а н. Но?..

П о с о л.

На небе мелькнул небывалый свет,

Озарил он громады дворцовых стен —

И воспрянул Мерген!

(Ожет и Арман едва скрывают свою радость. Хан начинает поспешно собираться. Ожет прячет его меч под ковер. Арман закрывает своим черным покрывалом его шлем.)

Помогает кто-то ему,

Кем-то он опять вдохновлен,

Словно крылья кто-то простер над ним,

И становится страшен он,

И как буря идет, —
Миг еще — и за ним
Весь восстанет народ, —
И тогда он непобедим!

Х а н (*кричит*). Коня! (*Послу.*) Иду! (*Посол исчезает.*)

А р м а н (*становясь перед ханом*). Идешь?

Х а н (*отталкивает ее*). Да! (*Вооружается.*)

О ж е т.

Великий хан, захромал твой конь!

Примета плохая, не езд, хан!

Х а н. Не каркай, ворона! (*Кричит.*) Седлать другого!

А р м а н (*поднимаясь и постепенно повышая голос*). Умоляла тебя Арман, а теперь не будет просить! Не умеет бороться она, капли крови она не прольет, но сильна бессильем своим! Ты связать меня захотел? Заточить меня захотел? Умертвить? Но не будет так! За мечту отомстит народ, он не станет жить без меня. Без меня не цветут луга, без меня умолкает смех, а со мною — весь мир крылат! Берегись же, опомнись, хан! Воротись и волю мне дай!

Х а н (*в ярости*). Заговорила, девчонка?! Скоро замолчишь! (*Усмехаясь злобно.*) Я еду за подарком тебе: привезу тебе голову Мергена! (*Обращаясь к Ожет.*) Стереги ее! За каждый волосок ее — жилы из тебя вытяну! (*Поспешно уходит.*)

О ж е т (*вслед ему*). Эх, ты! Не ценишь коня — намучаешься пешком, не ценишь пищи — узнаешь голод! Катаешься на кобыле — не жди жеребенка, лакомишься молоком — забудь о кумысе! Сберегу я тебе Арман золотокосую! (*Обращаясь к Арман.*) Ну, сестренка?..

Словно на крыльях, опускается Азат.

А з а т. Я подал знак! Скорее! Теперь бежим! Лови, Ожет! (*Бросает ей платок учителя.*) Сдирай с себя мерзкую шкуру! Не нужна она больше! (*Ожет вытирает лицо платком. Старая маска спадает с нее: она снова красавица Ожет.*)

Арман, давай руку! Да ты запутаешься в своей черной простыне! Бросай ее!

А р м а н. Я хана боюсь... Он не велел снимать... Злая старуха...

О ж е т. Вот она! *(Поворачивается лицом к Арман.)*
А р м а н *(всплескивая руками)*. Ожет! *(Бросается к Азату и Ожет.)* Уведите меня отсюда! Я хочу к Мергену!

О ж е т. Ага, упрямица! Думаешь — я не хочу?

А з а т. Вперед, друзья!

(Все трое бросаются к двери. Навстречу им врываются вооруженные ханские воины.)

С т. в о и н. Измена! Смерть им!

(Арман в страхе отбегает к выступу противоположной стены и сливается с нею. Воины наступают.)

В о и н *(бросаясь с мечом на Ожет)*. Подыхай, змея!

(Ожет кидается ему под ноги и он валится навзничь.)

О ж е т. Растеряется утка — так задом ныряет!

А з а т *(ускользая из рук другого воина)*. Мой тоже носом клюнул!

О ж е т *(заметив, что ст. воин приближается к Арман, бьет его ханским жезлом по затылку)*. Кому не везет, того собака и на верблюде укусит!

А з а т *(проскакивая между ног у ловящего его воина)*. Давай, ага, поиграем!

О ж е т *(дает пинок в спину того же воина, который наклонился, чтобы поймать Азата)*. Коли не устанешь бить, — бог и тот помрет!

(Свалка постепенно приближается к Арман. Воины уже протягивают к ней руки. Тогда она срывает с себя черное покрывало, и ее волосы начинают ослепительно сверкать. Воины отступают, закрывая глаза.)

В о и н ы.

Я ослеп!

Я ничего не вижу!

Колдовство!

Я слеп, как крот!

Эй, отзовись кто-нибудь!

Проклятие!

П т и ц а С ч а с т ь я *(голос)*.

Зло в ночи туманом стелется,

Зло боится света, знай!

Тьме ли с солнцем силой меряться?

Выходи и побеждай!

Трое друзей, взявшись за руки и подпевая Птице Счастья, выходят из дворца. Стража, ослепленная, остается лежать на коврах.

З а н а в е с

Дикая конусообразная гора. Вой бури. В бешеной скачке старуха Лаула и Мерген гоняются вокруг, не настигая друг друга.

Л а у л а *(врываясь на круг)*.

Буря воет, как дикий зверь,
Неотомщенная кровь зовет.
Ну, теперь
Лаула все счета сведет!

Закручу,
Замотаю вокруг горы,
Ветром северным захлещу,
Ветром буйным кожу спалю,
Черной молнией исколю —
И тогда на смерть и на срам
Брошу к ханским ногам!

(Исчезает за гору. Из-за горы с противоположной стороны выбегает Мерген, измученный взаимной погоней.)

М е р г е н. Опять я один... Ускользает старуха... Смерчем вьется вокруг горы, — поманит и скроется... *(Вытирает пот с лица.)* Не ошибся ли я? Там, над зубчатыми стенами ханского дворца сверкнул волос... золотой волос моей Арман... Значит, жива она, ждет и зовет меня!.. Точно буря поднялась в груди моей, кровь закипела в жилах моих... Арман, Арман, мечта народа, нет предела силе твоей!.. Но... не ошибся ли я? Не зарницу ли принял за отблеск твоих золотых кос? *(Кричит.)* Сестра моя, Арман, отзовись! *(Прислушивается.)* Нет, только буря свистит кругом... Где Ожет, где Шалкар и Азат? *(Кричит.)* Где ты, народ мой? Отзовись! *(Прислушивается.)* Никого... *(В бешенстве ломает свой лук о колено.)*

Так зачем же бороться мне? Для кого и за что? Без Арман уныл и бессилен Мерген... Вождь и заступник без народа — не вождь! *(Хочет переломить о колено свой меч. Меч не поддается.)* Ты упорен, мой верный друг? Ты не хочешь

сдаваться, мой белый алмаз? Меч отца моего говорит мне — “живи”?.. Живи, Мерген?.. Ты не лжешь мне, друг боевой? *(Бросается в обратную сторону.)* Погибни, Лаула! *(С другой стороны вихрем врывается Лаула.)*

Лаула.

Покрутись,
Как сорванный ветром лист,
Как былинка, что взвил ураган!
Эй, хан,
Эй, проклятый хан,
Или ноги твои отнялись,

Иль ты трус,
Или сам, как собака, сдох?
Или хочешь, чтобы Лаула
Ношу всю на плечи взяла,
Чтоб врага бездыханным свалила с ног,
Чтобы его без боя прикончить ты смог?

(В бешеном вихре Лаула и Мерген гоняются друг за другом. На вершине горы появляются Азат, Арман (в покрывале), Ожет. С тревогой следят за скачкой. Врывается хан. Навстречу ему — Мерген.)

Хан *(с копьём в руке)*. Проклятый мятежник! Рабское отродье! Погибни!

Мерген *(так же)*. Мятежник, но не вор! По чужим гнездам не лазаю, детей не ворую!

Хан *(кидаясь на него)*. Заткни глотку!

Мерген *(защищаясь)*. Тебе? Сейчас!

Хан. Довольно тебе мутить моих рабов! Волчонок! Ничему не научила тебя смерть твоего отца!

Мерген. А тебя смерть Тарагая ничему не научила? *(Копье хана ломается, меч отстегивается и падает на землю.)*

Хан. Проклятие! Я погиб!

Мерген *(опуская копьё)*. Еще не погиб, но погибнешь! Мерген не нападает на безоружных! Эх, хан, даже меч — и тот не повинуется тебе! *(С презрением.)* Подними свое оружие! Приготовься к бою!

(Хан вооружается, поднимает меч, достает запасной нож и кинжал, засовывает за пояс.)

М е р г е н.

Мы столкнулись лицом к лицу,
Чья-то жизнь подходит к концу,
Чую – смерти веет крыло,
Но не злая смерть мне страшна:
Что батыру она? –
Горе мне на сердце легло...
Свой конец я честно приму,
Но в бою тяжело
Умирать одному...
Для того этот час жесток,
Кто покинут и одинок...
Пусть хоть кто-нибудь
Видит смерть мою,
Как пронзят мне грудь,
Как я кровь пролью,
Пусть хоть кто-нибудь
Про меня споет,
Чтобы мог вздохнуть
Обо мне народ,
Чтобы эта кровь,
Гнев и месть будя,
Из народа вновь
Родила вождя,
И преемник мой –
Мой сале́м ему! –
Смело кончит бой
И рассеет тьму!

Х а н (*мрачно*). Долго ты будешь колдовать там? Я готов!

М е р г е н. Я тоже. (*Оглядывается*). Никого... Я один...
(*Кричит*). Народ мой! Сын твой умирает за тебя!

Г о л о с а с в е р х у. Мы с тобой, Мерген!

(*Арман сбрасывает покрывало, разливая вокруг поток света. Ожет протягивает к нему руки. Азат машет платком учителя.*)

М е р г е н. Арман!

Х а н. Арман!

М е р г е н. Погибай же, гнусный палач! (*Бросается на хана. Бой. Хан падает мертвым. Ликование на вершине горы.*)

Внезапно из-за горы бурей вырывается Лаула и впиивается в спину Мергена.)

Лаула. Убийца сына моего! Хан тебя не убил, убью я!

(Борьба. Тревога наверху. Мерген изнемогает.)

Голоса за сценой. Мы с тобой, Мерген!

(Появляются Шалкар и народ. Мерген с силой сбрасывает Лаулу с плеч.)

Мерген. Непобедим я теперь!

Ожет. Пристукни ты ведьму старую!

Шалкар.

Мерген-ага, уступи мне место!

Ты молил о преемнике после смерти, —

Посмотри на него при жизни своей!

(Поворачивается к Лауле.)

Мергену грозила ты самой страшной смертью. Нет страшнее, чем смерть от собственной своей руки! И этой смертью умрешь ты! Зло да умертвится злом!

(Народ на коленях воздевает руки. Мать Рода впереди всех.)

Мать Рода. Птенцы мои! Орлята мои!

Лаула.

Силы подземные,

Силы земные,

На помощь Лауле!

(Бросается на Шалкара. Туман скрывает его, он появляется за спиной Лаулы.)

Шалкар. Кончай бой, исчадие ада!

Лаула *(оборачиваясь)*. Погибни, земная гниль!

(Шалкар поднимает руку — яркий свет ослепляет Лаулу.)

Азат. Эй, бабушка, сдавайся, а то я опять тебе на спину прыгну!

Мальчик *(натягивая лук)*. А я подстрелю!

Шалкар *(появляясь у подножья горы)*. Все еще ищешь смерти своей?

Лаула *(в ярости)*. Умри сам! *(Схватывает с земли копьё Мергена и бросает его в Шалкара. Копьё ударяется о скалу, отскакивает и пронзает Лаулу. Она падает и с воем в корчах умирает.)*

Арман. Мерген, брат мой!

Ожет. Батыр мой!

(Обе сбегают с горы. Арман падает в объятия Мергена. Ожет склоняется перед ним. Азат спускается вниз и обнимает Шалкара, который не сводит глаз с Арман.)

А з а т. Вот мы и встретились...

Ш а л к а р *(указывая на Арман)*. У солнца.

(На вершине появляется голубая Птица Счастья.)

П т и ц а С ч а с т ь я *(расправляя крылья)*.

Как свободно дышит грудь!

Кончен путь! К солнцу путь!

Не легка была дорога,

Дела было очень много,

Споров было тоже много, —

Но о прошлом позабудь!

Только очень счастлив будь!

В с е. Птица Счастья! Голубая Птица Счастья!

Ш а л к а р. Обещание учителя исполняется!

А з а т. Значит, она должна наградить нас?

Ш а л к а р. Обожди... слушай... я... я сам придумал себе награду!..

А з а т. Ишь, какой хитрый! Учитель сказал, что Птица Счастья наградит нас, а он — “сам”...

М е р г е н *(к народу)*. Народ мой! Старая мать! Час наш настал! Вот я, сын ваш, перед вами, вот сестра моя Арман!

Ст. м а т ь. Да будет счастлив каждый шаг твой, каждая мысль твоя, сын наш!

М е р г е н. Арман, крыло мое! Взгляни на друзей моих, на боевых товарищей брата твоего Мергена! Азат, Шалкар, подойдите к нам! *(Друзья подходят.)*

Мечта золотокося, кого из них двоих изберешь ты спутником своим?

Кто из них достойнее? Кто должен получить это счастье?

А р м а н *(потупясь)*. Не знаю... Достойны оба...

А з а т *(Шалкару)*. Не рвись! Я — маленький. Мне труднее было...

Ш а л к а р. Азат, младший брат мой, уступи мне!

А з а т. Уступи... А когда я говорил, что девочку спасать надо, ты что ответил? Что дела поважней есть?

Ш а л к а р. Но я... сражался с Лаулой!

А з а т. А я?

Шалкар. Я защищал народ...

Азат. А я дрался с ханскими слугами...

Мерген. Народ мой! Кто из них достойнее?

Все. Достойны оба!

Мать Рода. Слушайте старую мать, дети мои!

(Все умолкают.)

Если веревка не распутывается с одного конца, ее развязывают с другого. Три друга боролись за счастье народа: Мерген, Шалкар и Азат. Мерген, надежда наша, сила наша, старший сын наш, где же твоя награда?

Азат. А я знаю!

Мать Рода. Знаешь? Скажи нам!

Азат. Не скажу: Ожет рассердится!

(Ожет закрывает лицо руками.)

Мать Рода. Что скажет народ!

Все. Да будет счастлив их путь!

(Мерген подходит к Ожет, обнимает ее, подводит к Матери Рода, которая поднимает над ними руки.)

Мерген. Ожет моя, ты думала обо мне?

Ожет. Все время, батыр!

Мать Рода. Вот одно дело и сделано. Ну, спорщики, станьте рядом! *(Азат и Шалкар становятся у вершины горы.)* Пусть ваш спор решает Птица Счастья!

(Полет Птицы Счастья. Она кружится от одного к другому. Все напряженно смотрят: кого она осенит? Каждый ожидает по-своему. После нескольких колебаний Птица Счастья осеняет Шалкара.)

Шалкар *(в восторге)*. Арман! Золотокосая мечта моя!

(Арман подает ему руку.)

Мерген. Будь счастлив, друг мой! Счастлив, как я!

Азат *(в отчаянии)*. А я? Как же я? *(Матери Рода.)* Бабушка, ведь я тоже старался! Я делал все, что умел. Я дразнил старуху, чтоб ее к Мергену не пустить, а она такая страшная, такая злая! Я пробрался в ханский дворец, я подал знак Мергену над башнями, я привел к нему Арман... Как же я?! *(Садится и плачет.)*

Мальчик *(горячо)*. Нехорошо! Птица Счастья, стыдно маленьких обижать!

Девочка. Я сейчас тоже плакать буду...

Птица Счастья (*осенняя Азата*).

Прилетела, опустилась
Птица Счастья в край родной.
Встань скорее! Сделай милость!
Птица вьется над тобой!

И завидовать не надо,
И печаль твоя пуста!
Я сама – твоя награда,
Я сама – твоя мечта!

Сквозь века по дальним странам,
По горам, одетым льдом,
По бездонным океанам
Мы с тобой вдвоем пойдем!

Путь наш будет всех чудесней,
Он неведом и далек!
Пусть же звонкой, светлой песней
Твой взвьется голосок!

К новым далям и победам
Будем звать в своем пути,
Чтоб всегда за нами следом
Каждый смело мог идти!

Азат постепенно поднимается. Птица Счастья ведет его вперед,
к авансцене, остальные провожают их взглядами. Свет гаснет.

ЭПИЛОГ

Просцениум. Свет зажигается. Обстановка, как в прологе.
Старый акын заканчивает песню. Мальчик стоит, устремив глаза вдаль.

А к ы н (*медленно поднимает домбру и передает ее мальчику*). Вот — твоя Птица Счастья, дитя мое. Вечно молода, вечно прекрасна она, чудесная, крылатая песня! Иди с нею сквозь века, по странам неведомым, пой о правде, о счастье, о борьбе и победе! Зови за собой всех, кто молод, силен, честен и смел! Велик подвиг певца народа! Иди, сын мой!

А з а т. Иду... (*Двигается вперед с домброй в руках.*)Идем...
Все идемте!

Появляется Птица Счастья. Взявшись за руки, они выходят
в зрительный зал.

К о н е ц

ЗОЛОТОКОСАЯ

**Пьеса-сказка в 2-х действиях для театра кукол.
В сценической переработке для кукольного театра
Всеволода Булгаровского**

М е р г е н – сын народа.
А р м а н, з о л о т о к о с а я – его сестра.
О ж е т.
П т и ц а С ч а с т ь я.
Х а н.
Л а у л а – повелительница духов.
Т а р а г а й, в е л и к а н – её сын.
1-й н у к е р.
2-й н у к е р.
П о с л а н е ц Л а у л ы.
1-й г л а ш а т а й.
2-й г л а ш а т а й.

Ж е н щ и н ы и ч у д и щ а п о д з е м н о г о ц а р с т в а.

ПРОЛОГ

Густой дым стелется над степью. Горит трава, пылают юрты.
Ханские нукеры угоняют скот, ведут связанных невольников.
Народ в беде, стон и плач стоит над землей.

Первое действие

Скалистое дикое ущелье — жилище горного духа — старухи Лаулы.
С гор сбегает ручей. Вдали слышна песня:

Нет такой у тучи плети,
Чтобы с неба в бездну вод
Звёзд согнала хоровод.
Нет таких цепей на свете,
Чтоб сковать народ!

Если зло нас больно ранит,
Наша песня нам твердит:
Смело, братья! Путь открыт!
Ночь минует, утро встанет,
Солнце победит!

Входит Ожет.

О ж е т.

Тишина-то какая... никого...
А вот и ручей... Старая мать
говорила, что Мерген живет в
верховье ручья... (*Кричит.*)
Мерген! Где же Мерген?.. Нет,
кричать я больше не буду, вдруг

услышат ханские слуги. Пойду
дальше, к верховьям ручья...

Трубит рог.

Кто это? Охотники, что ли?
Спрячусь пока, а там видно будет...

Ожет прячется в расщелине. На сцену выходит хан с нукером.

Х а н. Кажется, здесь...

Н у к е р.

Здесь, мой повелитель! Вот
ручей, скала и разбитое громом
дерево...

Х а н.

Ну-ка, взбеги на скалу, оглянись:
одни ли мы? Нет ли кого вокруг?
Если увидишь, пошли ему от меня
салем из своего лука! Да смотри,
не промахнись!

Нукер убегает.

О ж е т. Хан! Сам хан-кровопийца. Враг Мергена.

Хан творит заклинания.

Х а н.

Расступись, земля!
Расступитесь, утесы!
Ветры буйные, вейте вихрем, кружитесь!
Небо, на землю огнем пади!
Явись, Лаула, явись!

Шум бури, гром, молния. Появляется старуха Лаула, страшная,
безобразная ведьма.

Л а у л а. Звал меня, хан?

Х а н. Повелитель людей пришел к повелительнице ду-
хов!

Л а у л а. Что нужно хану?

Х а н. Есть слово к тебе.

Л а у л а. Слушает ухо мое.

О ж е т. И мое тоже.

Х а н.

Повелительница громов,
Молнии блеск в глазах твоих,
Туч темнота в одежде твоей,
Четыре ветра в твоих рукавах,
Леса и горы — жилище твое.

Л а у л а. Знаю. Зачем пришел?

Х а н.

Хан, повелитель многих рабов,
сильнейший из всех земных владык,
союз предлагает тебе.

Л а у л а. Чего требуешь? Что обещаешь?

Х а н. Власти великой хочу.

Л а у л а.

Хан, повелитель многих рабов,
сильнейший из всех земных владык,
власти просит?

Х а н.

Да. Как ты сладишь с диким конем,
Если нет на него узды?
Как расправу найдешь с огнем,
Если нет в достатке воды?
Было это недавно — народ восставал,
Закрутилось пламя кругом,
Я мечом бунт удержал,
Тот пожар я кровью залил,
Трон поставил я из могил, —
Был у них предводитель Сардар,
И погиб мятежник Сардар!
Тот, что мне раздувал пожар.

О ж е т. Сардар, Мергена отец...

Х а н.

У Сардара отросток есть,
Молодой мятежник Мерген.
Тот щенок не попал мне в плен,
Точит где-то на хана меч,

Роег где-то незримый ход,
Мошь колеблет дворцовых стен,
Искру пламени он несет, —
Укрывает его народ.
Жив Мерген — неспокоен хан, —
Ханской власти в Мергене бич!
Ханской власти в Мергене страх!
Где-то здесь он скрылся в горах:
Бьет в моих урочищах дичь,
Кормит тех, кто мшенье хранит...
Этот враг должен быть убит!

О ж е т.

Погубить Мергена? Убить надежду народа?
Не дадим! Мерген, солнце наше, сила наша!
Только бы мне найти тебя, предупредить!

Скрывается.

Л а у л а.

Убить Мергена... Наивен ты, хан...
Он сейчас непобедим...
И пробудет таким вовек,
Пока... Пока...

Х а н. Говори, о говори, великая Лаула!

Л а у л а.

Слушай же, хан:
Словно заря светла,
Есть у Мергена сестра,
Золотокося Арман.
В ней великая сила его,
Без нее не сможет он ничего.
Это — крылья мечты его.
Отними у Мергена сестру —
Обессиль ее и народ!
Я бессильна ее схватить!
Есть на Арман заклятье одно,
Темным силам взять ее не дано,
Может только ее человек схватить!
Ты похитишь Арман,
Где она — я укажу.

Всю копну золотых волос,
Всю красу молодой Арман
Я тебе за это отдам.
Посмотри, что тебя ждет.

Указывает на ручей. Хан оборачивается: по ручью, змеясь,
проплывает золотой волос, сверкающий в струях воды.

Х а н (*пытаясь схватить волос*). Волос! Золотой волос!
Л а у л а.

Только один волос. А ведь их
целые косы...

Х а н.

Только один волос... как же она
должна быть прекрасна! Я разыщу ее!
Я отниму ее!

Л а у л а.

Запри во дворец ее,
Чтоб не видел народ ее!
Сила великая в ней!

Х а н.

Будет Мерген убит,
Будет народ покорен,
Будет Арман моей!

Л а у л а.

Ты с Мергеном не справишься сам,
В помощь тебе я сына дам.
(*Кричит.*)
Тарагай!

Раздается грохот. С дикой песней приближается сын Лаулы – Тарагай.

Т а р а г а й.

Э-э! Ай-о-э!
Дай дорогу Тарагаю,
Я в пути преград не знаю,
С горы на горы шагаю.
Э-э! Ай-о-э!
Только пикнешь – будет хуже,
Как сдавлю тебя потуже –

Так и скис – осталась лужа.
Э-э! Ай-о-э!

Сапогом валю утесы,
Кулаком их под откосы.
Прочь с пути, молокососы!
Э-э! Ай-о-э!

Л а у л а. Хороша моя помощь, хан?

Х а н. М-да, недурно...

Л а у л а. Сила его, ум – твой, хан.

Т а р а г а й.

Кого давить надо? Э-э?

Моя нога наготове! Кого погладить
надо? Э-э? Кулак недалеко!

Л а у л а.

Хан скажет тебе, Тарагай.

Идем. Я научу тебя, как заарканить

Золотокошую Арман.

Уходят. С песенкой выходит Арман.
Ее золотые волосы упрятаны под косынку.

А р м а н.

Где ты, мой волосок?

Отзовись на голосок.

Ты сломал гребешок,

Ты ушел в ручеек.

И уплыл. А я не могу тебя найти.

Вот никогда больше не буду причесываться.

И гребешки ломаются, и волосы рвутся.

Входит Мерген с подстреленной дичью.

М е р г е н.

Значит, я не ослышался. Это голосок моей

Арман! Сестренка моя, ты здесь?

Как ты попала в это недоброе место?

А р м а н.

Не сердись на меня, Мерген-ага. Я...

нечаянно... Я... больше никогда не буду.

М е р г е н.

Ах, дитя, дитя! Неужели я напрасно
повторял наставления? Твои маленькие
ушки не хотят слушать их.

А р м а н.

А зачем ты мне такой гребешок сделал?
Я расчесывала мои косы, а гребешок
сломался и оборвал один волос...
Я и оглянуться не успела, как он
упал в воду и уплыл... Я хотела
догнать его... Ведь ты же сам
говорил мне, что я должна прятать
свои волосы. Ну, я же хотела
сделать лучше...

М е р г е н.

... а сделала хуже. Подумай, Арман,
что было бы с твоим братом Мергеном,
если бы не один волосок, а вся
ты со всеми своими косами пропала?

А р м а н.

Не говори так, Мерген-ага. Ну кто
захочет разлучить нас? Посмотри,
как хорошо кругом.

Мне песенку поет ручей,
Струей звеня.

И хоры птиц, моих друзей,
Зовут меня.

И вижу я, весь мир мне рад,
Мечтой увит...

Один Мерген, мой старший брат,
Меня бранит...

Мерген, скажи мне: почему мы должны
прятаться здесь, как мышки, когда
они ястреба увидят? Почему ты велишь
мне всегда покрывать волосы?

М е р г е н. На свете много зла, Арман...

А р м а н. Зла? А что такое “зло”?

М е р г е н.

Зло? Это боль, слезы, тоска!
Это голод, холод, болезнь!

Арман. Убей зло. Мерген, ты же сильный!

Мерген. Если ты будешь со мной — убью.

Арман.

Так зачем же ты прячешься?

Идем сейчас!

Мерген.

Зло убило нашего отца, отважного

Сардара. Злой хан хотел убить и

нас, детей. Но добрый народ

скрыл нас от хана, заменил нам

отца и мать, вырастил нас. Народ

повторял мне: “Расти, Мерген,

набирайся сил, крепни и отомсти!”

Я коплю в себе силу, но, Арман,

крыло мое, как я оставлю тебя?

Ты еще дитя, я не могу, чтобы ты

терпела невзгоды походов, а без

тебя я бессилён... Расти, Арман,

расти, мечта народа...

Арман. Я выросла, Мерген!

Издали доносится голос Ожет.

Ожет. Мерген, Мерген!

Арман. Это народ зовет нас!

Ожет (*вбегает.*)

Опять то же место.

Неужели я заблудилась?

Славный батыр, не укажешь ли ты, как мне

найти Мергена, сына Сардара?

Мерген. Это я.

Ожет. Мерген...

Арман. А я — его сестра Арман.

Ожет (*в сторону.*)

Недаром сердце

билось, как птица,

Что в ясную

даль на крыльях стремится.

Недаром солнцем наполнился мир.

Прекрасен Мерген батыр!

(*Мергену.*) Спасайся, Мерген!

М е р г е н. Спасаться мне? От кого?

О ж е т.

Народ послал меня к тебе,
Мерген батыр. Салем тебе
шлет народ.

М е р г е н. Поклон народу от сына.

О ж е т.

Народ изнемогает, Мерген...
Голод, нужда точат его силы...
Когда я шла к тебе, я встретила
хана. Он вызывал старуху Лаулу.
Злую, страшную... Они сговорились
убить тебя...

А р м а н. Убить Мергена?!

О ж е т.

Они готовятся к бою! Спасайся,
Мерген, они здесь близко!

А р м а н. Убежим, Мерген!

М е р г е н.

Убить меня? Ну, что ж! Мой отец
Сардар говорил: дерзновение
разбивает или камень, или
голову... Мой отец разбил голову...
камни разбить попробую я.

О ж е т. Да будет счастлив твой путь, батыр!

М е р г е н. Как твое имя, девушка?

О ж е т.

Ожет, дочь народа, батыр. Та, что
хочет быть стремящем твоего
седла, тетивой твоего лука,
лезвием твоего меча.

М е р г е н.

Ну, что же! Вот нас уже трое,
а с нами весь народ!

О ж е т.

Так, батыр. Бояться нечего.
Герой умирает один раз. Трус —
тысячу раз. Я пойду с вами.
Кто разделся, тот воды не боится!
Глаза пугливы, да руки смелы!

Арман. Какая ты хорошая, смелая, веселая, Ожет!
Мерген. Таков весь народ, Арман.

Где-то наверху раздается крик. Падает подстреленная Птица Счастья.

Ожет. Кто это?

Арман. Птичка, бедненькая! Кто тебя ранил?

Мерген. ...Голубая Птица Счастья...

Птица.

Я над горной цепью пролетала,
Возвращалась из далеких стран...
Или впрямь на свете горя мало?
Подстрелил меня жестокий хан.
Но злодейство хану не простится, —
Горе на него теперь легло:
Подстрелить людского счастья птицу —
Это непрощаемое зло!

Арман. Опять этот хан! Мерген, победи его!

Птица.

Добрые, хорошие люди, батыр,
девушки, сестры мои, спасите
меня, спасайтесь сами! Злой
хан близко... Он добьет меня
и погубит нас...

Мерген.

Идемте, сестры мои!
Укроем раненное счастье!
Поплатится хан за свои
злодеяния!

Мерген и Ожет уносят Птицу Счастья. Арман замечает оставленную
Мергеном дичь.

Арман.

А как же дичь? Мерген добыл
ее для народа... Нельзя же
бросать ее здесь. Я возьму
ее с собой.

Врываются хан и Тарагай, накидываются на Арман, зажимают ей рот.

Т а р а г а й. Помочь тебе, хан, придержать девчонку?

Х а н. Не надо.

Т а р а г а й. Чуть-чуть...

Х а н.

Твое “чуть-чуть” деревья валит.

Я бегу, а ты оставайся здесь.

Т а р а г а й. Нет, и я с тобой!

Х а н.

Твоя мать Лаула приказала

тебе слушаться меня? Ну?

Вот я скажу ей, как ты слушаешься.

Т а р а г а й.

Ай-о-э! Не надо! У моей старухи

нрав крутой и когти острые.

Х а н.

То-то. Сиди. Сейчас примчится

сюда брат этой девчонки.

Задержи его, а если сумеешь,

так и пристукни.

Т а р а г а й.

Стукнуть? Можно.

Только пикнет — будет хуже:

Я сдавлю его потуже,

Скиснет он — прольется лужа.

Э-э, ай-о-э!

Х а н. Дубина... Ишак лесной...

Убегает с Арман.

Т а р а г а й.

Дай дорогу Тарагаю,

Я в пути преград не знаю,

С горы на гору шагаю.

Э-э! Ай-о-э!

Вбегают Мерген и Ожет.

Прочь с пути, молокососы!

Э-э! Ай-о-э!

О ж е т.

Ой, бой! Вот уж правду говорят:

“Драгоценности в горах ищи”.

Ну и клад мы откопали! Не
сродни ли ты давешней старушке?
М е р г е н (*обнажая меч*).
Сам уступи дорогу, ступа деревянная!
Т а р а г а й (*обрушиваясь на Мергена*).
Р-р-раздавлю! Я сын Лаулы!
Тарагай!

Мерген отскакивает в сторону, Тарагай валится на скалы.

О ж е т. Старый знакомый, значит? Люди говорят: “Со знакомым врагом воевать легче”.

Схватка Мергена с Тарагаем. Тарагай убит.

М е р г е н.
Первая месть за тебя, отец!
Первая месть за тебя, народ!
Спасибо, Ожет. Ты верный
боевой друг!
О ж е т. Меня послал народ. Это народ помогал тебе.
М е р г е н. А где же Арман? Арман! Арман!

Эхо.

Мерген поднимает ханский султан.

Что это? Ханский султан?!
О ж е т. Так здесь был хан... Арман...
М е р г е н.
Арман! Крыло мое! Сила моя!
Арман! (*Падают.*)
О ж е т.
Батыр, опомнись, батыр! Слушай,
батыр, слушай голос народа!
Что наш меч, коль нет закала?
Что без мужества герой?
Встань, Мерген, спеши на бой!
Птица Счастья нас послала
За твоей сестрой!
У Мергена Счастья Птица,
Рядом с ним — его Ожет.

За него весь мир, весь свет,
Весь народ за ним стремится,
Ждет его побед!

Мерген поднимается.

Без мечты и мысль бескрыла,
Без Арман – народ убит...
Поднимайся, путь открыт
С нами правда, с нами сила!
Солнце победит!

Уходят.

С воем носится старуха Лаула.

Лаула.

О, Тарагай, Тарагай!
Сын мой, великан Тарагай!
Убит Тарагай, убит,
Камнем холодным стал,
Прахом бесплодным стал,
Черной тучей средь скал,
Что ходит, грозит
И не льет дождя...
Но осталась я – твоя мать Лаула!
Я жива,
И месть моя не мертва!
Слово мое не знает измен!
Повелевает оно судьбе!
Самую страшную смерть
Готовлю тебе, Мерген!

Занавес

Просцениум. Ханские глашатаи.

I. Слушайте ханский указ!
Хан, повелитель многих рабов,
Сильнейший из всех земных владык,
Повелевает всем:
По запретной ханской земле

бродит вор, охотник Мерген!
Травит ханскую дичь, зверя
бьет, дорогие крадет меха!
Да не будет защитой ему
закон! Разыскать мятежника,
взять живым и в ханский дворец
его привести!
За поимку — награда, за укрытие —
смерть!

II. Слушайте ханский указ!
Хан, повелитель многих рабов,
Сильнейший из всех владык,
Повелевает всем! Ищет служанку хан.
Женщинам всем, девушкам всем
подвластных ему земель — сметливым,
крепким, выносливым, ловким в труде
явиться на площадь перед его
дворцом! Всем, кто укроется — смерть!

Уходят.

На носилках выносят хана. Перед ним — несколько женщин.

Х а н.

Вон их! Набитые дуры! По всей
земле — ни одной толковой бабы.

Н у к е р. Повелитель, ввести еще?

Х а н. А есть еще?

Нукер. Осталась последняя старуха, мой повелитель!

Х а н. Ввести!

Нукер вводит Ожет, одетую в пестрые лохмотья, безобразную, горбатую.

Она падает ниц перед ханом, потом поднимается.

Ты смела! Кто позволил тебе подняться с земли?

О ж е т.

Покупает джигит коня,

А скакун на траве лежит.

Эй, джигит, послушай меня:

Подними, огляди коня, —

Можешь клячу купить, джигит!

Х а н.

Неглупо сказано! Только
вот оглядывает джигит коня, —
а перед ним урод!

О ж е т.

Был красив олень — да в капкан попал.
А на поле рыщет урод — шакал.

Х а н.

Опять неплохо. Но... не много
ли ты болтаешь, красавица?

О ж е т.

Пусть лучше спотыкаются мои
ноги, только не язык. И то:
много говоришь — назовут трешоткой,
ничего не скажешь — назовут дураком.
А ведь краса подбородка — борода,
краса речи — пословица. Слово
вылетает через тридцать зубов
и облетает тридцать родов.
Недаром говорят, что язык острее
клинки!

Х а н.

Ты начинаешь мне нравиться, старуха.
Скажи мне: вот прикажут тебе сторожить
сокровище, чтобы никто не
подобрался к нему. Что ты со своим
умом делать будешь?

О ж е т.

Что же? Ум измену заметит тотчас:
У него полсотни ушей, да зоркая пара глаз!

Х а н.

А если сокровище само улетит
от тебя? А ты отвечаешь за
волос его?

О ж е т.

Руки умные цепки, хан.
Изготовят мигом птичке капкан!

Х а н. Довольно, старуха! Я беру тебя в служанки.

Расходятся.

Второе действие

Внутренние покои хана. Мрачная роскошь. Арман лежит на богатых подушках, вся укутана покрывалом. Плачет, тоскует.
Входит безобразная Ожет.

Арман.

Опять эта старуха! И без нее-то мне страшно. Ходит — точно змея ползет и глаз с меня не сводит...

Ой, не подходи ко мне, я боюсь тебя...

Ожет.

Отчего так, птичка золотоперая?

Поправь покрывало на голове.

Ты же знаешь — хан не велел тебе снимать его.

Твои волосы всегда должны быть закрыты.

Арман.

Я знаю... Хан сказал:

“Не послушаешься — смерть тебе!” Смерть... Он любит это слово. Страшное слово...

Сколько раз он повторял мне его. Скажи: разве волосы мои — сокровище?

Ожет. А почему моя птичка спрашивает так?

Арман.

Потому что хан всегда пересчитывает мои волосы... А я боюсь, вдруг какой-нибудь мой волос пропадет? Улетит, скроется... “Где ты, мой волосок? Отзовись на голосок...”

Нет, не могу петь... На волю хочу! В лес, в горы, к брату Мергену! Не хочу здесь жить! Меня и убивать не надо, я сама умру здесь!

Ожет.

Или не любя птичке клетка?

Или не позолочены крепкие

решетки? Петь бы ей да петь
в таком дворце...

Арман.
Ты смеешься надо мной,
злая старуха! Зачем ты
дразнишь меня?

Ожет.
Счастья твоего хочу.
К счастью зову.

Арман.
Ты темная, страшная...
Можешь ли ты хотеть мне
счастья?

Ожет.
У пегого скота пятна
снаружи, у злого человека —
внутри. На шкуру не смотри,
загляни в сердце.

Арман.
Сердце? У тебя есть сердце?
Так сжался надо мной,
отпусти меня!

Ожет.
Арман, Арман, надежда народа!
Не плачь, золоти́косая наша!
Близка свобода!

Арман. Кто ты?..

Ожет. Ожет мое имя.

Арман.
Нет, нет, ты обманула меня!
Ожет хорошая, смелая,
веселая, свободная... Она поет,
как птичка... Разве может
быть она такую?.. Что это?

Ожет (*достаёт нож*). Убей хана!

Арман.
Отойти от меня! Арман никогда
не возьмет в руки нож!
Арман не может убить, Арман
погибнет сама, но не прольет
кровь!

О ж е т. Тогда бежим!

А р м а н.

Ни за что! Не верю! Никому
не верю! Может, ты уводишь
меня отсюда для больших мук?
Вот если бы за мной пришел
мой брат Мерген... О, за ним
я пошла бы, даже если бы
он повел меня в пламя.

О ж е т.

Да ведь я тебя к Мергену зову!
Жив твой брат и бьется с врагом.
Изнемог он один в борьбе,
Все одни он шепчет слова:
“Кабы знать, что Арман жива!”

А р м а н. Говоришь ты — бьется Мерген?

О ж е т. За тебя, Арман, за народ!

А р м а н. Знак... Ему нужно знак подать!

Вырывает золотой волосок.

Волос, мой волосок золотой!
Развейся над этими черными стенами,
Вольные ветры подхватят тебя,
Вольные ветры развеют тебя,
Пусть сверкнет он на небе!
Увидит Мерген и воскликнет:
“Арман! Жива Арман, крыло мое!”
Лети, волосок, лети!

Сверкающий волосок улетает. Входит хан, велит Ожет удалиться.

Х а н.

Ну, золотокосяя моя, довольна ли ты?
Хорошо ли смотрит за тобой
служанка?
Исполняет ли она твои желания?

А р м а н. Да, мой повелитель...

Х а н. Хороши ли наряды, что я прислал тебе?

А р м а н. Да, мой повелитель...

Х а н. Сладка ли, вкусна тебе пища?

Арман. Да, мой повелитель...

Хан.

Дай-ка я пересчитаю свое
богатство — золотые волосы
на твоей голове...

(Арман отшатывается.) Да не бойся
меня, глупая девочка!

Разве я обижаю тебя? Ну,
хорошо, я не трону твоих
волос, садись здесь, рядом
со мной... *(Арман садится.)*

Твой повелитель хочет послушать
твое пение.

Спой хану, Арман!

Арман *(поет)*.

Птичка — перья золотые,
Тщетно бьешься ты в плену,
Вспоминая дни былые,
Небо, солнце и весну!

Глянет луч на миг короткий
В запыленное окно...
Видно, вправду за решеткой
Ей погибнуть суждено.

Хан.

Опять ты за старое!
Заскулила, как щенок у порога!

Арман.

Отпусти меня, хан! Сжался
надо мной! Я не могу жить
без моих лесов, гор, полей,
цветов!.. Я не могу жить
без моего брата Мергена...

Хан *(злбно хохочет)*.

Ха-ха-ха!

А Мерген не может жить без тебя!

И пока ты здесь, Арман,

Пока твои волосы здесь —

Бессилен Мерген, с ним бессилен
народ!

И его повелитель — я!
Вот почему ты здесь, Арман,
Вот почему тебя стерегут!

Появляется в дверях голова страшного посланца Лаулы.

П о с л а н е ц.

Что ты медлишь, хан?
Ждет Лаула тебя.
У горы Мергена она догнала,
Держит крепко его в борьбе.
Истощен среди скал
Конь его измученный пал!
А Мергена жизнь отдана тебе!
Должен ты надежду народа убить,
Эту честь Лаула оставляет тебе!
Торопись, о хан! *(Исчезает.)*

Х а н.

Вот! Ты видишь, ты слышишь, Арман!
Скоро свидишься с братом своим!
Только мертвым! Эй, старуха!

Вбегает Ожет.

Я еду за подарком, привезу ей голову
Мергена. Стереги ее! За каждый
ее волосок жилы из тебя вытяну!

Уходит.

О ж е т.

Сберегу я тебе, Арман
золотокосу! *(Снимает с себя черную маску.)*
Арман, бежим! Да сними ты эту
черную простыню, запутаешься!

А р м а н.

Хан не велел снимать, не велено
снимать, злая старуха...

О ж е т. Вот она!

А р м а н.

Ожет! Уведи меня отсюда!
Я хочу к Мергену!

О ж е т.

Ага, упрямица! Думаешь, я не хочу?
Вперед!

В дверях появляются нукеры.

I-й н у к е р. Измена! Смерть им!

II-й н у к е р (*бросается с мечом на Ожет*). Подыхай,
змея!

О ж е т (*увертывается от нукеров*). Сбрось покрывало,
Арман!

Арман сбрасывает покрывало. Волосы ее ослепительно сверкают.
Нукеры валятся.

I-й н у к е р.

О! Я ослеп, я ничего не вижу!
Колдовство!

II-й н у к е р. Я слеп, как крот! Проклятие...

Катаются по полу, натываются друг на друга. Арман и Ожет убегают.

(Слышен голос Птицы Счастья.)

Зло в ночи туманом стелется,
Зло боится света, знай!
Тьме ли с солнцем силой меряться?
Выходи и побеждай!

З а н а в е с

Третья картина

Дикая гора. Смертельный бой Мергена со старухой Лаулой.

Л а у л а.

Буря воеет, как дикий зверь,
Неотомщенная кровь зовет.
Ну, теперь Лаула все счета сведет!
Закручу, замотаю вокруг горы и
Ветром северным захлещу.

И тогда на смерть и на срам
Брошу к ханским ногам!

Мерген изнемогает, но к нему подлетает золотой волосок.

М е р г е н.

Золотой волосок моей Арман!
Ты жива, сестричка моя,
И мне знак свой подаешь!
О! Я чувствую силу в своих плечах
И я снова готов на бой!

Поединок закипел с новой силой.

Л а у л а.

Проклятье! Снова сила вернулась к нему!
Гей! Отродье тьмы и страха!
Вылезайте из берлог!
Сыпьте пеплом, сыпьте прахом,
Чтоб он двинуться не мог!
Когти, зубы и рога —
Все направьте на врага!

Гей! Нечистые, вставайте!
Помогайте, помогайте!
Из подземного аула
Призывает вас Лаула!

Появляется разнообразная нечисть, теснит Мергена, тот мужественно сражается. Все враги, кроме Лаулы, побиты, но и силы Мергена на исходе. Появляется хан.

Х а н. Проклятый мятежник! Рабское отродье! Погибни!

Лаула прячется. Мерген бросается на хана.
На скале появляются Арман и Ожет.

Х а н *(во время поединка)*. Я обещал твоей сестре твою голову. Я сдержу слово!

М е р г е н. Посмотри, что сияет там, на скале!

Х а н *(оборачивается)*. О, проклятье!

М е р г е н. Обернись! Я не бью в спину!

Хан бросается на Мергена, тот пронзает его копьем.
Выскакивает Лаула, хватает копье.

А р м а н }
О ж е т } Берегись, Мерген!

Л а у л а (*потрясая копьем*).
Нет, Мергена я не убью.
Я убью его душу!
Душу народа я поражу!

Швыряет копье, оно со звоном отскакивает от золотых волос Арман и,
само вспыхнув, повернувшись, поражает Лаулу.

А р м а н. Мерген, брат мой!
О ж е т. Батыр мой!

Девушки спускаются с утеса, прилетает Птица Счастья.

М е р г е н.

Кончился ханский гнет,
Ты свободен, степной народ!
Ты вскормил меня и вспоил,
Ты на битву меня вдохновил,
Дал мне Птицу Счастья в пути,
Золотокосу дал Арман,
Верную дал Ожет,
Благодарность тебе, народ!
Я твой сын и слуга, народ!

П т и ц а С ч а с т ь я.

Далеко, где свет зарницы,
Утро брезжит над землей, —
Веют крылья дивной птицы,
Птицы Счастья голубой.
Честный, смелый, с песней звонкой,
Выходи! — Твой путь открыт.
И к тебе сама вдогонку
Птица Счастья прилетит.

В с е.

Веет в поле буйный ветер,
Нет ему таких помех,
Чтоб сдержал он вольный бег.
Нет такого зла на свете,
Чтоб умолкнул смех.

Если зло нас больно ранит,
Наша песня нам твердит:
Смело, братья! Путь открыт!
Ночь минует, утро встанет,
Солнце победит!

З а н а в е с

Ауқарма

АҚҚАСҚА

Аш қасқыр аңға бару үшін орнынан тұрды. Үш бөлтірігі бірдей үйме-жүйме болып, бірін-бірі жылытқан күйі қатты ұйықтап жатыр. Аш қасқыр оларды бір-бір жалап алып, жүріп кетті.

Көктемгі март айы, алайда түнде, декабрьдегідей, ағаштар шытынып тұратын еді де, тілінді болар-болмас шығарсаң-ақ, қатты шымшып әкететін-ді. Қасқырдың денсаулығы нашар, әрі өзі сужүрек. Болар-болмас дыбыстан селк ете түсетін, үнемі біреу-міреу келіп, бөлтіріктерімді жәбірлемесе игі еді деп ойлайтын. Адамдар мен жылқылардың іздерінің иісінен, ағаштың түбірлерінен, үйілген отындардың, малдың киі түсіп қарауытқан жолдан қатты қорқатын. Ағаштардың сыртында қаракөлеңкелерде адамдар тұрған сықылданатын, орманның бір шетінде иттер үріп жатқан тәрізденетін.

Қасқыр қартайыңқырап келген-ді, сондықтан сезімі нашар тартқан еді. Жас кезінде алданып, жолдан адасу деген өмірі болмайтын ғой, міне, қазіргі кезде ара-тұра жолдан адасып та кетіп отырады, түлкінің ізін иттің ізі деуі де болып қояды. Денсаулығының нашарлығынан ол бұрынғыдай бұзаулар мен ірі қойларды аңдуды қойған, үйірлі жылқыны көрсе, анадай алыс жерден орағытып өтетін, содан тек өлексені ғана азық қылатын. Жас етті де сирек жейтін, жас етті тек көктемде үстінен түсіп қалып, қоянның жас көжектерін ұстап алғанда ғана, болмаса, қозылары тұрған мұжық қорасына ұрланып түскенде ғана жейтін.

Апаннан төрт шақырым жерде, почта жолының үстінде қыстау бар. Осында үнемі жөтеліп қойып, өзімен өзі сөйлесіп отыратын, жетпіс жасқа келген Игнат атты шал тұратын. Дағдысы — түнде ұйықтайтын да, күндіз болса қолына мылтық алып орманды кезіп, қоян аулайтын. Заты, бұрын механик болып қызмет етуі керек, өйткені қашанда бол-

са, бөгеліп тоқталмас бұрын өзіне өзі: “Тоқта, машина!” – деп айғайлайтын да, жүрер алдынан: – “Барынша сілте!” – дейтін. Қасында тұқым заты белгісіз Арапка дейтін тайыншадай зор қара иті болатын. Бұл ит жүгіріп ілгері алыстап кеткен кезде шал оған: “Кейін сілте!” – деп айқайлайтын. Кейде шайқалақтай тенселіп тұрып, ән салатын да, көбіне: “Рельстерден шығып кеттім!” – деп айғайлаған күйі барып жығылатын. Қасқыр мұны желден ғой деп ойлайтын.

Өткен жаз бен күздігүні қыстаудың жанында ылғи бір қошқар мен екі қойдың жайылып жүретіні қасқырдың есінде еді, тағы осы жақын арада жанынан жортып өте бергенде, қорадан маңырағандай да болып естілді. Қазір де енді қыстауға жақындап келе жатып, үстіміздегі март айы ғой, уақытқа қарағанда қорада қозылар сөзсіз болуға тиісті, – деп толғады қасқыр. Өте ашыққан, содан ол қозыны бір мейлінше жесем деп ойлады. Осы секілді ойлардан тістері сақылдап кетті де, көздері қараңғыда жылтыраған екі от секілді жанып тұрды.

Игнаттың үйі, сарайы, қорасы, құдығы айнала биік жота-жота қармен қоршаулы. Тып-тыныш. Арапка, заты, сарай артында ұйықтап жатса керек.

Қасқыр жота қармен қора төбесіне шықты да, тұмсықты салып жіберіп, аяқтарымен сабан шатырды боратып талқандай бастады. Қасқыр құлап кете жаздады, өйткені сабан әрі шірік, әрі нашар, борпылдақ еді. Бір кезде қасқырдың мұрнына жылы бу аңқып қоя берді, қойдың қиының, сүтінің иісі келді. Суықты сезініп төменнен нәзік дауыспен қошақан маңырап қоя берді. Тесіктен ырғып кетіп, алдыңғы екі аяғы, кеудесімен барып жып-жылы бірдемеге түсті, заты, қой болу керек. Бұл кезде қорадан тұтқиылдан бірдеме жіңішке дауыспен үріп қоя берді, қойлар үркіп қабырғаға тығылды. Содан қасқыр шошынып кетіп, шүү деп тістене түскенді ұстай алды да, қаша жөнелді...

Қасқыр ышқына-ышқына қашты. Қасқырды сезген Арапка бұл кезде өршелене, шабалана үрді, қыстаудағы шошынған тауықтар шақыруда болды. Ал Игнат басқышқа шыға келіп:

– Барынша тарт! Ысқырған жаққа қарай жөнел! – деп айғайлап тұр.

Машина секілді пысылдап ысқырды да, кейін “го-го-го-го!” деп жөнелді. Осы шу айғайдың бәрін орман жаңғырығып қайтара айтып тұр.

Осының бәрі бірден-бірге барып басылған кезде, қасқыр азырақ тиыштанدى да, аузына тістеп алып, жерге салып сүйреп келе жатқан олжасының осы кездегі қозылардан көрі ауырырақ, қатқылдау екенін байқай бастады, иісі де өзгеше еді, дауыстары да жат-ты... Тынығып алып, жеуге кірісу үшін қасқыр тоқтады да, олжасын қарға қойды. Сол ақ екен, жиіркеніп ырғып кетті. Бұл қозы емес, сүйекті зор тұқымнан шыққан, ұзын аяқты, үлкен басты, қап-қара келген, Арапканың қаскасы секілді аққаскасы бар күшік еді. Жүріс-тұрысына қарағанда надан жабайы қора иті. Өзінің езіліп жараланып қалған жонын жалап-жалап қойды да, ол түк болмағандай құйрығын бұлғап-бұлғап жіберіп, қасқырға үріп қоя берді. Ит сықылды қасқыр ыр ете түсті де, жортып жөнелді. Артынан күшік жөнелді. Ол бұрылып қарады да, ыр ете түсті, күшік аңырып тоқтай қалды, сонан соң, анау менімен ойнап тұр деп білсе керек, тұмсығын қыстау жаққа қарай созып көтерді де, шешесі — Арапканы қасқыр екеумізбен келіп ойна деп шақырғандай, қоңырауша сылдыраған көңілді дауыспен үріп жіберді.

Таң ата бастаған кез. Содан қалың ну терек арасымен қасқыр апанына қайтып келе жатқан кезде әрбір теректер айқын көрінетін еді. Құрлар оянып, күшіктің үруі мен оқыс басқан сыбырдан тиышсызданған әдемі қораздар әлсін-әлсін дыр етіп ұшып-қонуда еді.

Қасқыр кейіп: “Не үшін бұл менің соңымнан жүріп келеді? — деп ойлады. — Заты, мені жесін дейтін шығар”.

Бөлтіріктер мен бұл қасқыр тайыз шұқырда тұратын. Осыдан үш жыл бұрын үлкен күшті дауыл ұзын қарт қарағайды тамыр-тамырымен жұлып әкеткен де, содан, міне, осы шұқыр болып қалған еді. Түбінде оның қазір де ескі жапырақтар мен мүк жатыр, бөлтіріктер ойын қылып жүретін сиырдың мүйіздері мен сүйектері де жатқан-ды. Бір-біріне ұқсас үш бөлтіріктің үшеуі бірдей оянып алып, шұқырдың жиегінде, қайтып келе жатқан шешесіне қарап, құйрықтарын бұлғап тұр. Күшік көрді де, анадай жерде тоқталып, ұзақ уақыт оларға аңыра қарады. Көз алмай олардың да қарап тұрғанын көріп, күшік бөтен біреуге үргендей, ашуланып үре бастады.

Таң әбден атты, күн шықты, айналада қар жалт-жұлт етеді. Міне, осы уақытқа шейін күшік анадай жерде үріп тұр. Арса-арса болған қарнын аяқтарымен тепкілеп, илеп-илеп қойып, бөлтіріктер шешесін сорып жатты. Ал бұл кезде шешесі жылқының кеуіп қалған ақ сүйектерін кеміруде болды. Өте қатты ашыққан еді. Содан үруден басы ауырып кетті, шақырусыз келген қонақты тарпа бас салып, далдалын шығарсам ба екен деп ойлады.

Ақыры күшік қалжырады, даусы қарлықты. Одан қорықпады. Керек болса, ешкім назарын да салмады, міне, осыларды көрген соң күшік біресе отырып, біресе ырғып, жүрексінген күйде бөлтіріктерге жақындай бастады. Қазір, күндізгі жарықта күшікті түгел көріп алу оңай еді... Мұның ақ мандайы үлкен-ді, өте ақымақ иттердікіндей мандайында дөңесі бар болатын. Көздері күнгірт ақшыл, көк, кіп-кішкене еді. Бүкіл кескіні өте ақымақ кейіпте еді. Бөлтіріктерге жақын келіп, ілгері қарап жалпақ аяқтарын созды да, басын салып:

“Ау-ау-ау-ауу-ауа!” — деп үре бастады.

Бөлтіріктер түк ұқпады, алайда құйрықтарын бұлғап-бұлғап қойды. Сонан соң күшік тұрып, аяғымен бөлтіріктердің біреуін үлкен маубасынан салып жіберді. Күшік бір бүйірін беріп жанап келді де, құйрығын бұлғаған күйі бір мұрттап бөлтірікке қарады. Сонан соң тұрған жерінен кенет ырғып кетті де, қатты қардың үстімен бірнеше рет айналып шықты. Бөлтіріктер қуа жөнелді, күшік шалқасынан жата қалды да, төрт аяғын жоғары тарбита қойды, бөлтіріктер жабылып, қуанғаннан ыр-ыр етіп, тістей бастады, бірақ ауыртпай, ойнап қана тістейді. Биік қарағайда отырған қарғалар бұлардың күресіне жоғарыдан қарап отырып өте тиышсызданды. У-шу, бір түрлі көңілді-ақ. Күн көктемдегідей жылытып тұр. Дауыл соғып, құлап жатқан қарағайдан әлсін-әлсін ұшып өтіп жатқан құр қораздары күннің нұрына шағылысқаннан жауһар секілді болып көрінді.

Қасқыр бөлтіріктерін аңға үйреткенде қолға түскен нәрсемен ойнатып барып үйретеді. Сондықтан бөлтіріктерінің қатты қалың қармен күшікті қуалап, алысып жүргендеріне қарап отырып: “Мейлі, үйренсе үйренсін” деп ойлады қасқыр.

Ойнап болғаннан кейін бөлтіріктер шұқырға қайтып ба-

рып, ұйықтауға жатты. Аштықтан біраз ұлып-ұлып қойып, кейін күшік те керіліп күнеске жата кетті. Оянғаннан кейін тағы да ойнай бастады.

Қасқыр күні бойы, кеш бойы өткен түні қорадағы қозының маңырағанын есіне алумен болды, қой сүтінің иісінің аңқып тұрғанын есіне түсірді. Шабыты өте өршеленеді, содан тістерін сарт-сарт еткізіп, ескі сүйекті аузының суы құрып, кемірумен болды. Ойынша оны қозы деп кеміріп жатты. Бөлтіріктер сорып еміп қояды, ал тамақ жегісі келген күшік айнала жүріп, қарды иіскелейді.

“Осы күшіктің өзін жеп қойсам ба екен...” деп ойлады қасқыр.

Қасқыр күшікке келеді, сол-ақ екен күшік оның тұмсығын жалап жіберді де, өзіммен ойнайын деп тұрған шығар деген оймен дүрдііп тұра қалды. Өткен уақыттарда ол итерді жейтін-ді, ал күшіктен ит иісі қатты мұнкіп тұрған еді, сондықтан денсаулығының нашарлығынан ол қазір де бұл иісті жақтырмайтын. Жиреніп кетті де, сырт айналып жүріп берді.

Түнге қарай суық болды. Кешеден өзінің жылы орнын сағынған күшік ауылға қарай сапар шекті.

Бөлтіріктері әбден ұйқыға кірген кезде, қасқыр тағы да аңға жөнелді. Өткен түндегідей, ол болар-болмас дыбыстан тиышсызданып елең қакты, ағаш түбірлерінен, отындардан қорықты, алыстан адам секілді болып көрінетін, жеке-қара тұрған кара баран, арша шоқтары да оны қорқытып отырды. Жолдан сырт, қатты қармен жорытып отырды. Кенет алдынан алыста жол үстінде бірдене қарандады.. Көзін тігіп, құлағын түріп тындай қалады: шынында да алдында бірдене кетіп бара жатқан еді. Тіпті бір қалыппен маң-маң басқан дыбысы да естіліп тұрды. Борсық емес пе екен? Қасқыр өте сактанды, демінің өзін әрең-мәрең алған күйі бірден-бірге сырттай отырып, озып алдына түсті. Содан соң қарап жіберіп еді, тани кетті. Бұл – жай-бәзір аяндап, қыстаққа қайтып келе жатқан Аққасқа күшік екен.

“Ол тағы да маған кедергі болып, кесір қылмаса игі еді” деп қасқыр ойлады да, тездете басып, ілгері жорытып жөнелді.

Қыстақ жақын еді. Тағы да ол жота қарды басып, қораның төбесіне шықты. Кешегі тесік сабанмен бітелген еді де, төбесіне жанадан екі сырғауыл бастырылған-ды.

Күшік келе жатпады ма екен деп қарап қойып, қасқыр тұмсығы мен аяқтарын салып, бората бастады. Содан жылы бу мен мал қиының иісі жана ғана аңқи бастаған кезде, артынан өршеленген иттің қуанышты үруі естілді. Бұл келген күшік еді, төбеге қарғып қасқырға келеді, сонан соң ырғып тесіктен түсті де, өзінің үйіне келіп жылынып, қойларын таныған соң бұрынғыдан да әрі қатты үріп қоя берді. Сарай артынан Арапка оянды да, қасқырды сезініп, қыңсылап қоя берді, тауықтар шақырды. Содан қолында мылтығы бар Игнат басқыштан көрінген кезде, шошынып қорыққан қасқыр қыстақтан алыстап кеткен еді.

– Жөнел! – деп Игнат ысқырды. – Жөнел! Пәрмендете қу!

Серіппені басып жіберді, бірақ мылтық атылмады және басты – тағы атылмады. Сонан соң үшінші рет басты, сонан барып мылтықтың аузынан үлкен бір будақ от ұшып шықты да, адамның құлағын жарып, “бу-бу!” деген дауыс естілді. Иығына өте қатты тепті. Содан бір қолына мылтық, екінші қолына балта алып, айғай-шудың неден екенін көруге жөнелді...

Аздан кейін үйіне қайта оралды.

Осы түні үйінде қонып жатқан жолаушы айғайдан оянып кеткен күйі:

– Немене? – деп сұрады қарлыққан дауыспен.

– Түк емес... – деп Игнат жауап берді. – Ешнәрсе емес. Біздің Аққасқа қойлармен бірге, жылыда ұйықтайтын болып алды. Жалғыз-ақ, есіктен жүрудің орнына, үнемі төбеден, шатырдан шығуға аңсары ауып тұрады. Өткен түні төбені бұзып шығып, серуендеп кетті, антұрған қазір қайтып келіп, тағы да төбені талқандап тастапты.

– Ақымақ.

– Иә, миындағы пружина үзіліп кеткен ақымақтарды өмірі сүймеймін! – деп Игнат пешке шыға беріп, күрсінді де: – Әу, құдайы мейман, тұруға әлі ерте, кел мықтап тұрып ұйықтайық... – деді.

Танертең Аққасқаны шақырып алып, екі құлағынан қатты жұлқып-жұлқып жіберді де, кейін шыбықпен зекіп отырып:

– Есіктен кіріп жүр! – деп үш рет қайталап айтты.

ҒЫЛЫМИ түсініктемелер

“Автобиография (1953 г.)”

М.О. Әуезовтің 1953 жылдың ақпаны мен маусымында жазылған өмірбаяндарының арасында іштей айырмашылықтар бар. Осының екіншісі анкета ретінде қойылған сұрақтарға жауап түрінде жазылған. Ол КСРО Жазушылар одағының архивінен алынды. Мұнда ол өзінің өткен өмірінен де, нендей қызметтер атқарып, қандай саяси көзқараста болғандығынан, қандай ұстанымдарды ұстанғандығынан да хабардар етеді. Мұнда 1910 жылдардың аяғында Омскідегі “Жанар” атты мәдени-ағарту ұйымына басшылық еткенін, онда ұзақ тұрақтай алмай, Семейге қайта оралып, Жүсіпбек Аймауытовпен бірігіп “Абай” журналын шығаруға атсалысқанын айтады. Сол тұстағы өзінің барлық бағыт-бағдар, ұстаным-танымын осында жарық көрген мақалаларында, толғауларында білдіреді. Мұнда келген соң жастарды оятып, ой салу үшін “Жас азамат” ұйымын құрып, оның бағдарламасын “Алашорда” партиясының бағдарламасымен жақындастырып, үндестіреді. Мұханның жазуымен осы ұйым ағымдарының біраз көріністері журнал беттерінен орын алады, үлкен шығармашылық жолға да осы кездерде қадам басады. “Елағасы” мен “Бәйбіше-тоқал” пьесалары осындағы клубтарда көрермендер талқысына ұсынылды. Жазушының өмірбаяны бұдан кейінгі өмірінің ойлы-қырлы, бұралаң соқпақты кезеңдерінен, қандайлық еңбек тындырғанынан елес береді. Жазушы анкетадағы сұрақтардың өзіне қатыстысына ғана тоқталып, көп жайылдырмай, нақты, қысқа жауап қайтаруға тырысты. Сондықтан да өмірбаян, алдыңғы нұсқасына қарағанда, бұл жерде өзгешелеу сыпатта жазылды.

Т. Әкім

“Автобиография (1958 г.)”

Бұл өмірбаян 1958 жылдың 5 сәуірінде жазылған. Оның бір данасы өз мұражайының қолжазбалар қорында (382-бума, 53—57-бб.) сақтаулы тұр. Мұнда сауатын алдымен араб әрпімен ашқан М. Әуезовтің 12 жасынан бастап орыс мектебінде, семинарияда, университетте оқығаны көрінеді. Осы аралықта мемлекеттік үлкен қызметтер де атқарған: Семей облыстық ревкомының төрағасы, Кирреспубликаның (Қазақстан) ҚазЦИК Президиумының мүшесі болған. Университетті бітірген соң аспирантурада оқиды, бірыңғай шығармашылық, педагогтық жұмыстармен айналысады. Осы кезде өзінің ойларын, танымдарын одақтық (“Правда”, “Известия”, “Советская Россия”, “Литературная газета”, “Советская культура”, “Новый мир”, “Дружба народов”, “Знамя”, “Литературный критик”, “Советское востоковедение”), республикалық (“Социалистік Қазақстан”, “Қазақстанская правда”, “Лениншіл жас”, “Әдебиет және искусство”, “Литература и искусство Казахстана”, “Вестник Казахской Академии наук”, “Известия, серия филологическая”) баспасөз беттерінде үзбей жариялап отырды. Өмірбаянда “Абай”, “Абай жолы” романдары үшін Сталиндік (бірінші дәреже), Лениндік сыйлықтар алғанын, бұлар дүниежүзінің жиырма бестен астам тілдеріне аударылғанын айтады. Абай шығармаларын 1933 жылдан бастап өзінің редакциясымен, түсініктемелерін, өмірбаянын жазуымен бірнеше рет баспадан шығарды.

Т. Әкім

“Автобиография (1959 г.)”

1959 жылдың 2 карашасында жазылған өмірбаян мұражайдағы қолжазбалар қорының 271-бумасынан (79–81-бб.) алынды. Алғашқы беттің жоғарғы бұрышына “копия” деп жазылған. Өмірбаянды өзі қызмет атқарып жүрген Қазақ КСР Ғылым академиясының Тіл және әдебиет институты үшін жазғандығы соңғы жағына мөр басылып, ғалым хатшының қолы қойылғандығынан көрінеді. Мұрағатында мұндай өмірбаянның көптеген нұсқалары бар, бірақ солардың ішінен бірін-бірі қайталамайтындары ғана іріктеліп, басылымға ұсынылды. Мұнда 1956 жылдан Қазақ КСР Жоғарғы Советінің депутаты ретінде сайлаушылар алдында өзіне тиісті міндетін атқарып келе жатқаны, Қазақ республикасының Жоғарғы Советі өзіне “Қазақстан ғылымының еңбек сіңірген қайраткері” атағын бергенін айтады.

Т. Әкім

**“Выступление М.О. Ауэзова на совещании
в Институте мировой литературы
им. А.М. Горького по вопросам изучения
литературы народов СССР (1949 г.)”**

М. Әуезов бұл баяндамасын Мәскеуде, 1949 жылы 8 маусымда жасаған. Баяндама мәтіні Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан алынды (фонд 1604, опись 1, ед. хр. 171, л. 22–29).

1940 жылдардың соңы мен елуінші жылдардың басында КСРО-ның ұлттық республикаларында көп томдық әдебиет тарихтары жасалған. М. Әуезовтің сөзінде 1-томы 1949 жылы шыққан қазақ әдебиеті тарихының дайындалу барысы жайлы жан-жақты мәлімет берілген. Көп томдықты дайындаушы институттың жайы, ғылым докторлары мен кандидаттарының саны, төрт томдық іргелі еңбекті дайындауға қажетті күштерді жұмылдыру жайлы нақты мәліметтер көрсетілген. Идеологиялық солақай саясаттың Ұлы Отан соғысы кезінде біраз басылғаннан кейін қайта өршіп келе жатқан кезеңіне орай айтылған ойлар М. Әуезовтің аталған еңбекке қатысты Қазақ КСР ҒА-да өткен талқылаулардағы баяндама, сөздеріне (олар М.О. Әуезов шығармаларының толық академиялық басылымының томдарында бар) ұқсас. Баяндамада көркем әдебиеттегі ұлттық түр мен дәстүр жайында сол кез үшін алдыңғы қатарлы теориялық ойлар айтылады. Әуезовтің баяндамасы белорус Лыньсков пен грузин Жгентидің баяндамаларының ортасында жасалған. Толық академиялық басылымның бұл томына баяндама мәтіні аталған мұрағаттағы стенограммадан алынып берілді.

Д. Қонаев

“Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР по обсуждению альманаха “Дружба народов (1949 г.)”

Бұл М. Әуезовтің 1949 жылы 29 тамыздағы жиналыста сөйлеген сөзінің стенограммасы. Мәтін Мәскеудегі Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатында сақталған (фонд 631, опись 15, ед. хр. 988, л. 109–113).

Стенограммада М. Әуезов пен А. Фадеевтің сөздері кезектесіп отырады. Бұларда “Дружба народов” журналының соңғы үш санындағы ұлттық әдебиеттерге қатысты шолу мақалалардың мазмұндары талқыланған. Фадеев өз сөзінде бұл мақалаларда белгілі бір ұлттық әдебиеттің бір кезеңі, не жанры түгелге жуық қамтылуы керек деген пікір айтса, Әуезов әр кезеңдегі алдыңғы қатарлы жазушылардың негізгі, көркемдік деңгейі жоғары шығармалары тандап алынып, теориялық тұрғыдан тереңдете талданылуы керек дейді. М. Әуезов сөзінің соңғы жағындағы карело-фин халықтарының ескі әдеби ескерткіші “Калевала” эпосы жайындағы ойлары оның әдебиеттану ғылымында ең алдымен фольклоршы екендігін көрсетіп тұр.

Баяндама мәтіні жоғарыда аталған мұрағаттағы стенограмма бойынша дайындалды.

1. 26-б. “Калевала” – карело-фин эпосы, эпикалық, салттық сипаттағы мәтіндердің бір халықтық эпос аясында шоғырланып, ғасырлар бойы халық жадынан өтуі арқылы қалыптасқан.

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на заседании
художественного совета при Министерстве
кинематографии Казахской ССР при обсуждении
киносценария художественного фильма
“Джамбул” (1949 г.)”**

М. Әуезовтің 1949 жылы 16 қарашада “Жамбыл” көркем-суретті фильмінің сценарийін талдаған отырыста сөйлеген сөзі. Ә. Тәжібаев пен Н. Погодин жазған сценарийдің жақсы жақтары мен кемшіліктерін маман ретінде терең талдаған. Сюжетті шығармалардың авторы, эпик жазушы, драматург Әуезов өзі де бірнеше киносценарий жазғандықтан, “Жамбыл” фильмі сценарийіндегі әр эпизодқа қатысты пікірлерін кино жанрының талаптарымен байланыстыра отырып айтқан. 1952 жылы шыққан фильмнің (режиссері Е.Л. Дзиган, басты рольде Шәкен Айманов) сол кез үшін сәтті туынды екені белгілі. Қазақ киносының алғашқы туындыларының бірі ретінде өнер тарихына енген кинофильмнен М. Әуезовтің аталған отырыста айтқан ойларының ұшқындары анық көрінеді.

Д. Қонаев

“Выступление писателя М. Ауэзова по радио 10 сентября 1949 года”

Бұл М. Әуезовтің радио арқылы 1949 жылы 10 қыркүйекте сөйлеген сөзі. Мұнда жазушы Совет Одағы ағылшын-американ империалистерінің ұстанған саясаттарына қарсы екенін, жаңа соғысты қолдамайтындықтарын, яғни совет елі даму жолын соғыстан емес, халықтың еңбегінен, социалистік-демократиялық өркендеуінен көретіндігін айтқан. Бұл ретте Орта Азия мен Қазақстанның жағдайын мысал еткен. Бұл республикалардың ұлттары Ұлы Қазан көтерілісіне дейін патшалық Ресейдің отарында өмір сүргені, жеке мемлекеті және ХІХ ғасырға дейін жазу-сызуы болмағандығы айтылады.

Қазан көтерілісінен кейін отыз екі жылдың ішінде Орта Азия халықтары экономикалық, мәдениет, білім жағынан өсіп-жетілді. Бірде-бір оқу орны болмаған Орта Азия мен Қазақстанда 80-нен астам жоғарғы оқу орындары, Ташкент пен Алматыда Ғылым академиялары, басқа үш республикада филиалы, ғылыми-зерттеу институттары, консерватория, ұлттық театрлар ашылды. Соның ішінде Қазақстанда – 38, Өзбекстанда 45 театр жұмыс істеді.

Жазушы осы социалистік Орта Азия халықтарының өркендеу жолындағы жетістіктерін шетелдік Азия халықтарымен салыстырмалы түрде қарастырады. Индонезия халықтары 92–94 пайыз сауатсыз болса, бұл көрсеткіш Индия халықтары мен Орта және Таяу Шығыс елдерінде де осыны құрады. Сондай-ақ Иран халқы 90 пайыз, түрік халқы 75 пайыз сауатсыз болған. Осы Азия халықтарындағы сауатсыздық, Индия еліндегі ауру түрлерінің таралуы, бұл халықтардың өткен тарихы мен мәдениеті, тағдыры ағылшын-американ отаршыларын ешбір аландатпайтыны, олар тек осы елдердің байлықтарына қызығушылық танытып, әскери стратегиялық база ретінде қарайтынын айтқан. Осы ретте Советтік Азия жазушылары әлем халықтарын қанаушы, отарлаушы, жаңа

соғысты ұйымдастырушыларға наразылық ретінде қарсы дауыс беретіндігін білдірген.

Бұл жазушының сол кездегі саяси, идеологиялық жағдайға байланысты уақыт талабына сай сөйлеген сөзі.

М. Әуезовтің елу томдық академиялық басылымының осы томына жазушының сөйлеген сөзінің машинкаға басылған, мұражай мұрағатындағы 387-бумада (69–75-бб.) сақталған нұсқасы негізге алынды.

А. Болсынбаева

“Выступление Мухтара Ауэзова перед избирателями 4-го Сталинского избирательного округа”

Алматы қаласы №4 Сталиндік сайлау округі сайлаушыларының алдында сөйлеген сөзінде М. Әуезов көпшіліктің дауыс берер алдындағы көңіл күйін толғаныспен жеткізе отырып, сенім көрсетілген халық қалаулыларының сайлау алды міндеттемелері әрдайым елдің мақсат-мұратымен ұштасып жататындықтан, оның жоғары бірлікпен, қуаныш үстінде, саяси ұйымшылдықпен өтетініне сенім білдіреді. Қазақ КСР Жоғарғы Кеңесіне депутаттыққа кандидат болып ұсынылып, шын мәніндегі халық қалаулысы атанған өз адамдарына дауыс беру кезіндегі ұмытылмас сәттер елдің ертеңгі келешегіне, қуатты даму мен саяси тұрақтылыққа қызмет ететін, халық пен партияның мызғымас бірлігін көрсететін айқын белгі деп атап өтеді.

Сайлауға қатысып, дауыс беретін көтеріңкі көңіл күйдегі адамдардың мерекелік сезімін жеткізе отырып, қаламгер сол кезеңдегі саяси жағдайға сәйкес баспасөзде күнделікті қолданылып жүрген, саяси ұран тәрізді болып кеткен жаттанды тіркестерді де қолданады. Соның ішінде “великий Советский Союз”, “героическая партия Ленина, Сталина!”, “великого кормчего коммунизма, гениального вождя и мудрого учителя нашего Иосифа Виссарионовича Сталина!” деген тәрізді сол уақыттың саяси міндетінен туған, баспасөз беттерінен мүлтіксіз орын алуға тиісті, кез келген мақалаға енгізіліп жүретін көтеріңкі тіркестер жиі кездеседі.

М. Әуезовтің сайлаушылар алдында сөйлеген сөзінің баспасөзде жарияланғаны туралы дерек кездеспеді. Оның орыс тілінде жазылып, машинкаға басылған нұсқасы 387-буманың 11-бетінде сақталған. Елу томдық басылымға аталған сөз осы нұсқа бойынша дайындалды.

М. Ахетов

“Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата правления Союза советских писателей СССР”

Мәскеуде өткен КСРО Жазушылар одағы басқармасының секретариат мәжілісінде сөйлеген сөзі осы ұйымның архивінде сақталған (Архив СП СССР. Опись 28, ед. хр. 75.) Мәжілісте дамудың жаңа кезеңіне бет алған кеңес әдебиетінің маңызды мәселелері төңірегіндегі негізгі баяндамашылардың сөзінен кейін М. Әуезов өз көкейінде жүрген бірқатар ойларын ортаға салып, айтылған жайлар туралы көңілге түйген пікірін білдіреді. Драматургия жанрының өзіне тән белгілерін айта келіп, соның ішінде осы салада фольклорлық сюжетке көп шығармалар жазылуын кейінгі әдебиеттің ең дамыған жақсы жағы болумен бірге, оның қаламгерді күнделікті өмірден алыстатып әкететін кемшілікке айналып кетпеуіне де назар аудару керектігіне тоқталады. Өмірге жақын реалистік туындылар жазып, оны театр сахнасына шығарудағы тәжірибесі мол орыс классикалық драматургиясында қалыптасқан дәстүрге назар аударып, жақсыны үйрене білуде өнердің халықтық негізіне, қоғамның рухани дамуымен ұштасатын танымдық жағына назар аударудың маңызын атап өтеді.

Кеңестік республикалардағы ұлттар әдебиетінің жана-лықтарын орыс тіліне аударып, олардың ішіндегі озық туындыларын театр сахнасынан көрсететін орыс тіліндегі халықтар достығы театрын ашу жөнінде ұсыныс білдіреді. Ол театр арқылы ұлттар әдебиетінің ең тандаулы шығармаларымен көрермен қауым орыс тілінде танысып, ой бөлісе алады. Әдеби дамудың проза саласы бойынша орын алған өзгерістерін сөз еткенде, қаламгер үлкен прозасыз үлкен әдебиет болмайтынын айта келіп, орыс тіліне аударылатын шығармалардың көлеміне көңіл бөледі. Көптеген роман деп ұсынылған шығарманың аударған кезде кішірейе келе повеске, ал повесть делінген туындының әңгіме деңгейіне түспеуі үшін оларды алдын ала дұрыс електен өткізіп, артық жерлерін қысқартып, ықшамдап

барып ұсыну керектігін айтып, бұған аудармашы мен қаламгер ізденіс пен жауапкершілік таныту керек деген пікір білдіреді.

Көп ұлтты кеңес әдебиетінің даму барысы жайлы айтылған ойларға кеңінен тоқтала келе, қаламгер социалистік реализм әдісінің қоғам өзгерістерімен бірге кеңейіп, түрлене беретін сипатына назар аударған.

М. Әуезовтің кеңес жазушылары алдындағы сөйлеген сөзі елу томдық академиялық басылымға орыс тілінде машинкаға басылған нұсқасы бойынша дайындалып, кейбір әріп қателері жөнделі отырып, өзгеріссіз жіберілді.

К. Рахымжанов

“Выступление на совещании по обсуждению наследия Молдо Кылыча (1956 г.)”

Мұхтар Әуезовтің бұл сөзі 1956 жылдың қыркүйегінде Қырғызстан астанасында болған жиынның стенограммасынан (“Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қоры, 191-бума, 35–48-бб.) алынды.

Қазақ әдебиеті секілді, Қырғызстанда да “Ақыр заман”, “Тар заман”, “Зар заман” атанған күрмеуін таптырмас киын бір түйін болды. Осының төңірегінде ой айтқан, көзқарастарын білдірген адамдар барынша қудаланды. Білімділігімен молда атанған Қылыш Шамырханұлы (1866–1917) мұралары дәл осындай қақпақыл күйге түсті. Оның басты шығармалары: “Арман қыз”, “Көбей сұлтан”, “Садырбай”, “Балбак”, “Чуй баяны”, “Керме тоо”, “Канаттулар”, “Буркуттун тойу”, “Зар заман”, “Зил зала”, “Кара Кочкор”, “Кол казал”, “Уй казал” (төрт түлік мал), “Буудайык”. Осылардың ішінен “Зил заласы” 1911 жылы Уфада кітап болып басылды. Османәлі Садықтың “Тарихи Киргизия”, “Тарихи Шадманиясы” да осының ізін ала (1912) жарық көрді. Қырғыздарда зар заман тақырыбын Қалығұл “Заман ақыр”, Арыстанбек “Тар заман”, Алдаш “Қай заман”, Сағымбай “Замана” деген атпен жырлады.

М. Әуезов Молда Қылыш мұраларымен жиырмасыншы жылдардың аяғында танысса, Жетісу фольклорын зерттегенде де қырғыздардың осы саладағы дүниелеріне мейлінше назар аударды. Сол тұстарда екі түрлі болып қалыптасқан ойтанымдарын қайта саралау үшін соңғы айларда көз салғанда, М. Қылыш бар бітімімен жаңа ой, жаңа көзқарас туындаттырды, оның дүниелері өзінің лайықты орнын алуы тиіс дегенге бекіндірді. Бұдан төрт-бес жыл бұрын “Манас” эпосының басына қара бұлт үйірілгенде, оны сейілту, түйінін шешу бұдан да күрделі болып еді, енді Молда Қылышты сондай шырғалаңнан айырып алу үшін мұралары комплексті түрде зерттелінуі қажет деген ойға келді. Ал қазіргі пікір айтушылар болса, оның жүз шақты өлең жолдары төңірегінде ғана айналшықтап, шырма-

лып отыр. Сондағы ауызға ала беретіндері – Молда Қылыштын мына секілді өлең жолдары:

Сөйлөгөным зар заман,
Сөзум жұртқа таркаған.
Кара Кочкор – орунум,
Жерим Жайык, Аркадан.

Көп күнөкөр байларын
Қайыр зекет кылбаған.
Өз колунда көп туруп,
Бөлек малды урдаған (83).

Ақыр заман белгиси,
Ар шумдугу көбөйдү.
Бай малына арзыбай,
Олжо кылды кедейди (113).

Бұл замандын билери
Айтпай бара жебеди.
Бара жесе емдиги,
Ак тайгандай үрөру (113).

Ар балакет көбөйдү,
Ақыр заман доорундо.
Мусулмандын сураги,
Мына капыр колундо.

Орыс журты капырды
Ойлогону закунду.
Орындатар барагар,
Мына бу заман акырды”.

Ол “Чуй даласы туралы аңызында” немесе “Чуй баянында” Токмок қаласын, орыстардың отырықшылық өмірін, базарын, шаруашылық жүйесін, техникасын мактайды. Сөйте тұрып:

“Отор барған жылқыдай
Орыстардын уйлары,
Өгуздөру дөбөдөй
Бары жуда байыптыр.
Кудай бетин көрсөтпө,
Каколдору төбөдөй”, –

дегендей қарсылық ниеттегі ойларын да ашық айтады.

“Зил заланы” ол 1910 жылы болған жер сілкінісінен кейін жазды. Бұл алғаш қисса деген анықтамамен басылса, М. Әуезов оны қисса емес, өсиеттік шығарма деп атады. Молда Қылыш өз шығармасында ел басына түскен ауыртпалықты көрсету арқылы оны жаратушыға сенбейтіндер мен мүлде қаперіне алмайтындардың істеген істерінің қайтарымы ретінде жіберілген жаза деп түсіндірді.

М. Әуезов ақынның сезінісін сөз еткенде, оның халықтық метафора, тапқыр теңеу, даналық ойларға бара бермей, болғанды болған күйінде ғана жеткізуге тырысатынына тоқталады.

Молда Қылыш “Канатуулар” шығармасында оқиғаны тікелей жеткізумен бірге символикаға да барады. Мұнда құстар төрт топқа бөлініп бейнеленеді: біріншісіне – қыран, бүркіттей ірілері, екіншісіне – қарға, құзғын тәрізді өлімтікпен қоректенетін қу, қорқақтары, үшіншісіне – құр, кекілік, қаз, үйректің әлсіздері, төртіншісіне – бұлбұл, бозторғай сияқты сайрағыштары кіреді. Мұндай бейнелеу тәсілдері адамдар арасындағы қарым-қатынасты, олардың мінез-құлықтарын елестетеді. Жұрттың тыныштығын, берекесін қашыратындар да, әлсіздердің әлсіздігіне күліп, мазаққа айналдыратын қиқушылдар да өз орындарын тапқан. Бұл тәсіл ерте дүние ақындарының шығармашылығында да болған. Парсының Фариддин Аттар ақыны (1119 ж.) “Құстар кеңесін” (“Мантиг ат-Тайр”) жазса, сол дәуірдің данышпан философы Мұхаммед әл-Газалидың (1059–1111) “Құстар туралы трактаты”, бертініректе Әлішер Науаидің “Құстар тілі” деген еңбектері дүниеге келді. Бұл ретте Молда Қылышты да сол жол, сол дәстүрді жалғастырушылардың біріне жатқызуға болады.

Тазабек Саманчин мен тағы біраз зерттеушілер “Буудайық” М. Қылыштың шығармасы емес дегені белгілі. М. Әуезов халықтық мұраны өңдеп жаңғыртқан, жаңа мазмұн, жаңа сапаға көтерген М. Қылыш екенін қырғыз, қазақ тілдерінде сөйлеген сөзінің 3, 4, 5-беттерінде салмақты, орнықты мысалдармен дәлелдеп берді. (Стенографисі орыс болғандықтан, сондағы айтылғандар қағазға түспей қалған.) Мұхаң осындай терен, жан-жақты талдауларымен бұдан үш-төрт жыл бұрын әр тарапқа тартқан көкпардай қалың даудың додасынан “Манасты” алып шықса, енді Молда Қылыштың халыққа жетуі мен алдағы зерттелуіне де кең жол ашуға барын салып отырғаны анық байқалады.

Т. Әкім

“Выступление в СП СССР на обсуждении прозаических произведений таджикских писателей (13 апреля 1957 г.)”

М. Әуезовтің кеңес жазушыларының жиынында әр республикадан орыс тіліне аударылып, талқылауға түскен шығармалармен жиі танысып, оларға барынша қолдау жасап, жеткен жетістіктерін жұртшылыққа өзінің бүкпесіз ашық пікірі арқылы білдіріп отырғаны мәлім. Тәжік жазушыларының шығармалары талданған осы жиында қаламгер Д. Икрамидің “Признаю себя виновным” атты повесіне жан-жақты талдау жасай келіп, оның бірқатар табыстарымен қоса олқы соғып жатқан тұстарына да тоқталады. Мұнда тек қана жекелей қаламгерлер шығармасына талдау жасау арқылы сол кездегі кеңес әдебиетіне қажетті көзқарас пен маңызды кеңестер берілген. Ұлттар әдебиетінің орыс тіліне аударылу тәжірибесіне тоқтала келіп, халықтың әдеби дәстүрі мен тұрмыс-салт ерекшеліктерін беру мәселесі де сөз етіледі. Д. Икрами шығармасы мазмұн мен көркемдік тұрғыдан қарастырылып қоймай, қозғаған тақырыбын жеткілікті ашуда характерлерді тереңдете суреттеу жолдары көрсетіліп, кей тұста кейіпкер әрекетінің сенімсіз болып шығу себептерін ашу арқылы одан қалай арылудың жолдары айтылады.

Повесте орын алған оқиғаның сәтті суреттелуі, кейіпкерлердің ұлттық бейнесін жасаудағы жазушының қаламы төселген үлкен қаламгерлерге тән көркемдік бояуының қанықтығы мен тәжік жерінің әсем табиғаты, еңбек адамдарының ұлттық мінезінің өрнектелуіне жоғары баға беріледі.

1. 55-б. **Улуг-зада Сатым** (1919 ж.т.) – тәжік жазушысы, драматург, аудармашы, әдебиеттанушы. 1930 жылдан бастап әңгіме, очерк, мақалалары жариялана бастаған. Ташкент ағарту институтын 1930 жылы бітірген. “Обновленная земля” (1966), “Утро нашей жизни” (1962), “Единение” (1963) кітаптары орыс тілінде жарық көрген.

2. 55-б. **Дехоти Абдісалам Пірмұхамед-заде** (1911–1962) – тәжік жазушысы. Жазушылық жолы 1929 жылдан басталады. 1940 жылы “Өлеңдер мен әңгімелер” жинағы шыққан. Онда 30-шы жылдары жазған туындылары енді. Отан қорғау тақырыбындағы өлеңдері “Тандамалы өлеңдер” деген атпен жарық көрген. Рудаки, Низами, Сағди жинақтарын шығаруға қатысқан.

3. 55-б. **Икрами Джалал** (1909 ж.т.) – тәжік жазушысы. 1927 жылдан бастап баспасөзде әңгімелері жариялана бастаған. “Змея” (1934), “Признаю себя виновным” (1957) повестері, “Враг” драмасы (1933), “Дочь огня” (1962) романы кеңестік дәуіріндегі өмір шындығын қозғайды.

М. Әуезовтің кеңес жазушыларының жиынында сөйлеген сөзі елу томдық толық жинаққа орыс тіліндегі машинкаға басылған (374-бума, 29-б.) нұсқасы бойынша дайындалды.

К. Рахымжанов

**“Выступление М.О. Ауэзова на заседании
Иностранной комиссии СП СССР по подготовке
конференции писателей стран Азии и Африки
(1958 г.)”**

М.О. Әуезовтің аталған жиналыста 1958 жылы 7 ақпанда сөйлеген сөзінің стенограммасы. Стенограмма мәтініне қарағанда, жиналысты Ш. Рашидов жүргізіп отырған. М. Әуезов сөзінде КСРО-ның ұлттық республикаларының әдебиеті орыс әдебиетіне қарағанда өте аз жарияланатынын айтып, Жапонияның мысалында онда жарық көрген 170 шығарманың бәрі дерлік орыс әдебиетінен екенін айтқан. 99 миллион халқы бар Жапонияның онда жапон тілінен басқа тіл жоқ дейтін саясаты сияқты, КСРО-да тек орыс әдебиеті бар деп есептейтінін сынайды. Осыларды айта келе, КСРО Жазушылар одағының Шетелдік комиссиясы ұлттық республикалар әдебиетін де насихаттап, дайындық жұмыстары жүріп жатқан Азия, Африка халықтары жазушылары конференциясына ұлттық әдебиеттердің басты шығармаларын аудармасымен қоса ұсынуы тиіс деген пікір білдіреді. М. Әуезовке қатысты стенограмма бөлігінде А.А. Сурковтың екі жерде қысқаша ескертпе-жауаптары бар. М.О. Әуезов шығармаларының толық академиялық басылымының бұл томына Мәскеудегі мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатында сақталған мәтін (фонд 631, опись 26, ед. хр. 6081, л. 11–13) берілді.

Д. Қонаев

**“Выступление в СП СССР на обсуждении
прозаических произведений
казахских писателей
(17 декабря 1958 г.)”**

Кенес жазушыларының Мәскеуде бас қосқан келелі жиынында қазақ қаламгерлерінің орыс тіліндегі шығармаларын талқылау үш күнге созылып, онда отыздан астам адам әдебиеттің проза саласы бойынша өз ойларын ортаға салып, аталған мәселелер төңірегінде пікір білдіргені осы сөйлеген сөзде ерекше атап өтілген. Жиында М. Әуезов талқылау барысында туған ойлары мен осы үш күндегі айтылған жайлардан туындайтын кейбір маңызды қорытындылары мен көзқарасын ортаға салады.

Кенестік жүйедегі көркем әдебиетте ұлттар әдебиетінің ең озық жетістіктері орыс тілі арқылы басқа халықтар тіліне аударма арқылы жетсін деген көзқарастағы мұндай талқылаулардың қаламгерлерге берер үлгісін жазушы жоғары бағалайды. Осындай берері мол игі бас қосулардың қазақ қаламгерлеріне тигізер ықпалын атай келіп, мұндай жиындарда айтылған жаңа ойлардан туатын жаңашыл көзқарасқа өзінің де қосар тың пікірлері бар екенін білдіреді.

Қаламгер осы сөйлеген сөзінде қазақ әдебиетінің сол кездегі жай-күйіне тоқтала келіп, басқа ұлттар әдебиетіне көркем образ болып енген орыс адамының бейнесін жасаудағы қазақ жазушыларының жеткен жетістіктері мен ерекшеліктеріне мысалдар келтіре отырып, кеңірек талдап өтеді. Сондай-ақ ұқсас қоғамдық жағдайда өмір сүріп жатқан көптеген туысқан халықтардың әдет-ғұрпы, салт-санасын білу мен оларды көркем әдебиетте шынайы суреттеп көрсеткен шығармалардың қазақ әдебиетінде қалыптасқан дәстүрге айналғанын және оның алдағы уақытта да дами беретін ерекшелік екенін айтады.

Туысқан халықтар әдебиетінің бір-бірімен әдеби байланыстары жайына келгенде суреткер кейбір ұлттар әдебиетінде

орыс тілінде жазатын жазушылардың өсіп шығуын ілгері дамудың, әдеби өсудің жаңаша белгісі, тың сипаты деп көрсетеді. Соның ішінде өз шығармаларын орыс тілінде жазатын қазақ жазушыларын атай отырып, олардың ұлт әдебиетімен бірге орыс әдебиетін дамытуға жасаған игі әсерін де айтып өтеді.

М. Әуезовтің кеңес жазушыларының жиынында сөйлеген сөзі толық көлемінде бұрын баспасөзде жарияланбаған. Сөйлеген сөздің негізгі мәтіні орыс тілінде машинкаға басылған нұсқасы (374-бума, 1–14-бб.) бойынша елу томдық академиялық басылымға еш өзгеріссіз жіберілді.

К. Рахымжанов

“Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата правления Союза советских писателей СССР (1960 г.)”

М. Әуезовтің КСРО Жазушылар одағы секретариатының 1960 жылдың 3 ақпанында өткен отырысында жасаған баяндамасының стенограммасы. Стенограмма мәтіні Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатының қорында сақталған (фонд 631, опись 15, ед. хр. 1044, л. 11–15).

КСРО Жазушылар одағы секретариатының бұл отырысында Қазақстан Жазушылар одағының мәселелері қаралғаны М. Әуезовтің сөзінен және стенограмма соңындағы “Что же касается пожелания Казахстана, то предоставляю это сделать секретарю нашей писательской организации”, – деуінен көрінеді. Әуезов сөзінің мазмұнына қарағанда, ол Бүкілодақтық Жазушылар одағының тұрғысынан сөйлегенге ұқсайды. Секретариаттың жылда өз құрамынан немесе президиум мүшелерінен беделді өкілінің бірін бір, бір жарым айға жеке ұлт әдебиетін қарауға бөліп, ұлттық әдебиет жайында қосымша баяндама жасатуын қолдай келіп, әлі де ұлттық әдебиеттерді зерттеу кенже қалып келе жатқанын батыл айтқан. Осындай отырыстарды ұлттық республикаларда өткізсе деген ұсынысы да өткірлігімен ерекшеленеді.

М. Әуезовтің толық академиялық басылымына баяндама мәтіні жоғарыда келтірілген мұрағат материалы бойынша дайындалды.

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на заседании
художественного совета киностудии
“Казахфильм” по обсуждению киносценария
“Песня зовет” (7 декабря 1960 г.)”**

Алматы қаласында өткен бұл жиналыста М. Әуезов 1960 жылдың 7 ақпанында сөйлеген. Сөз мәтіні Мәскеудегі мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатынан алынды (фонд 2912, опись 1, ед. хр. 114, л. 10–12).

Бұл сөзінде Әуезов “Ән қанатында” кинофильмінің режиссері Ш.Аймановқа киносценарий авторларының бірі ретінде қосылғаны, сценарийдің нашарлығы туралы өткір сын-дар айтқан. Кейін экранға шыққан фильмнің (сценарий авторлары: Қ. Сатыбалдин, Б. Ерзинкян, Ш. Айманов, операторы: М. Беркович) көркемдігі әлсіз екені белгілі. Аталған мұрағатта сақталған бумада Ш. Аймановтың сөзі де сақталған. Айманов Мәскеуде қонақ үй номерінде Верещагинмен бірге сценарийді түгел қайта жазып шыққандарын, бұл жұмысқа Қ. Сатыбалдин мен Б. Ерзинкянның қатыспағанын, осы себепті өзін сценаристердің қатарына қосқанын айтады. М. Әуезовтің бұл сөзі автордың кино сыны саласындағы ең басты, өткір пікірі.

Д. Қонаев

“История Казахской ССР” кітабына арнайы жазылған тараулар (1949 ж.)”

М. Әуезов 1949 жылы Қазақ мемлекеттік біріккен баспасынан шыққан “История Казахской ССР” кітабының бірінші томына “Культура казахов в XVI–XVII веках” (глава VIII, §17, 18, с.157–170) және “Культура казахского народа в XIX веке” (глава XVII, §42–47, с. 367–401) тарауларын жазды. Айналасы жеті-сегіз жылдың ішінде “История Казахской ССР” кітабы үш рет шықты (1949, 1952, 1957 жж.). Мұның негізгі себебі Ұлы Отан соғысынан кейінгі кезеңде саяси-әлеуметтік салаларда солақай идеологиялық талаптардың ушығып, күшейіп бара жатуы болды. Орталық “Правда” газетінде “За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана” атты әйгілі мақала шығып, Қазақстан К(б)П Орталық Комитеті ғылымға, әдебиетке, қоғамдық өмірдің басқа да салаларына әсіре идеологиялық талаптар қоя бастады, жеке тарихшы ғалымдар мен әдебиетшілерді қудалауға кірісті. Осының ақыры тарихшы Е. Бекмахановты, әдебиетші І. Есенберлин, Қ. Мұхаметханов, т.б. соттаумен аяқталды. Осындай идеологиялық науқан кезінде партиялық бақылаудың ерекше сынға алған жұмысы 1949 жылы шыққан “История Казахской ССР” кітабы болды. Осыдан кейін 1952, 1957 жылдары шыққан “История Казахской ССР” кітабына М. Әуезов 1949 жылғы жұмыстағы тарауларының кезеңдеріне сәйкес бөлімдерді жазды. Аталған үш басылымдағы М. Әуезов жазған тарауларды салыстырған кезде дәлме-дәл келетін бірде-бір параграфтың жоқ екені анықталды. Айырмашылықтар тараулардың көлемінде, қамтылған материалдарында, кейбір бағалауларда бар. 1949 жылғы кітапта “Культура казахов в XVI–XVII веках” тарауы “Верования” тақырыпшасынан басталып, қазақ халқының арасына мұсылман дінінің келу, таралу жолдары, ерекшеліктері айтылған. 1952 жылғы кітапта оның орнына “Материальная культура” тақырыпшасы беріледі. Мұнда

дін жайында ешқандай сөз жоқ. 1957 жылғы басылым бірден халық ауыз әдебиетінен басталады. 1949 жылғы кітаптың “Культура казахского народа в XIX веке” тарауындағы “Песни национально-освободительной борьбы” тақырыпшасында Кенесары Қасымов бастаған ұлт-азаттық көтерілісі туралы “Творчество ақынов Нысанбая и Досхожи посвящено национально-освободительному движению казахов 1837–1846 годов, руководимому Кенесары Касымовым” – дей келіп, оған жоғары баға береді. Кейінгі, 1952, 1957 жылдардағы осы кезенді қамтыған тарауларда Нысанбайға, Досқожаға қатысты мәтіндер жоқ. Үш басылымдағы М. Әуезов жазған тарауларды салыстырғанда, 1949 жылы шыққан “История Казахской ССР” кітабына қатысты айтылған солақай сындардың кейінгі томдардағы тараулардың мазмұнына тигізген әсері анық көрінеді.

Р. Әбдіғұлов

“На крыльях песни”

М.О. Әуезов пен А.Б. Никольская бірігіп жазған пьесаның мәтіні “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорында сақталған (329-бума, 1–53-бб.). М. Әуезов қайтыс болғаннан кейін Всеволод Булгаровский осы шығарманың негізінде қуыршақ театрына арнап “Золотокосая” (“Әуезов үйі” ҒМО, 560-бума, 1–33-бб.) атты мәтін дайындаған. Мұнда “На крыльях песни” пьесасының мәтіні түгел сол қалпында бар. Булгаровский балалар танымына ыңғайлап қысқартқан. Өзі қосқан, өзгерткен жерлері жоқ.

Бұл пьеса – фольклорлық мұраны жанаша игерудің ерекше көркем, өнімді үлгісі. Алғаш жарияланып отырған шығарма болашақта киногерлер үшін, театр қойылымы үшін өте қызықты материал.

Пьеса 1943 жылы, А.Б. Никольская айдаудан Алматыға келгеннен кейін жазылған болуы керек (қараңыз: Мұхтар Әуезов в воспоминаниях современников. Листки воспоминаний. Алмата: Жазушы. 1972. С. 159–169.).

Никольская жазып алған М. Әуезовтің ертегі жанрының маңызы жайлы ойлары ертегі интерпретациясына қатысты жанаша тұжырымдарды көрсетеді. Мұнда Мұханның жаңа туып келе жатқан қазақ кино өнері үшін ертегі жанрының өте пайдалы көз екені туралы пікірлері де бар: “...Из всех искусств, какие существуют, кино полней, лучше и ближе других может подойти к сказке. Пока сказка бытует в устной передаче, она творится, она живет. Записанна и отданная литературе, она превращается в прекрасное изваяние, но “твориться” перестает. А кино через века протягивает руку сказке и продолжает творить ее. Киноискусство становится сказителем”.

Анна Борисовна Никольская 1899 жылы Петербург қаласында туған. Азамат соғысы жылдарында Петроград округі әскери комиссариатының соғыс ғылымы бөлімінде еңбек жолын бастады. 1924 жылы Ленинград мемлекеттік университетінің қоғамдық факультетінің этнологиялық линг-

вистика бөлімін бітірді. Сонда, Тіл және әдебиет институтында аспирантурада оқыды.

А. Никольская кейін Ленинградта Совпартшколда оқытушы болды, Өнер тарихы институтында көне орыс әдебиеті семинарын жүргізді, КСРО Ғылым академиясының қолжазба қорының аға палеографы қызметін атқарды. “Әлемдік әдебиет” баспасы үшін көркем аудармалар жасады, ғылыми жұмыстар жүргізді.

Кейін Алматыға келіп, қазақ ақындарының өлеңдерін аудара бастайды, біраз уақыттан кейін прозалық шығармаларды аударуға кірісті. А. Никольская бұл жылдары “Қыз Жібек” лиро-эпосын түгелдей аударып, ХІХ ғасырдағы қазақ ақындарының төңкерісшіл жырларын, поэмаларын, Махамбет өлеңдерін орысшалады. 1945–1946 жылдары М. Әуезовтің “Абай” романының алғашқы екі бөлімін және сол кездегі қазақ жазушыларының бірқатар шығармаларын аударды. 1963 жылы “Жазушы” баспасынан “Неписанные истории” атты, 1968 жылы “Пропавшие письма” атты әңгімелер жинағы шықты.

2008 жылы Алматыда “Жедел басылым типографиясында” шыққан “Красный террор. Политическая история Казахстана (сборник документальных материалов политических репрессии 20–50-х годов XX века)” кітабында (құрастырушылары: М. Қойгелдиев, В. Полулях, Ш. Тілеубаев.) Никольскаяның Алматыға келу себептері, мұндағы өмірі жайлы нақты құжаттық деректер берілген: “Никольская Анна Борисовна. Справка – арестована органами ОГПУ в г. Ленинграде в 1933 году по ст. 58, пп. 10.11.УНК РСФСР и в 1934 году Особым Совещанием при НКВД СССР выслана в Казахстан на 3 года. Срок наказания отбыла. 29 октября 1937 года вновь арестована УГБ К ССР. Постановлением тройки УН КВД по Алма-Атинской области от 10 декабря 1937 года осуждена на 10 лет в ИТЛ без ссылки на какую-либо статью УК РСФСР. 28 марта 1943 года из Сарагульского отделения Северо-Уральского ИТЛ освобождена досрочно в порядке директивы НКВД, НКЮ и Прокурора СССР от 23 октября 1942 года №467/18-71/117 с.

Определением № 22 8786-с-54 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 2 марта 1955 года. Постановление тройки УНКВД Алма-Атинской области Казахской ССР от 10 декабря 1937 года отменено и дело за недоказанностью обвинения производства прекращено”.

Осы кітапта алғаш рет А.Б. Никольскаяның 1939 жылы 17 желтоқсанда И.В. Сталинге жазған хаты берілді. Хатта Никольская Алматыға жер аударылуы туралы: “Годы ссылки (г. Алмата) я непрерывно работала, сперва в Государственной публич-

ной библиотеке Казахстана, затем с разрешения НКВД преподавателем иностранных языков членам СНК г. Алма-Ата, затем доцентом на правах профессора и профессором Алматинского педвуза, а по совместительству, консультантом Союза советских писателей Казахстана и стихотворным переводчиком казахской поэзии в Краевом издательстве, в основном старинного эпоса. Мною были выпущены две книжки: полный стихотворный перевод легенды “Кыз Жибек” и “Революционные песни повстанцев – казахов XIX в”.

Оба перевода заслужили исключительно похвальные отзывы специалистов – литературоведов и тюркологов (например, Института востоковедения Всесоюзной Академии наук, в частности акад. Самойловича). Неоднократно газеты “Казахстанская правда” и “Вечерняя Алма-Ата” давали лестные рецензии о моей работе (Красный террор. Алматы, 2008. С. 190–191”).

Алматыдағы кезеңінде А.Б. Никольская көне орыс әдебиетіне қатысты жұмыстарымен қатар, қазақ әдебиеті шығармаларын тұрақты түрде аударды. Жоғарыда айтылған шығармалармен қоса, Ж. Саинның “Жорық жырларын”, М. Әуезовтің “Қобыланды батыр” драмасын, халық ақыны Н. Байғаниннің поэмалары мен өлеңдерін, Ғ. Мұстафиннің “Миллионер” романын, Ы. Алтынсариннің біраз әңгіме, өлеңдерін, т.б. шығармаларды аударды.

М. Әуезов шығармаларының бұл томына пьеса мәтіні “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорындағы (329-бума) нұсқа бойынша берілді.

Р. Қайшыбаева

“Аққасқа”

М. Әуезовтің бұл аудармасы тұңғыш рет А.П. Чеховтың қазақ тілінде шыққан үш томдық шығармалар жинағында жарияланған (Алматы: Жазушы, 1955–1957). Одан кейін екі томдығының 2-томына да енген (Алматы: Жазушы, 1975. 74–78-бб.). Ал жазушының жиырма томдық шығармалар жинағының 14-томына (Алматы: Жазушы, 1983. 188–191-бб.) аталған жарияланымдар негіз болған. Аударманың қолжазбасы сақталмаған және жоғарыдағы нұсқалар арасында ешбір айырмашылықтар кездеспеді.

М. Әуезовтің 1929 жылы жазылған “Көксерек” повесіне дайындық іспетті маңызы бар осы тақырыптағы аудармалары 1936 жылдан басталғанына Л.Н. Толстойдың “Булькасы”, Дж. Лондонның “Қасқыр” әңгімелері толық дәлел бола алады. Жалпы, М. Әуезов 1918 жылдан бастап әдеби аудармамен айналысқаны белгілі (Будда. “Абай”. 1918). Бұл бағытта көркем аударманың кейбір теориялық мәселелері туралы ғылыми мақалалар да жазды. Жазушы тек әңгіме жанрында ғана аударма жасап қоймай, күрделі, көлемді шығармаларды да тәржімеледі. Айталық, Ю. Вагнер, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.В. Гоголь, Н. Погодин, т.б., сондай-ақ В. Шекспирден жасаған аудармалары. Мұнда қысқа әңгімелерден бастап романға, ғылыми-танымдық еңбектерден – пьесаға шейін құлаш сермегені белгілі.

Міне, осындай шығармашылық ізденістер, көркемдік-эстетикалық толысулар жолындағы нақты тәжірибе жазушының суреткерлік қаламын ұштап, талантының әр қырлылығын аша түсті. М. Әуезовтің А.П. Чеховтан аударған “Аққасқасы” өзінің көркем аудармаға қоятын қатаң талабына толық жауап беретін еңбегі.

Жазушы шығармаларының елу томдық толық жинағына аударманың жиырма томдықтағы жарияланымын өзгеріссіз ұсындық.

Е. Қаныкейұлы

МАЗМҰНЫ

I. ӨМІРБАЯН	3
Автобиография (1953 г.).....	5
Автобиография (1958 г.).....	10
Автобиография (1959 г.).....	14
II. СӨЙЛЕГЕН СӨЗДЕР	17
Выступление М.О. Ауэзова на совещании в Институте мировой литературы им. А.М. Горького по вопросам изучения литературы народов СССР (1949 г.).....	19
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата СП СССР по обсуждению альманаха “Дружба народов” (1949 г.).....	24
Выступление М.О. Ауэзова на заседании художественного совета при Министерстве кинематографии Казахской ССР при обсуждении киносценария художественного фильма “Джамбул” (1949 г.).....	27
Выступление писателя М. Ауэзова по радио 10 сентября 1949 года.....	30
Выступление Мухтара Ауэзова перед избирателями 4-го Сталинского избирательного округа.....	35
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата правления Союза советских писателей СССР (13 ноября 1954 г.)	37
Выступление на совещании по обсуждению наследия Молдо Кылыча (1956 г.).....	44
Выступление в СП СССР на обсуждении прозаических произведений таджикских писателей (13 апреля 1957 г.).....	55
Выступление М.О. Ауэзова на заседании Иностранной комиссии СП СССР по подготовке конференции писателей стран Азии и Африки (1958 г.).....	63
Выступление в СП СССР на обсуждении прозаических произведений казахских писателей (17 декабря 1958 г.).....	65

Выступление М.О. Ауэзова на заседании Секретариата правления Союза советских писателей СССР (1960 г.)	76
“Выступление М.О. Ауэзова на заседании художественного совета киностудии “Казахфильм” по обсуждению киносценария “Песня зовет” (7 декабря 1960 г.)	79
III. “ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР” КІТАБЫНА АРНАЙЫ ЖАЗЫЛҒАН ТАРАУЛАР (1949 ж.)	83
<i>Глава VIII. Культура казахов в XVI–XVII веках</i>	<i>85</i>
§ 17. Верования и народное творчество казахов	85
§ 18. Музыкальное творчество и прикладное искусство казахов	97
<i>Глава XVII. Культура казахского народа в XIX веке</i>	<i>101</i>
§ 42. Песни национально-освободительной борьбы	101
§ 43. Отношение к казахскому народу передовых русских людей	106
§ 44. Первый казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов	110
§ 45. Великий поэт-просветитель Абай Кунанбаев	117
§ 46. Просветитель Алтынсарин и русская культура в Казахстане в конце XIX века	127
§ 47. Казахская музыка в XIX веке	136
IV. ПЬЕСАЛАР	143
На крыльях песни (пьеса для юношества)	145
Золотокося (пьеса-сказка в 2-х действиях для театра кукол)	223
V. АУДАРМА	249
Аккаска	251
VI. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	257

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

46-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:
С. Назарбаева, Б. Қананиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан*
Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 11.03.2014 ж. қол қойылды.

Пішімі 84x108 ¹/₃₂, Офсеттік қағаз.

Қаріп түрі “Таймс”.

Шартты баспа табағы 15,1.

Таралымы 4000 дана.

Тапсырыс № 1180.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-188-3

9 786012 941883